

История материальной культуры Узбекистана

Выпуск 15

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ
МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ
УЗБЕКИСТАНА

ВЫПУСК 15

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ — 1979

В сборнике освещаются результаты археологических исследований, проводимых на территории Узбекистана. В научный оборот введены новейшие материалы, полученные в результате открытия памятников в бассейне Ахангарана, Курганская, Туябугузского водохранилища. Подведены итоги исследований на таких памятниках, как цитадель Билувуртепа, городище Зартепа и др. Дан нумизматический материал, раскрывающий этапы истории денежного обращения Средней Азии X и начала XI в.

Для археологов, историков, преподавателей и студентов гуманитарных вузов, а также всех интересующихся древним прошлым Узбекистана.

Ответственный редактор
доктор исторических наук *А. Аскар*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной выпуск «Истории материальной культуры Узбекистана» содержит научные статьи и сообщения, посвященные новейшим результатам археологических исследований памятников различных периодов истории культуры Узбекистана.

Так, в статье М. Касимова «Новые открытия палеолитических памятников в бассейне р. Ахангарана» рассказывается о двух новых пунктах палеолитических местонахождений, обнаруженных по среднему течению р. Ахангарана, — Шиванбае и Яккабае — и выявленных здесь находках.

Статья М. Касимова, Х. Дуке и Т. Гречкиной посвящена открытым в бассейне Туябугузского водохранилища новым пунктам стоянок каменного века. По данным исследования, три пункта — местонахождения-1, 3 и 5 — дают смешанный материал эпохи верхнего палеолита и неолита, один — местонахождение-2 — материал, относящийся к мустье, верхнему палеолиту и неолиту, а местонахождение-3 а оказалось «чисто» неолитическим. Авторы отмечают, что более ранние комплексы туябугузских стоянок имеют близкое сходство с комплексами памятников среднего течения Ахангарана и верхнепалеолитических стоянок типа Бозсу под Ташкентом.

В статье Х. Дуке «Новая стоянка эпохи бронзы в Ташкентской области» сообщается об открытии в зоне Туябугузского водохранилища стоянки с лепной керамикой андроновско-тазабагыябского типа. Проводя широкие аналогии, автор датирует данный комплекс серединой II тыс. до н. э.

Б. Абдуллаев подводит итоги многолетним исследованиям могильника Джаркутан, предложив на основе глубокого анализа вскрытого материала новую периодизацию этого памятника.

Анализ краниологических материалов Джаркутана приводится в статье Х. Халилова, который приходит к выводу о единстве генетического развития населения Джаркутана и Сапаллитепа.

Статья У. Рахманова посвящается раскопкам керамических горнов культуры Сапалли на Бустане 4. Опираясь на результаты

раскопок в шести двухъярусных керамических горнах, автор приходит к выводу, что керамическое производство культуры Сапалли достигает небывалого развития в джаркутанский этап. Переход от небольших печей к сложным высоко развитым керамическим горнам свидетельствовал об эволюции гончарного производства.

В статье Р. Сулейманова и Н. Нефедова «Раскопки святилища храма городища Ер-Курган» подробно описывается архитектурно-археологический комплекс храма. Исходя из анализа вскрытого материала, авторы приходят к выводу, что храм испытывал пять этапов строительства. На основе проведения широкой аналогии они датируют святилище городского храма Ер-Кургана III—IV вв. н. э. Статья И. Ахрарова «Сельское поселение античного времени в Чустском районе» посвящается археологическим раскопкам памятников, расположенных на берегу Куриганса Чустского района Наманганской области в кишлаке Чустнон. При раскопках одного из них (Каратепа) был открыт квадратный зал с обходными коридорами вокруг и примыкающими к нему двумя помещениями. Автор полагает, что он был святилищем, а примыкающие к нему помещения предназначались как служебные комнаты для служителей сельского храма. Время функционирования сельского храма И. Ахраров относит к первым векам нашей эры.

В сборник включено небольшое научное сообщение Ю. Заднепровского и Л. Баранова о результатах раскопок на цитадели Билувуртепа в Андижанской области. Авторы сообщают о завершении раскопочных работ по выявлению планировки цитадели, которая представляла собой монументальное здание, состоящее из пяти комнат. Планировочное решение застройки цитадели и комплекс археологических материалов позволили авторам датировать Билувуртепа первыми веками нашей эры.

Изучению фортификаций позднекушанского времени посвящается статья К. Сабирова «Новые данные о крепостных стенах кушанского городища Зартепа». Автор излагает результаты раскопок, произведенных им в 1973—1975 гг. на городище Зартепа, где он выявил мощную крепостную стену протяженностью около 120 м с тремя фланкирующими овальными башнями и бойницами. В фортификации Зартепа прослежены четыре строительных периода, которые отчетливо отображают историю оборонительных сооружений древнего города.

Вопросам фортификации древних городов Средней Азии посвящается и статья М. Туребекова, в которой автор сообщает о результатах своего исследования на городище Калаи-Зохаки-Марон — крупнейшем городском центре античного и средневекового Согда. На основе комплексного анализа археологического материала, полученного из кладки стен, время возведения всех трех стен городища автор относит ко II в. до н. э., реконструкцию первой и второй городских стен — к V в. н. э. и их ремонт —

к VII—VIII вв. н. э. М. Туребеков отмечает отсутствие в планировке Калаи-Зохаки-Марон аналогии с восточно-эллинистической фортификацией и вероятность возведения ее основателями обширной кушанской империи.

В статье Р. Абдиримова «К изучению памятника Аксачтепа» излагаются результаты стратиграфических шурфовок на городище Аксачтепа Бухарским разведочным отрядом, проводившим сплошные обследования памятников истории культуры в Кызылтепинском районе Бухарской области. В заложенных двух стратиграфических шурфах для определения возраста памятника были выявлены почти одинаковые культурные напластования, представляющие собой три строительных этапа на городище. Нижний слой автор относит к IV—V вв. н. э., средний — к V—VI, а верхний — к VI—VII вв. н. э. Прекращение жизни в крепости Р. Абдиримов связывает с арабскими завоеваниями.

Два фрагмента люстровой керамики XII—XIII вв. из Бухары стали предметом исследования К. Абдуллаева. Детально анализируя их, автор характеризует XII—XIII столетия расцветом производства изделий с люстровой росписью и широким распространением их на обширной территории стран Ближнего и Среднего Востока.

В статье А. Валиева сообщается об устройстве колодца Старого Термеза X—XI вв. Автор отмечает, что на территории Старого Термеза подобных колодцев в свое время было много и они служили источниками для водоснабжения горожан.

Э. Ртвеладзе и М. Исхаков в статье «Два средневековых Чаганианских селения» на основе анализа письменных источников и археологических материалов довольно точно охарактеризовали два селения Дерзенги и Баранги с двумя археологическими объектами. Тщательный анализ данных позволил авторам локализовать селение Дерзенги с остатками крупного средневекового селения у кишлака Джалаир, а селение Баранги — со средневековым поселением Гормалитепа по правому берегу Сурхандарьи. Данное исследование имеет немаловажное значение для изучения исторической топографии Чаганиана в пору развитого средневековья.

Рекогносцировочным работам по изучению древних оловорудных источников на территории Узбекистана посвящена статья В. Рузанова, который сообщает о нескольких ранее не известных древних рудных источниках. Автор описывает древнюю оловоплавильную печь, относящуюся к первым векам нашей эры на участке «Лапас» Семизкудукского месторождения. В статье приводятся результаты геохимической характеристики руд из древних выработок.

В статье Т. Ерназаровой «Новые монеты Афрасиаба и его окрестностей» в научный обиход вводится нумизматический материал, который дополняет свод согдийских монет по вопросу изучения денежного обращения древнего Самарканда и Согда в

целом. Примечательно, что здесь впервые приводятся монеты самаркандского ихшида Тургара (738—750), дана уникальная медная монета с древней согдийской надписью конца IV — начала V в.

Изучению нумизматики Караханидов посвящены две статьи сборника. В статье Б. Кочнева «Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть 2 (Караханиды)» на основе привлечения новых монетных находок исследователь дает дополнительные сведения по истории, относящиеся к периоду правления династии Караханидов. В статье С. Ишанханова и Б. Кочнева «Древнейшие караханидские монеты» исследуются ранее неизвестные монеты Бограхана, которые представляют большой интерес как древнейшие караханидские дирхемы и динар, отражающие ранние этапы истории денежного обращения Средней Азии X и начала XI в.

М. КАСЫМОВ

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В БАССЕЙНЕ р. АХАНГАРАНА

Ахангаранский палеолитический отряд Института археологии АН УзССР продолжил в 1976 г. исследования стоянки Кульбулак, расположенной на юго-восточном склоне Чаткальского хребта у правого берега Ахангарана¹. Кроме стационарных раскопок на Кульбулаке, осуществлялись разведывательные работы на обоих берегах Ахангарана в его среднем течении. В результате были выявлены новые разновременные археологические памятники, в том числе два местонахождения, относящиеся к эпохе палеолита².

Одно из местонахождений — Шиванбай — находится в долине Гыштсая на правом берегу Ахангарана, примерно в 1 км к северу и северо-западу от мастерской каменного века Гыштсай³. Местонахождение расположено в 100—120 м выше от слияния Шиванбайсая в Гыштсай. Местность интересная, с удобной для жилья площадкой. На местонахождении Шиванбай во время кратковременного посещения было собрано 25 экз. каменных изделий: 17 экз. было изготовлено из кремня, 8 экз. — из кремнистого известняка. Эта немногочисленная коллекция представлена 9 нуклеусами, орудием теякского типа, выемчатым орудием и 14 отщепами с ретушью и без нее.

Среди обнаруженных нуклеусов, различных по размерам и формам, наибольший интерес представляет дисковидный нуклеус размером 2,5×3,5×4 см. Видимо, его использовали в качестве нуклеуса вторично, о чем свидетельствует сильная патинизация сохранившейся части и сравнительно свежие на противополож-

¹ Касымов М. Р. Памятники каменного века в долине Ангрена.— В ж. ОНУ, 1967, № 2.

² Касымов М., Кабиров Дж., Омонжулов Т. Новые памятники в бассейне Ахангарана.— В сб.: Археологические открытия 1976 года. М., 1977, с. 527—528.

³ См.: Касымов М. Р., Ростовцев О. М. Мастерские каменного века в долине р. Ангрена.— В сб.: ИМКУ. Вып. 8. Ташкент, 1969; Касымов М. Р. Кремнеобрабатывающие мастерские и шахты каменного века Средней Азии. Ташкент, 1972, с. 86—89.

ной стороне радиальные сколы. Ударная площадка подправлена поперечными сколами. В единственном экземпляре представлен многоплощадочный нуклеус подтреугольной формы, ударные площадки которого расположены перпендикулярно друг другу и подправлены поперечными сколами (рисунок, 8). Остальные нуклеусы (7 экз.) — атипичные, отличаются по форме и размеру. На поверхности большинства из них (5 экз.) местами сохранилась желвачная корка и негативы бессистемных сколов, видимо, от неудачных ударов.

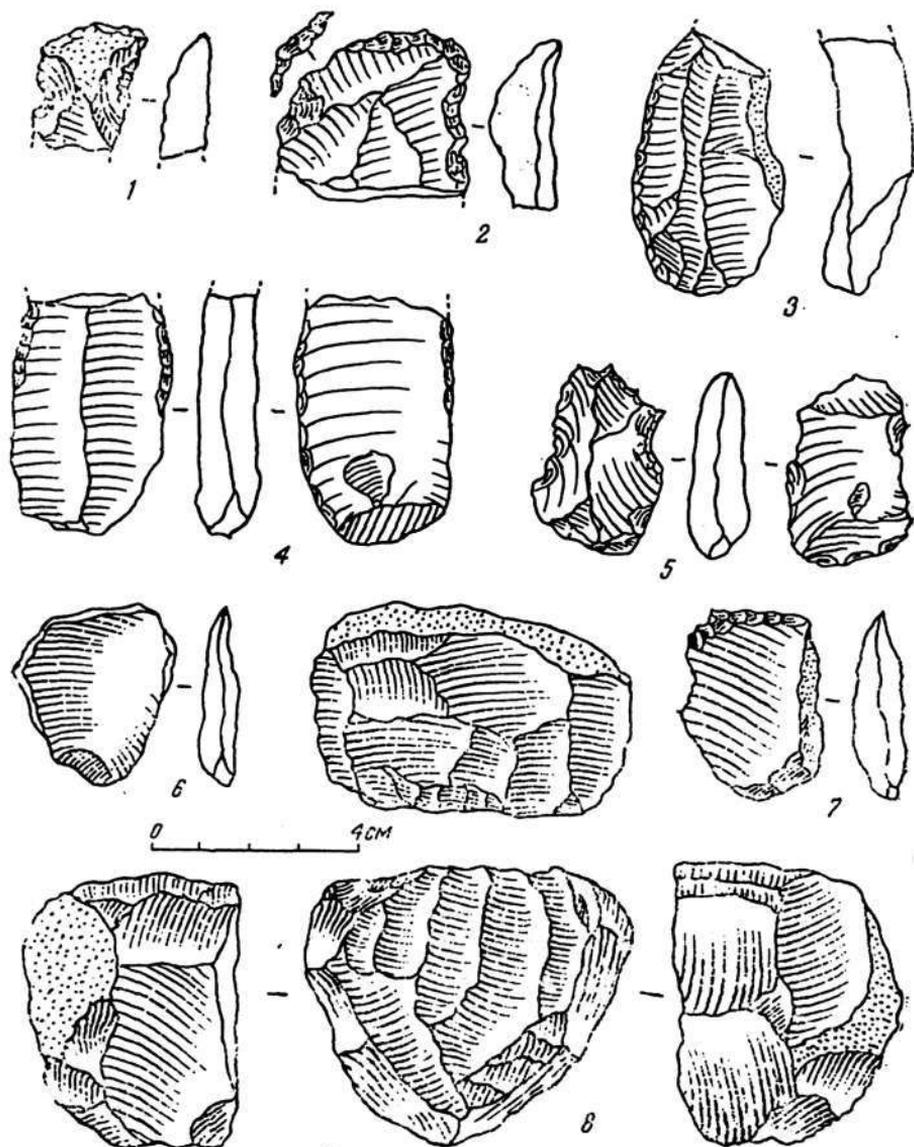
Орудие теякского типа изготовлено из короткой пластины. Оно характеризуется прекрасно обработанными выступами и одним неровным рабочим краем с выемками, чередующимися с выступами, обе стороны которого обработаны мелкой ретушью. Остальная часть пластины неровная, но с четкими следами ретуши. Верхняя часть и ударная площадка орудия подтесаны со стороны спинки (см. рисунок, 5), что характерно для многих орудий, обнаруженных в мустьерских слоях Кульбулака.

Выемчатое орудие изготовлено из прозрачного кремня. Выемки расположены на обоих краях пластинки, они сравнительно небольших размеров, со следами мелкой ретуши. Видимо, употреблялись в качестве скоблящих орудий (см. рисунок, 1).

Отщепы изготовлены из серого (10 экз.) и коричневого (1 экз.) кремня, а также из кремнистого известняка (3 экз.). Размеры их различны. На 8 экз. сохранилась желвачная корка, 4 экз. имели ударную площадку, подправленную поперечными сколами. На спинках многих отщепов сохранились следы радиальных сколов, характерных для мустьерского времени. Среди них 3 экз. подвергнуты вторичной обработке, из них 2 экз. имели самые малые размеры — $1,0 \times 0,5 \times 0,4$ см. Края этих отщепов не ровные, но хорошо оформлены ретушью. Подобные миниатюрные орудия встречены в мустьерских слоях Кульбулака. Наиболее характерен третий отщеп, который носит удлиненную форму, размером $5,2 \times 2,8 \times 1,8$ см, сравнительно толстый, на нем частично сохранилась желвачная корка, на спинке — следы почти параллельных сколов, снятых с двух противоположных сторон, характерные для позднего палеолита. Его продольный край обработан сравнительно мелкой ретушью (см. рисунок, 3). Остальные отщепы не подвергнуты вторичной обработке (см. рисунок, 6) и носят различные формы и размеры.

Итак, по технике обработки каменные изделия местонахождения Шиванбай датируются мустьерским временем и частично верхним палеолитом. Дальнейшие исследования памятника пополнят материал для раскрытия истории этого края. Большой процент (80) изделий, не подвергнутых вторичной обработке, позволяет утверждать, что памятник является местом обитания и добычи сырья, а также обработки каменных орудий, о чем свидетельствует наличие на данном участке местонахождения выходов кремня и кремнистого известняка.

Другое местонахождение — Яккабаг. Оно находится на левом берегу сая Таразибулак, примерно в 300 м к северо-востоку от

Каменные изделия местонахождения Шиванбай (1, 3, 5, 6, 8) и Яккабагай (2, 4, 7)

многослойной палеолитической стоянки Кульбулак. В урочище Яккабаг, расположенном у подножья холма левого берега Таразисая, найдено несколько каменных изделий из кремня и кремни-

того известняка. Все орудия типично мустьерского облика. Среди них фрагмент верхней части пластины с двумя отретушированными выемками и притупляющей ретушью на остальной части рабочего края (см. рисунок, 2). Большой интерес представляет обломок основания пластины, на краях которого сохранились следы приостряющей ретуши (см. рисунок, 4). Он изготовлен на отщепе и его верхний ровный край тщательно отретуширован. В углу обработанного края другого орудия сохранился острый, обработанный ретушью выступ, видимо, использовавшийся как прокалывающее орудие (см. рисунок, 7). Пока такое орудие найдено только на этом местонахождении.

Таким образом, описанные каменные изделия местонахождений Шиванбай и Яккабаг аналогичны орудиям мустьерских слоев многослойной палеолитической стоянки Кульбулак⁴. Следовательно, нами открыты палеолитические памятники, дающие однотипные комплексы каменных индустрий и характерные пока только для бассейна р. Ахангарана, а также отличающиеся специфическими особенностями от других одновозрастных археологических памятников Узбекистана.

---

⁴ Касымов М. Р. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак в Узбекистане (предварительные итоги исследования).— В сб.: МИА. Вып. 185. Палеолит и неолит СССР. Т. 7. Л., 1972, с. 111—119.

М. КАСЫМОВ, Х. ДУКЕ, Т. ГРЕЧКИНА

О НОВЫХ ДАННЫХ ПО КАМЕННОМУ ВЕКУ ТУЯБУГУЗА

Туябугузская группа археологического отряда Института археологии АН УзССР, продолжив в 1976—1977 гг. исследования памятников каменного века на обширной территории правого берега Туябугузского водохранилища, обнаружила многочисленные каменные изделия¹. Этот материал раскрывает интересные факты, касающиеся трудовой деятельности людей, живших на данной территории в эпоху камня. Приведем описание археологического материала, начиная с первого местонахождения², расположенного на правом берегу реки ниже впадения в Ахангаран Бургулюксай.

Настоящий сбор сделан на широкой территории, охватившей более 400 м² площади вдоль берега реки. На местонахождении представлено 59 предметов, различных по форме и технике изготовления. По характеру обработки, морфологическим признакам и степени сохранности изделия можно разделить на два комплекса: позднепалеолитический и неолитический.

К позднепалеолитическому комплексу относится всего лишь 22 предмета. В основном это нуклеусы, ножевидные пластинки, концевые скребки и т. д. Все орудия патинизированы серой и серовато-белой патиной и по своим морфологическим признакам совершенно отличаются от изделий неолитического комплекса и в то же время соответствуют позднепалеолитическому комплексу сбора предыдущих лет на данном местонахождении.

Нуклеусы, составившие этот комплекс, представлены 5 экз., из которых 2 экз. использованы до предела. Три подпризматических нуклеуса обработаны с обеих сторон, у остальных сколы произведены в разных направлениях. Размеры их различны: длина 2,3—4, ширина 2,1—3,4, толщина 0,8—2,4 см (рис. 1, 14).

---

¹ В сборе приняли участие Ю. Ф. Буряков, Х. И. Дуке, К. Алимов, В. Аминов, Т. Ю. Гречкина и др. В те годы памятники посетили Г. Ф. Тетюхин, М. Р. Касымов.

² См.: Касымов М. Р. Местонахождения каменного века в Туябугузе.— В кн.: Древности Туябугуза. Ташкент, 1978.

Характерны для этого комплекса ножевидные пластинки — их всего 4 экз. Две из них целые, остальные — в обломках. Три

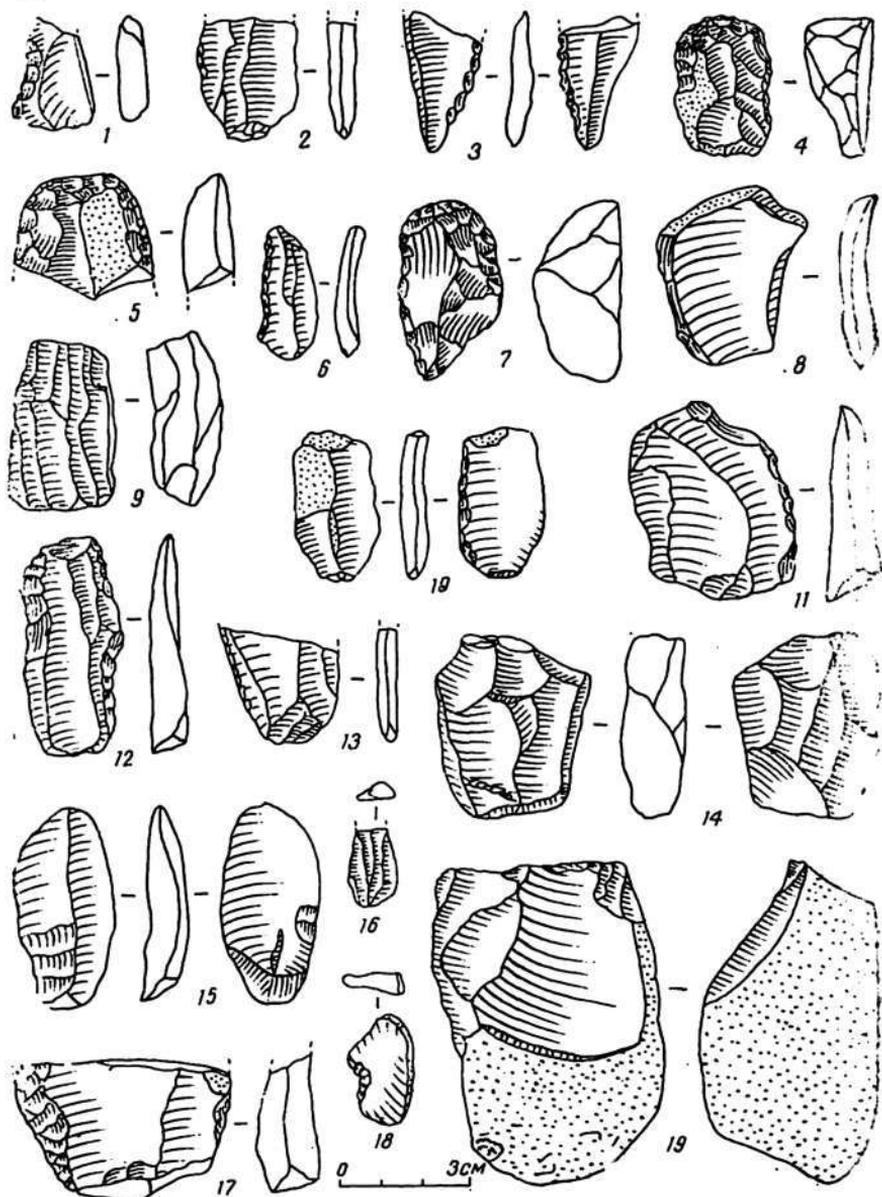

Рис. 1. Туябугузские местонахождения каменного века. Каменные изделия

пластинки подвергнуты вторичной обработке. Одна удлиненная с параллельными гранями на спинке. Ее продольные края отре-

тушированы мелкой затупливающей ретушью, что способствовало образованию выемчатых рабочих краев (см. рис. 1, 12). На всех пластинках сохранились ударные площадки и на их спинках параллельные грани, что свидетельствует о их снятии с призматического нуклеуса (см. рис. 1, 2). Размеры пластинок различны: длина 2,7—4,9, ширина 1,9—2,1, толщина 0,6—0,8 см.

Концевые скребки представлены двумя экземплярами. Они изготовлены из сравнительно толстых и удлиненных отщепов. Первый высокий скребок имеет полукруглый рабочий край и обработанные ретушью два продольных края (см. рис. 1, 4). Второй скребок имеет сравнительно ровный рабочий край, обработанный притупляющей ретушью (см. рис. 1, 5).

Самую большую группу составляют отщепы — 11 экз. За исключением одного все отщепы изготовлены из кремня. Орудия различны по очертаниям и размерам: длина 1,2—3,8, ширина 0,6—4,8, толщина 0,2—0,9 см. Вторичной обработке подвергнуто всего два отщепы: один обломок широкого отщепы имеет продольный край, тщательно обработанный приотрясающей мелкой ретушью (см. рис. 1, 17), другой — хорошо обработанную выемку, использовавшуюся в качестве скобляющего орудия. Остальные отщепы являются отбросами производства.

Изделия, относящиеся к неолитическому комплексу, представлены 37 экземплярами. Для изготовления их в основном использовался кремень и частично халцедон. В коллекции представлены двухплощадные нуклеусы, миниатюрные пластинки, вкладыши и другие орудия, совершенно отличные от изделий предыдущего позднепалеолитического комплекса. Они сравнительно свежие, некоторые из них почти не патинизированы. Среди них наиболее характерны нуклеусы — 4 экз. Два из них до предела использованы. На одном сохранились следы параллельных сколов (см. рис. 1, 16). Третий — двухплощадочный, его площадки подправлены поперечными сколами, обработана только одна сторона, на которой сохранились следы миниатюрных пластин, нанесенных с противоположных сторон (см. рис. 1, 9). Четвертый — обломок нуклеуса, имеет следы бессистемных сколов.

В единственном экземпляре представлен скол с площадки нуклеуса, свидетельствующий об ее обновлении после порчи (рис. 2, 4). Пластинки и их обломки немногочисленны — 6 экз. Среди них одна целая, а остальные в обломках. У двух сохранилась ударная площадка. Для этого комплекса характерно наличие миниатюрных пластинок, снятых с аналогичных нуклеусов (см. рис. 1, 6; 2, 3). Две из них частично по краям отретушированы (см. рис. 1, 10; 2, 2).

В единственном экземпляре представлен скребок на конце удлиненного толстого обломка халцедона. Рабочий край его полукруглый и первоначально обработан сравнительно крупными сколами, а затем мелкой ретушью (см. рис. 1, 7).

В коллекции 2 экз. вкладышевых орудий. Одно из них невысокое с полого-овальной спинкой и односторонней обработкой, длиной 1,9 и шириной по центру 0,5 см. Оно отличается тонко нанесенной ретушью. Рабочая часть тонкая с явными следами

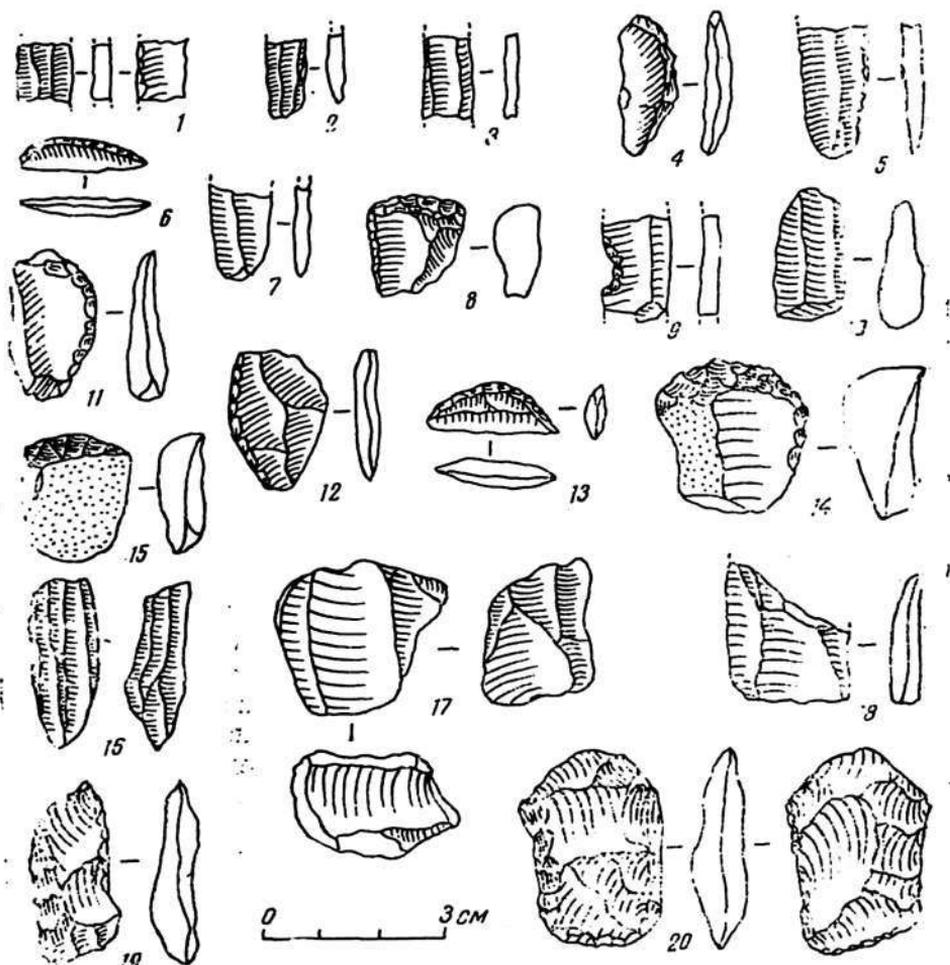

Рис. 2. Вкладышевые орудия, нуклеусы, пластины, отщепы

изношенности (см. рис. 2, 6). Размеры другого сегментовидного орудия несколько больше: длина 2,1, ширина по центру 0,9 см. Рабочая часть тонкая, обработана мелкой притупляющей ретушью (см. рис. 2, 13). Аналогичные вкладышевые орудия представлены в коллекции прошлых лет данного местонахождения³ и, видимо, характерны для мезолита.

³ Там же, с. 20.

Многочисленную группу изделий составляют отщепы — их 19 экз. Они изготовлены из кремня (10 экз.), халцедона (7 экз.), кремнистого известняка (1 экз.) и глинистого сланца (1 экз.). Около 40% отщепов имеют ударную площадку, у остальных она сломана. Один отщеп отретуширован (см. рис. 2, 11), а другие не подвергнуты вторичной обработке и являются отбросами производства. Размеры их различны: длина 1,6—5,6, ширина 0,7—2,2, толщина 0,2—1,8 см. Кроме того, представлены четыре обломка кремня, которые по характеру обработки идентичны изделиям данного комплекса.

Местонахождение-2 расположено в 300—400 м выше впадения Бургулюкская. Сборы велись на обширной территории, охватившей 300 м². Собранный материал представлен 52 каменными изделиями, хронологически относящимися к различным этапам каменного века. По характеру обработки, морфологическим признакам и степени сохранности их можно разделить на три комплекса — мустьерский, позднепалеолитический и неолитический⁴.

Мустьерский комплекс представлен 14 изделиями: разнообразными нуклеусами и отщепами различных очертаний, изготовленными в основном из кремнистого сланца (12 экз.) и частично из кремня (2 экз.). Среди нуклеусов наиболее характерны 3 экз. Первый представляет собой заготовку большого размера (10,2 × 7,6 × 6,2 см) из глинистого сланца красновато-бордового цвета. На поверхности заготовки нуклеуса сохранились следы трех первоначальных сколов. Второй нуклеус несколько меньших размеров (8,1 × 4,9 × 3,9 см) удлиненной четырехугольной формы. Ударная площадка подправлена одним гладким сколом и находится к отбивной поверхности нуклеуса под углом 135°. С него сняты всего лишь два отщепа, о чем свидетельствуют оставшиеся следы сколов (см. рис. 1, 19), остальная часть — естественная поверхность гальки. Третий нуклеус, невыразительный и использованный до предела, имеет следы бессистемных сколов.

Единственным экземпляром представлен скол с площадки нуклеуса. Его характерной чертой является сохранность поперечных граней у полукруглого края, что свидетельствует о снятии с него отщепов. Видимо, площадка нуклеуса была обновлена после порчи его ударной площадки поперечными сколами (см. рис. 1, 8).

Многочисленную группу этого комплекса — 10 экз. — составляют отщепы. Они различны по размерам и очертаниям. Длина их 2,3—5,3, ширина 1,8—6,5, толщина 0,7—2,2 см. Ударные площадки большинства отщепов (8 экз.) подправлены одним поперечным сколом и находятся под тупым углом к отбивной поверхности изделий. На их спинках сохранились следы радиальных

⁴ Ранее здесь был собран материал, относящийся к мустьерскому, позднепалеолитическому и неолитическому комплексам. См.: Касымов М. Р. Местонахождения каменного века в Туябугузе.

сколов, свидетельствующие о снятии их с дисковидного нуклеуса. Один из них отретуширован по краю (см. рис. 1, 11), а остальные не подвергнуты вторичной обработке.

Позднепалеолитический комплекс представлен 25 предметами, по своим признакам совершенно отличными как от мустьерского комплекса, так и неолитического. Особое внимание привлекают два нуклеуса небольших размеров, изготовленные из кремня и глинистого сланца черного цвета. Оба нуклеуса использованы до предела, но все же на них сохранились следы бессистемных сколов.

Пластинки и их обломки представлены 6 экз. 4 экз.— обломки пластинок. У пяти пластинок сохранилась ударная площадка. На спинках четырех пластинок параллельные грани, а у одной — естественная поверхность исходного материала. Два орудия обработаны частично либо приостряющей (см. рис. 1, 15), либо притупляющей ретушью, а третья — двусторонней. На обоих краях, кроме ретуши, сохранились следы мелких сколов. Размеры пластинок различны: длина 2—4,6, ширина 1,8—2,9, толщина 0,6—1,2 см.

Большую группу составляют отщепы — их 15 экз. Они различны по размерам и очертаниям. Длина отщепов 1,8—7,4, ширина 1,4—3,2, толщина 0,3—2 см. У большинства отщепов (8 экз.) сохранилась ударная площадка, а на спинке 6 экз.— желвачная корка. Три отщепа отретушированы. У одного имеется выемка с ретушью (см. рис. 1, 18), у других — приостряющая ретушь. Остальные изделия не подвергнуты вторичной обработке и, видимо, являются отбросами производства.

В коллекции, кроме того, представлены два обломка, которые по всем признакам идентичны изделиям данного комплекса.

Неолитический комплекс немногочислен — он насчитывает 13 изделий. Это крупные нуклеусы из халцедона, обломки пластинок и миниатюрные отщепы. Среди последних отретушированы всего лишь 2 экз. (см. рис. 2, 12). Большинство орудий изготовлены из халцедона. По технике обработки и степени сохранности все изделия относятся к эпохе неолита.

Местонахождение-3 расположено на правом берегу р. Ахангарана. По сравнению с предыдущими годами сборы сделаны на более обширной площадке. Здесь собрано 75 предметов, характерных по всем признакам двум разновременным комплексам: позднепалеолитическому и неолитическому. Однако среди сборов прошлых лет имелись выразительные мустьерские изделия, в том числе классические остроконечники, острия, дисковидные нуклеусы и пластины⁵.

К позднепалеолитическому комплексу относятся 27 изделий, изготовленных из кремня (21 экз.) и глинистого сланца (6 экз.):

---

⁵ Там же.

концевые скребки, выемчато-скребущие орудия, пластинки и их обломки, отщепы.

В коллекции в одном экземпляре представлен концевой скребок на отщепе. Его полукруглый рабочий край обработан прекрасной затупливающей ретушью (см. рис. 2, 14). Найдены два выемчато-скребущих орудия. Рабочий край одного из них расположен на краю обломка кремня, другой — на боковом краю обломка пластинки, рабочий край которого обработан мелкой ретушью, что свидетельствует о его использовании в качестве скоблящего орудия (см. рис. 1, 1).

Пластинки и их обломки немногочисленны — 5 экз., но характерны для позднего палеолита. Размеры их различны: длина 2,4—3,4, ширина 1,3—2,5, толщина 0,4—0,7 см. На спинке некоторых из них сохранились параллельные грани, что свидетельствует о снятии пластинок с призматического нуклеуса. Ретушь у одних мелкая и приотстригающая, у других зубчатая (см. рис. 1, 3, 13; 2, 18). Четыре пластинки подвергнуты вторичной обработке.

К этому комплексу относятся и отщепы — 19 экз. Они различны по размерам: длина 1,3—5,4, ширина 6,6—4,5, толщина 0,2—1,8 см. На спинках некоторых отщепов сохранились следы нескольких сколов, у других — желвачная корка. Более половины изделий имеют подправленные ударные площадки. Все отщепы не подвергнуты вторичной обработке.

Изделия неолитического комплекса представлены 48 предметами, изготовленными из кремня, глинистого сланца, халцедона и кварца: миниатюрными карандашевидными и многоплощадочными нуклеусами, скребками, пластинками и др., совершенно отличными от позднепалеолитических техникой обработки и степенью сохранности.

В коллекции 5 нуклеусов. Один из них многоплощадочный четырехугольной формы размером 2,5×2,6×1,4 см. У него четыре ударных площадки, расположенных на противоположных сторонах, с которых сняты сравнительно неширокие отщепы (см. рис. 2, 17). Три нуклеуса имеют карандашевидную форму и до предела использованы. На них сохранились следы от снятия миниатюрных пластинок, которые характерны для эпохи мезолита и неолита (см. рис. 2, 10, 16). Последние миниатюрные нуклеусы обработаны только с одной стороны, на них сохранились следы параллельных сколов.

Характерно и другое орудие — удлиненный обломок нуклеуса, края которого обработаны притупляющей ретушью (см. рис. 2, 19).

В коллекции имеется два концевых скребка, изготовленных из коротких отщепов, с полукруглыми рабочими краями, оформленными первоначально мелкими поперечными сколами, а затем ретушью (см. рис. 2, 8, 15). На спинке одного скребка сохранилась естественная поверхность галечника.

В единственном экземпляре представлено двусторонне обработанное орудие четырехугольной формы. Его размеры небольшие — $3,5-2,3 \times 0,4$ см. Оно удлиненное, первоначально обработано сколами, а затем мелкой ретушью. Один рабочий край сравнительно ровный, его использовали в качестве рубящего орудия — топорика, о чем свидетельствуют слегка выемчатые удлиненные края, удобные для закрепления (см. рис. 2, 20).

В коллекции имеется 11 обломков миниатюрных пластин. Их размеры совпадают с размерами сохранившихся следов на нуклеусах. У четырех — ударная площадка. На спинке большинства пластин параллельные грани. Некоторые из них подвергнуты вторичной обработке. Ретушь нанесена либо со спинки, либо с брюшка (см. рис. 2, 1, 5, 7). Рабочий край одного орудия выемчатый, видимо, он получился после вторичной обработки (см. рис. 2, 9).

Самую большую группу этого комплекса составляют отщепы — их 28 экз. Они изготовлены из кремня (18 экз.), глинистого сланца (6 экз.), халцедона (4 экз.). Они различны по очертанию и размерам (длина $0,8-4,1$, ширина $0,8-4,6$ и толщина $0,2-1,6$ см). На пяти отщепах нанесена ретушь, остальные (23 экз.) не подвергнуты вторичной обработке и являются отбросами производства.

Местонахождение-3а, расположенное в $300-400$ м к западу от Киндиктепа⁶ — совершенно новое. Оно открыто в 1977 г. Х. Дуке. Здесь на огромной площадке (30×200 м) было собрано 49 каменных изделий: 42 кремневых и 7 халцедоновых: нуклеусы, пластинки, скребки и др. Почти все изделия, кроме трех, не патинизированы и по технике обработки характерны для эпохи неолита.

В коллекции имеется три нуклеуса и их обломки. Из этого общего числа выделяется карандашевидный нуклеус малого размера — длиной $2,5$ и толщиной $1,2$ см, — со всех сторон которого сняты миниатюрные пластинки, о чем свидетельствуют сохранившиеся следы параллельных граней (рис. 3, 8), на двух обломках — следы бессистемных сколов. Для этого комплекса характерно наличие пластинок (5 экз.). Две из них сравнительно широкие и патинизированы, а три миниатюрные и отретушированные по краю мелкой ретушью. В единственном экземпляре представлен скребок на конце отщепа. Полукруглый рабочий край скребка первоначально обработан фасетками, а затем мелкой ретушью (см. рис. 3, 4). В коллекции имеется скобель. Его рабочий край расположен на конце обломка пластинки, выемчатый рабочий край обработан крутой ретушью.

Кроме того, в коллекции представлены отщепы различной формы и очертаний (5 экз.) длиной $1,4-3,6$, шириной $0,9-2,9$ и толщиной $0,3-0,5$ см. На спинках двух отщепов сохранились па-

---

⁶ Буряков Ю. Ф. Раскопки в зоне Туябугузского водохранилища. — В ж.: ОНУ, 1973, № 1, с. 59—60.

раллельные грани, у остальных — желвачная корка. Здесь же имеются три обломка кремня, которые по всем признакам соответствуют изделиям данного комплекса.

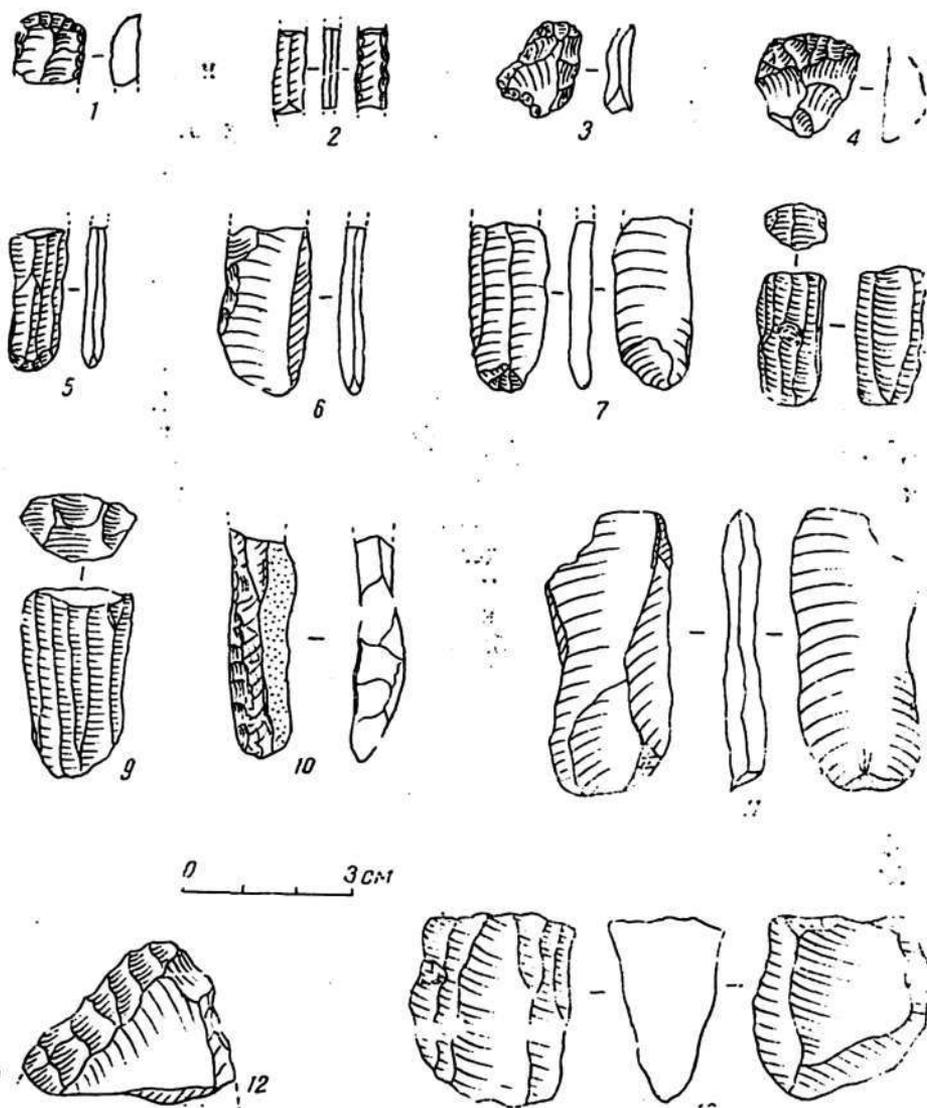

Рис. 3. Каменные орудия местонахождений 3а и 5

И, наконец, сборы произведены также на территории раннеизвестного местонахождения-5. Здесь представлено достаточное количество каменных изделий — 99 экз., — изготовленных из кремня (73 экз.), халцедона (20 экз.), кремнистого сланца (3 экз.) и кремнистого известняка (3 экз.).

Среди изделий шесть являются позднепалеолитическими. Это два одноплощадочных нуклеуса. Ударная площадка одного из них подправлена поперечным сколом; со всей поверхности сняты удлинённые ножевидные пластинки и один широкий отщеп, о чём свидетельствуют сохранившиеся на нем следы сколов (см. рис. 3, 13). Интересны две пластинки: одна широкая необработанная, другая узкая с тщательно обработанным приостряющей ретушью продольным краем (см. рис. 3, 10, 11). На двух отщепах видны следы позднепалеолитического признака.

Остальные 93 изделия — нуклеусы, пластинки, скребки, выемчато-скребущие орудия, многочисленные отщепы и отбросы производства — относятся к неолитическому комплексу.

Нуклеусы немногочисленны — всего 6 экземпляров: один одноплощадочный, с которого сняты удлинённые пластинки (см. рис. 3, 9), два — до предела использованные, на поверхности остальных — следы бессистемных сколов. Размеры их различны: длина 2,1—3,6, ширина 1,3—3,8, толщина 0,8—3,2 см.

Почти все пластинки — 13 экз. — представлены в обломках. У пяти из них сохранилась ударная площадка. Четыре пластинки сравнительно широкие — ширина их 1,3—2,1 см (см. рис. 3, 6, 7), остальные миниатюрные — длина 1,3—2,9, ширина 0,4—0,2, толщина 0,2—0,5 см. Некоторые изделия отретушированы по одному (см. рис. 3, 6) или двум краям со стороны брюшка (рис. 3, 2). На спинках многих пластинок — следы параллельных сколов (см. рис. 3, 5, 7). Размеры большинства пластинок идентичны оставшимся следам на нуклеусах данного комплекса (см. рис. 3, 9).

В коллекции представлены скребки и выемчато-скребущие орудия (5 экз.) из халцедона. Один скребок — на конце пластинки, его полукруглый край тщательно обработан ретушью (см. рис. 3, 1), другой комбинирован, т. е. сочетается со скобелем, его рабочие края обработаны приостряющей ретушью (см. рис. 3, 3), остальные орудия также тщательно обработаны.

Характерно для этого комплекса наличие одного обломка от верхней части сравнительно крупного орудия. Его края первоначально обработаны мелкими сколами, а затем ретушью, что придало зубчатость их краям (см. рис. 3, 12).

Самую большую группу в коллекции составляют отщепы — 59 экз. Большинство из них треугольных и четырехугольных очертаний длиной 0,1—3,4, шириной 0,8—3,1 и толщиной 0,2—1,1 см. На спинках некоторых орудий желвачная корка, у других — следы сколов. Из общего числа отщепов отретушировано всего лишь 4 экз., остальные орудия вторичной обработке не подвергнуты.

Имеются также обломки кремня — 9 экз. — со следами бессистемных сколов.

Кроме того, в 1977 г. местными краеведами было собрано 27 кремнёвых изделий. Среди них пять нуклеусов, на которых со-

хранились следы либо радиальных, либо бессистемных сколов. Здесь же имеются типичные мустьерские пластинки (5 экз.), некоторые из них по краю обработаны приостряющей ретушью. Характерными для мустье являются отщепы (10 экз.), на спинках которых сохранились следы радиальных сколов. Ударные площадки подправлены поперечными сколами. Остальные изделия — две пластинки, три отщепа и два обломка кремня носят позднепалеолитический облик.

Итак, туябугузские местонахождения можно отнести к различным комплексам, исходя из того, что в каждом из них выявлены соответствующие орудия. Наличие в их инвентаре сходных друг с другом орудий свидетельствует об их генетической связи.

Анализ палеолитических изделий туябугузских местонахождений показал их сходство, с одной стороны, с соответствующими по времени культурными слоями Кульбулака⁷, Кухисима⁸, а с другой — с Бозсуйскими⁹ стоянками. Что касается неолитических комплексов Туябугуза, то они прежде всего аналогичны друг другу и находкам предыдущих лет. Такую же аналогию мы обнаруживаем и у неолитических комплексов кремнеобрабатывающих мастерских Кызылалма-1—2 и Гыштсай-1—2 и тех, которые находятся на юго-восточных склонах Чаткальского хребта по правому берегу р. Ахангарана¹⁰. Следовательно, находки каменных изделий свидетельствуют о генетическом родстве палеолитических памятников бассейна Ахангарана и низовий Чирчика. Дальнейшие исследования памятников Ташкентского оазиса позволят выяснить пути расселения носителей этой культуры.

---

⁷ Касымов М. Р. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак.— В сб.: МИА. Вып. 185. Палеолит и неолит. Т. VII. Л., 1972, с. 111—119.

⁸ Ташкенбаев Н. О некоторых проблемах палеолита (Кухисимская стоянка).— В сб.: ИМКУ. Вып. 9. Ташкент, 1972.

⁹ Окладников А. П. и Исламов О. И. Палеолитические находки в урочище Шуралсай (Бозсу-2).— В сб.: ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1961; Касымов М., Менвапов С. Новые открытия палеолитических орудий в Янгильском районе.— В ж.: ОНУ, № 6/7, 1975, с. 92—93.

¹⁰ Касымов М. Р., Ростовцев О. М. Мастерские каменного века в долине р. Ангрен.— В сб.: ИМКУ. Вып. 8. Ташкент, 1969; Касымов М. Р. Кремнеобрабатывающие мастерские и шахты каменного века Средней Азии. Ташкент, 1972, с. 86—89.

Б. АБДУЛЛАЕВ

МОГИЛЬНИК ДЖАРКУТАН

Археологические работы последних лет на юге Узбекистана показали широкое освоение его в эпоху бронзы. Свидетельством тому являются поселения Кучуктепа и Сапаллитепа с грунтовым могильником в районе Музрабадской степи, расположенные по руслу Уланбулакская, группа поселений и могильников Джаркутан I—IV и Бустан I—V, выявленных по старому руслу Бустанская — одного из протоков Шерабаддарьи в Шерабадском оазисе, и поселение Молали с одноименным грунтовым могильником в Шурчинском оазисе¹. Несколько новых памятников аналогичного типа, такие как Нурек, Тандыр-йул и Заркамар, обнаружены в соседнем районе, входящем ныне в состав Таджикской ССР².

Широким стационарным раскопкам подвергался грунтовой могильник Джаркутан IV а, где с 1973 по 1977 г. на площади около 1 га грунтового могильника Джаркутан IV, относящегося к эпохе поздней бронзы, было вскрыто 719 могил с богатым погребальным инвентарем. Могильник состоял из грунтовых захоронений, выраженных неглубокими овальными или круглыми углублениями. Именно эти углубления и свидетельствовали о наличии здесь остатков древних погребений. Раскопки производились следующим образом. Первоначально снимался верхний горизонт до появления контуров могильных пятен. Затем после каждого штыка проводили тщательную зачистку для выявления контуров могильной ямы, которые обычно фиксировались на разных глубинах — от 40 до 170 см. Предварительный анализ археологических материалов и обрядов захоронений могильника позволили характеризовать его как памятник с двумя хронологическими периодами — «ранним» и «поздним» Джаркутаном³. Од-

---

¹ Аскарлов А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973, с. 5—8; Беляева Т. В., Хакимов З. А. Древнебактрийские памятники Миршаде.— В сб.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.

² Пьяикова Л. Т. Нурекский могильник эпохи бронзы.— В сб.: АО. М., 1975, с. 542—543; Литвинский Б. А., Антонова Е. В., Виноградова Н. М. Раскопки могильника Тандыр-йул.— В сб.: АО. М., 1976.

³ См.: Аскарлов А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977, с. 49; Абдуллаев Б. Новый памятник эпохи бронзы на юге Узбекистана.— В ж.: ОНУ, 1977, № 1, с. 38—39.

нако в связи с полным вскрытием могильника Джаркутан IV, открытием нового пункта древних захоронений — могильника Бустан 3⁴ и исследованием грунтовых могильников Нурек⁵, Тандыр-йул⁶ и Заркамар была пересмотрена двухстадийная хронология могильника Джаркутан и датировка памятников эпохи поздней бронзы племен древнеземледельческой культуры Северной Бактрии.

Ныне для раскрытия характеристики последующих этапов развития культуры Сапалли, кроме материалов на Джаркутане IV, исследовано 38 захоронений на могильнике Бустан 3; 16 — на Нуреке и 16 — на Тандыр-йуле. Типологическое сопоставление всех археологических материалов, вскрытых на этих памятниках, которые, как мы полагаем, представляют разные этапы сапаллинской культуры, позволяют расчленить молалинский период культуры Сапалли на два этапа — кузалинский и молалинский. Судя по комплексу керамики, кузалинский этап хронологически соответствует переходному этапу от джаркутанского к молалинскому.

Таким образом, материалы могильника Джаркутан IV теперь подразделяются на три последовательных этапа — джаркутанский, кузалинский и молалинский, причем молалинская стадия представляет собой самый поздний этап культуры Сапалли. Археологический материал каждого этапа четко отличается как по стратиграфии захоронений, так и по погребальному инвентарю. Основную массу могил джаркутанского этапа составляют одиночные захоронения и лишь в отдельных случаях — парные. Все скелеты лежали на боку с согнутыми в коленях ногами или прижатыми к животу, с согнутыми в локтях руками, причем кисти рук лежали либо у подбородка, либо у лицевой части черепа.

Характерная ориентация скелетов для джаркутанского периода — северная и северо-западная. Погребальные ямы ориентированы с севера на юг и с северо-запада на юго-восток. Дромос могилы в большинстве случаев находился у западной или восточной стен погребальной камеры. Для этого периода характерны могилы с богатым погребальным инвентарем, состоявшим в основном из гончарных керамических изделий. В могилах встречалось от одного до 30 керамических сосудов, а в некоторых из них — даже металлические и каменные орудия труда, предметы украшения и женского туалета и т. д. Гончарная керамика джаркутанского этапа по сравнению с керамикой Сапаллитепа более толстостенная, массивная, тяжелая и грубоватая. Посуда изготовлена из глины хорошего качества, обжиг равномерный. По-

---

⁴ Аскарлов А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана, с. 57—59.

⁵ Пьянкова Л. Т. Нурекский могильник эпохи бронзы, с. 542—543.

⁶ Литвинский Б. А., Антонова Е. В., Виноградова Н. М. Раскопки могильника Тандыр-йул, с. 566—567.

верхность большей части сосудов покрыта зеленовато-белым ангобом. На плечиках некоторых больших сосудов нанесены знаки мастеров.

В погребениях в основном встречались вазы и кубки на высоких ножках, банкообразные цилиндрические сосуды, конические чаши, горшки, кувшины, крынки, чайники с клювовидным и трубчатым носиком, со скошенной придонной частью, хумчи и плоские блюда. Реже попадались чаши со сливами.

Комплекс джаркутанского этапа составляла серия бронзовых орудий труда: шилья, спицы и ножи, а также предметы женского туалета (бронзовые булавки). Кроме того, встречались бусы разнообразных форм, изготовленные из лазурита, агата, бирюзы и полосчатого известняка.

Погребальный обряд кузалинского этапа имеет много общего с джаркутанским и в то же время четко отличается от него. Сходство обнаруживается в положении скелетов: мужчины — на правом боку, женщины — на левом, ноги поджаты.

Господствующей ориентацией скелетов является западная. Погребальный инвентарь кузалинского периода более бедный, чем джаркутанского. В могилах встречаются от одного до 16 глиняных сосудов, очень редки бытовые орудия труда из бронзы (ножи, шилья и спицы) и украшения (браслеты, булавки, серьги, каменные бусы). В основном преобладают вотивные бронзовые изделия.

Керамика представлена в основном посудой, изготовленной на гончарном круге быстрого вращения. Она довольно массивна, особенно вазы и кувшины. Но форма всех сосудов исключительно изысканна, пропорции правильные. Обжиг всех сосудов высокого качества, равномерный, черепок в изломе кирпичного цвета. Снаружи все сосуды покрыты густым слоем белого ангоба.

В комплексе кузалинского этапа исчезают некоторые формы раннего Джаркутана. Так, на смену коническим чашам, чайникам с носиками, хумам, кубкам, вазообразным чашам, чашам со сливом, плоским блюдам приходят вазы на высокой массивной балясинообразной ножке, с круглым плоским основанием, высокие широкогорлые кувшины с нанесенными на плечиках многих из них параллельными горизонтальными линиями. Появляются и миски, горшки новых форм. Кроме того, в процессе раскопок были найдены разнообразные бронзовые булавки с конической головкой, квадратно-цилиндрическим и гвоздеобразным навершием.

Для кузалинского этапа характерны вотивные бронзовые ножи различных форм, изготовленные из тонких пластинок, что не отмечается в раннем комплексе могильника Джаркутан.

Итак, мы наблюдаем в кузалинском этапе резкое сокращение погребального инвентаря. Что же касается керамического комплекса, то в этот период исчезают некоторые формы сосудов, характерные для раннего Джаркутана. Вместе с тем появляются новые, более совершенные формы, например, вазы с балясинооб-

разной ножкой, кувшины с прочерченным орнаментом, миски и горшки на кольцевом поддоне.

Обряд захоронения в молалинский период в целом продолжает основную традицию предшествующих этапов. Единственное отличие в ориентации скелетов — господствующей становится юго-западная ориентация. Если в предыдущих двух этапах могильника Джаркутан традиционным был ритуал трупоположения, то теперь появляется, хотя и единичный, случай трупосожжения. Погребальный инвентарь резко сокращается. В могилах встречается от одного до шести глиняных сосудов, в редких случаях — до 12. Бытовые предметы и украшения из бронзы, столь характерные для жаркутанского этапа, заменили votивные предметы.

Основную массу погребального инвентаря по-прежнему составляет керамика, изготовленная на гончарном круге быстрого вращения. Поверхность сосудов покрыта темно-красным ангобом, иногда с зеленоватым оттенком, черепок в изломе кирпичного цвета. Очень видоизменяются балясинообразные вазы, кувшины, горшки. Теперь уже сосуды становятся более мелкими. В основном встречаются вазы на низких плоских массивных ножках, с овально вогнутым во внутрь краем венчика. Если вазы кузалинского этапа имели семь вариантов, то молалинского — 17. Появляются приземистые чашеобразные горшки, чашечки и др.

Устройство могил всех трех этапов могильника — подбойно-катакомбное. Часто встречаются ямные захоронения, главным образом детские.

Из-за рыхлости, песчаности грунта и под влиянием большого количества солей в почве очень плохо сохранились первоначальные формы могил. В большинстве случаев осели своды погребальных камер, что повлекло за собой образование овальных или округлых углублений. Большинство могил всех этапов было разрушено во время варварского ограбления кладоискателями того времени. В них были обнаружены обломки сырцовых кирпичей, провалившихся от входного отверстия. Входные отверстия подбойно-катакомбных могил закладывались сырцовым кирпичом в три-пять рядов. Канал, ведущий из дромоса в камеру, одноступенчатый. Встречались и такие могилы, дно входных ям которых находилось на одном уровне с дном камеры.

Итак, исследования могильника Джаркутан IV показали, что как в погребальном обряде, так и в устройстве могил отсутствовали значительные различия. Более или менее существенным изменениям подвергался погребальный инвентарь, что было обусловлено развитием социально-экономических отношений, тогда как в целом погребальный обряд не претерпевал особых изменений. Это явление доказывается многочисленными фактами, взятыми из истории многих народов, которые сохранили свои верования о смерти и загробной жизни при изменении инородной среды. Об этом свидетельствует обряд погребения на Джаркутане, который

отличается от других этапов лишь ориентировкой погребенных и резким сокращением погребального инвентаря.

Погребальный инвентарь могильника Джаркутан IV позволяет говорить о непрерывности развития гончарного производства и его высоком развитии в поздний период. Предметы гончарного производства становятся изящными и разнообразными по форме.

Основным материалом при датировке служит керамика. Охарактеризуем керамический материал, извлеченный на могильнике Джаркутан IV а. Наиболее значительную серию керамики джаркутанского периода составляют вазы. Они представлены несколькими вариантами: на высокой ножке с глубоким резервуаром (рис. 1, 1, 8). Вазы, близкие им по форме, встречаются в керамике Сапаллитепа⁷, Дашли⁸. Другой вариант ваз раннего Джаркутана характеризуется высокой сравнительно тонкой гофрированной ножкой с неглубокой чашей (см. рис. 1, 2, 9). Аналогии к этой форме нет в керамике сапаллинского этапа. Значительную серию джаркутанской керамики составляют конусовидные сосуды (см. рис. 1, 5, 11—14). Эти формы сосудов находят аналогии в керамике поселения Сапаллитепа⁹, Дашли¹⁰, тепе Гиссар¹¹, Мундигака IV¹², Шахри-Сохте¹³ и Аучин-депе¹⁴. Интересную группу составляют кубки на высоких ножках (см. рис. 1, 3, 4), подобные кубкам Сапаллитепа¹⁵. Однако джаркутанские кубки более крупных размеров, грубоваты по форме и со сравнительно узким устьем.

Значительную серию составляют кувшины с округлым туловом и скошенной придонной частью. Аналогичные кувшины имеются и на поселении Сапаллитепа¹⁶. Кувшины яйцевидной формы Джаркутана также находят близкие аналогии с керамикой верхнего слоя поселения Сапаллитепа¹⁷ и Аучин-депе¹⁸. Кувшины с шаровидным туловом, ярко выраженным узким горлом и сильно

⁷ Аскарлов А. Сапаллитепа, табл. 15, 16, 7—9, 17, 6.

⁸ Сариниди В. И. Бактрия в эпоху бронзы.— В ж.: СА, 1974 № 4, рис. 1, 2, 10.

⁹ Аскарлов А. Сапаллитепа, рис. 33, 6, 7; табл. 20, 17—20.

¹⁰ Кругликова И. Т., Сариниди В. И. Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий.— В ж.: СА, 1971, № 4, рис. 4 а.

¹¹ Schmidt E. F. Excavations of Tepe Hissar, Damgan. Philadelphia, 1937, pl. XVII, N. 2840, 2841; pl. XXXVIII, N. 5149.

¹² Casal S. M. Favilles of Mundigak — MDFAFA, t. XVII. Paris, 1961, lig. 48, 82, 293.

¹³ Tosi M. Excavations of Shah-r-i Sokta, a Phalolithie Settlement in the Eraion Sistan.— В кн.: East inot West. Pame, 1908, fig. 19a, d. i; 20, a, d.

¹⁴ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы.— В сб.: МИА. Вып. 73. М., табл. 11, 2.

¹⁵ Аскарлов А. Сапаллитепа, табл. 15, 5, 16, 2, 3, 5, 9, 10, 12, 13.

¹⁶ Там же, табл. 14, 8.

¹⁷ Там же, табл. 17, 18—19.

¹⁸ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы, табл. 11, 3.

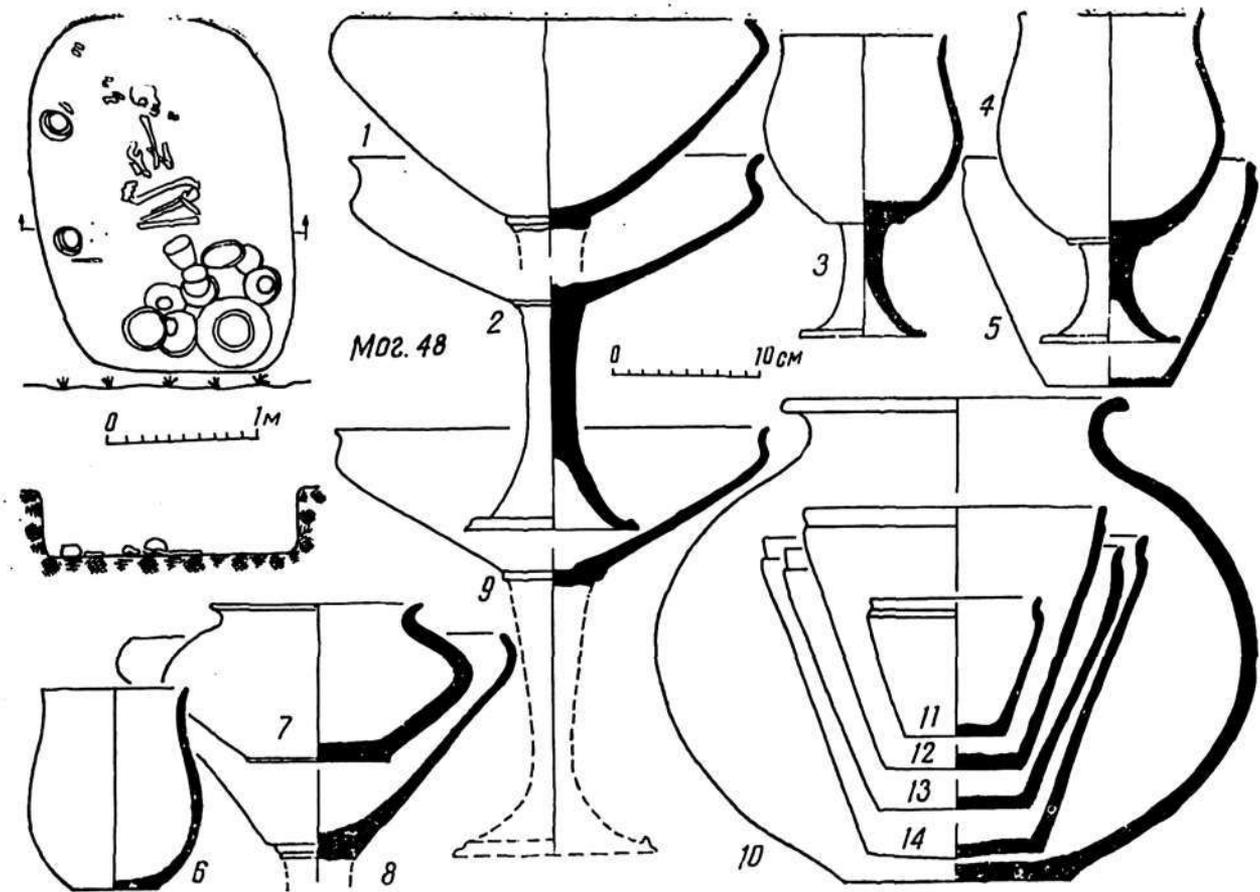

Рис. 1. Комплекс джаркутанско го етага. План и разрез могилы 48 (1—14)

отогнутым краем венчика имеют прямые аналогии в керамике Сапалли¹⁹ и в третьем слое тепе Гиссар²⁰.

Значительно реже встречаются горшкообразные хумчи с отогнутым наружу крючкообразным венчиком (см. рис. 1, 10), характерные для керамики Сапаллитепа²¹ и дашлинского комплекса Северного Афганистана²².

В комплексе жаркутанского этапа, как и в материалах Сапаллитепа и Дашли, встречаются бронзовые предметы: шпильки, браслеты, височные колечки и др. Из них наиболее распространены шпильки, изготовленные из длинной круглой в сечении проволоки. Они разнообразны по оформлению навершия: встречаются шпильки-печати с восьмилепестковыми навершиями, подобные шпилькам Тахирбая 3, Ашхабадского могильника и второго слоя Шах-тепе²³, с изображением муфлона, с кулакообразной и конической головкой. Подобные предметы известны в комплексе Сапаллитепа²⁴. В женских могилах встречаются височные колечки, изготовленные из круглой проволоки с несомкнутыми концами, которые имеются в памятниках древнеземледельческих культур эпохи бронзы²⁵, в комплексе тепе Гиссар II и III и в других памятниках Ирана²⁶. Привлекают внимание круглые в сечении бронзовые браслеты с несомкнутыми концами. Аналогичные браслеты широко известны в древнеземледельческих памятниках Средней Азии²⁷.

В комплексе также встречается круглая бронзовая печать. На ее лицевой стороне рельефное изображение орла с развернутыми в стороны крыльями, на концах которых две извивающиеся змеи. На оборотной стороне — петелька со сквозным отверстием для подвешивания. Подобные печати имеются и в комплексе Сапаллитепа²⁸.

В мужских погребениях встречаются каменные наконечники стрел подлистовидной, подтреугольной и ромбической форм с ярко выделенным черешком. Подлистовидные и ромбические наконечники находят себе прямые аналогии в слоях Шахри-Сох-

¹⁹ Аскар ов А. Сапаллитепа, табл. 18, 1, 12, 13.

²⁰ Schmidt E. F. Tepe Hissar Excavations of Philadelphia, 1931, p. XIII, H. 1000.

²¹ Аскар ов А. Сапаллитепа, табл. 19, 6, рис. 33, VI, 1—2.

²² Сарнаниди В. И. Бактрия в эпоху бронзы, рис. 8, 11, 4.

²³ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы, табл. XIV, 2; Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. М., 1966, табл. XVI, 9; Агне Т. S. Excavations of Shan Tepe, Eran. — В кн.: The Sino-Swedish Expedition. Publ. 27. VII. Arheology. 5. Stockholm, 1945, s. 608.

²⁴ Аскар ов А. Сапаллитепа, с. 111.

²⁵ Там же, табл. 26, 2, 3, 32, 5.

²⁶ Schmidt E. F. Tepe Hissar Excavations. of..., pl. CV, H. 1175; pl. CXXII, 1021, H. 701, 765, 784; Schaeffer F. A. Stratigraphie Camparee of Chrandogie de L'Asie Oceidentale. London, 1948, fig. 59 e, 232, 14, 17, 18, 237; 6, 7.

²⁷ Аскар ов А. Сапаллитепа, табл. 25, 8—12.

²⁸ Там же, с. 109—110.

та²⁹. Кремнёвые наконечники листовидной и подтреугольной формы с небольшим черешком на основании известны в третьем слое тепе Гиссар, Мургабском оазисе и раннем Тулхарском могильнике³⁰.

Итак, типологический анализ керамических материалов раннего периода могильника Джаркутан IV показывает, что комплекс имеет много общего с комплексом верхнего слоя поселения Сапаллитепа и дает нам основание считать джаркутанский этап хронологически последующим после сапаллинского этапа культуры Сапалли.

Как показал типологический анализ всего комплекса джаркутанского этапа, керамика его, с одной стороны, имеет много общего с керамикой Сапаллитепа, с другой — она отличается по ряду признаков хронологического порядка. Отмечаемое нами сходство в основном касается керамики верхнего слоя Сапаллитепа, что говорит о хронологическом приоритете этого поселения.

Погребальный комплекс кузалинского этапа представлен разнообразными керамическими и бронзовыми изделиями бытового и производственного назначения.

Керамика — самый массовый погребальный инвентарь. Наиболее интересную серию составляют вазы на высокой массивной ножке с загнутым во внутрь под острым углом краем венчика. Ножка балясинообразная с круглым плоским основанием и профилированным перехватом (рис. 2, 1, 3, 5, 8). К другому варианту относятся вазы на высокой массивной ножке с вогнутым во внутрь под острым углом краем венчика. Ножка балясинообразная, с круглым плоским основанием и желобчатым перехватом (рис. 2, 10).

Встречаются вазы на высокой ножке с овально-загнутым во внутрь краем венчика. Подобная ваза найдена на поселении Тахирбай 3³¹. Вазы на балясинообразной массивной ножке находят общие параллели с керамикой памятников Северо-Западной Индии, особенно в постхараппской культуре долины Инда.

Так, аналогичные вазы кузалинского этапа встречаются в керамике Мохенджо-Даро, Хараппы и Чанху-Даро³², а также Центральной Индии³³.

²⁹ T o s i M. Excavations of Shahr-r-i Sokta, fig. 23, 1—14, 24, 1—16, 25, 1—16.

³⁰ S c h m i d t E. F. Tepe Hissar Excavations of Philadelphia, p. CXLIII, H. 721—725; Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы, табл. XIII, 7, 8, 10—12; Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. — В сб.: МИА. Вып. 145. М.—Л., 1968, табл. IX, 2, 3.

³¹ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы, табл. VII, 10.

³² M a s k a v E. Further Excavations of Mohanjodaro. New-Dehli, 1937, pl. LII, 29, 34; LX, 13; LXV, 35; LXVI, 52; V a t s M. S. Excavations of Turang-Tepe. Suppl. to Bull. of Amer. Inst. for Porsion Art and Arheology, v. 2, 1932, pl. LXX, 23, 29; LXXI 36, 52; M a s k a v E. Chanhv-Daro Excavations 1935—1936. New Haven, Cohnnecticut, 1943, pl. XXV, 1, 7, 19, 21, 27; XLI, 20, 22.

³³ Щетенко А. Я. К проблеме происхождения энеолита Центральной Индии. — В сб.: Индия в древности. М., 1964, рис. 1, 25, 26, 36.

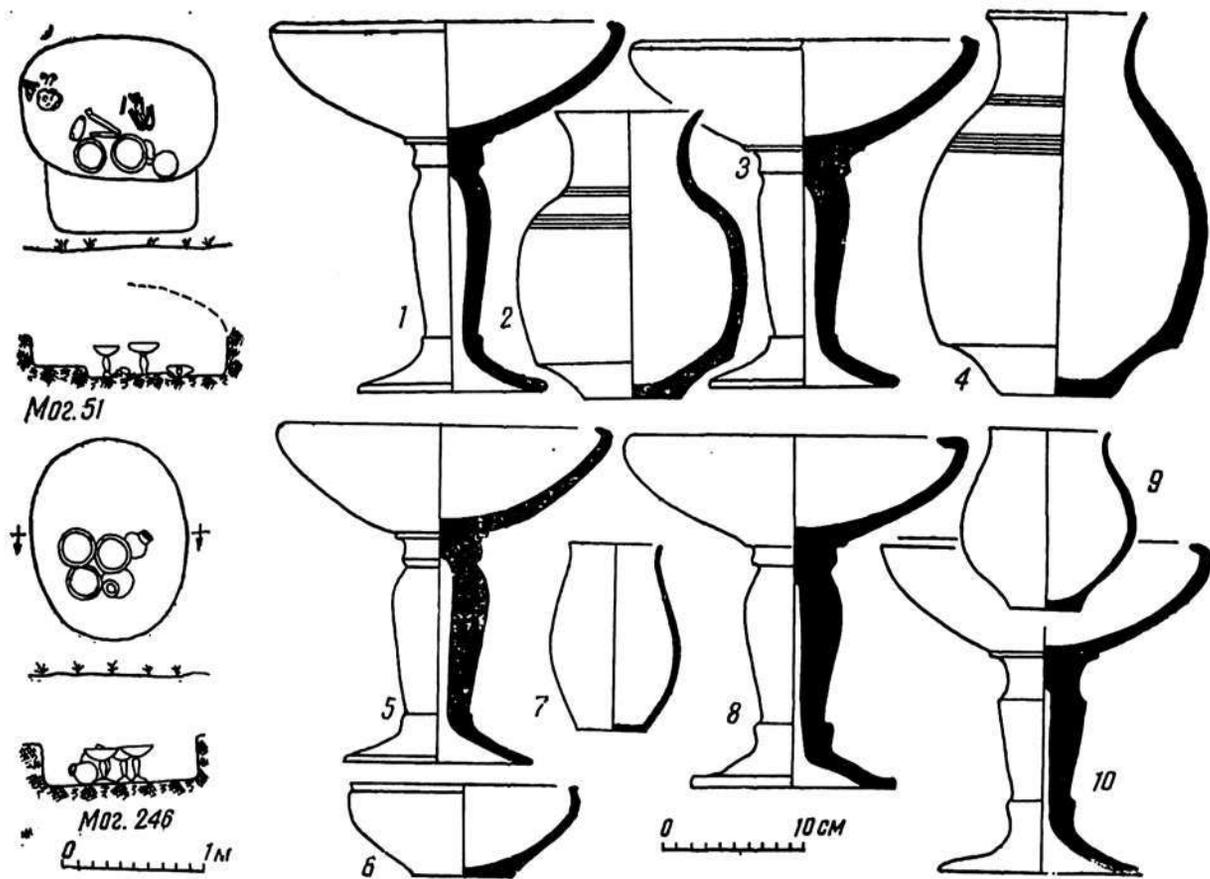

Рис. 2. Комплекс кузалинского этапа. План и разрез могилы 51 (6–10) и 246 (1–5)

В большом количестве обнаружены горшки на кольцевом поддоне (см. рис. 2, 9). Аналогичные сосуды встречаются на ранне-тулхарском могильнике³⁴. Кузалинские миски на плоском поддоне (см. рис. 2, 6) также встречаются в раннетулхарском могильнике³⁵. Кувшины с высоким горлом кузалинского этапа (см. рис. 2, 2, 4) находят аналогии с керамикой Чанху-Даро и Хараппе³⁶.

В комплексе кузалинского этапа имеются разнообразные бронзовые предметы, украшения и орудия труда. Среди них особого внимания заслуживают бронзовые булавки с конической, квадратной, цилиндрической головкой и гвоздеобразным навершием. Подобные булавки широко распространены в памятниках древних земледельцев, начиная с эпохи энеолита, вплоть до поздней бронзы³⁷. В комплексе бронзовых украшений кузалинского этапа имеются браслеты с несомкнутыми концами с круглым сечением, которые также находят аналогию с памятниками эпохи бронзы Средней Азии: Сапаллитепа, Кара-депе, Аучин-депе, Намазгадепе и на одном из могильников г. Ашхабада³⁸. Аналогичные браслеты известны в тепе Гиссар III³⁹ и в комплексе предыдущих этапов культуры Сапалли. В женских погребениях встречались височные кольца с несомкнутыми концами, изготовленные из круглой проволоки, и крупные подвески из лазурита каплевидной формы, каменные бусы и бусы из кальцита короткоцилиндрической, плоскоцилиндрической и ромбической форм.

Таким образом, результаты исследований комплекса кузалинского этапа могильника Джаркутан IV говорят о том, что хронологически он представляет последующий за джаркутанским этапом культуры Сапалли и синхронизируется с комплексом постхараппской культуры долины Инда.

Погребальный комплекс молалинского этапа представлен керамическими изделиями, украшениями и другими предметами бытового назначения. Керамика, в основном, изготовлена на гончарном круге быстрого вращения. В комплексе главным образом встречаются вазы, кувшины, миски, горшки и чашечки.

Вазы представлены на низких плоских массивных ножках с овально-загнутым во внутрь краем венчика, глубокой полусферической чашей и кольцевым валиком, отделяющим ножку от туло-

³⁴ Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане, табл. XII, 6—8; XIII, 1—5; XVIII, 1—2.

³⁵ Там же. табл. XIV, 1—4; XVIII, 4.

³⁶ Mackay E. Chanhy-Daro Excavations 1935—1936, pl. XXVI, 71; XLI, 29; 41; Vats M. S. Excavations of Turang-Tepe, pl. LXX, 23, 29; LXXI, 36, 52.

³⁷ Аскарлов А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана, с. 102.

³⁸ Аскарлов А. Сапаллитепа, табл. 25, 8—12; Массон В. М. Кара-депе у Артыка.— В сб.: ЮТАКЭ. Т. X. Ашхабад, 1961, с. 370; Он же. Древнеземледельческая культура Маргианы, с. 19; Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии, табл. XIV, 63, 64.

³⁹ Schmidt E. F. Excavations of Tepe Hissar, N. 3564.

ва (рис. 3, 9). У ваз другого варианта более вытянутая форма с узким бортиком по краю основания ножки (см. рис. 3, 13—14). Подобные изделия имеются на могильнике Нурек, Тандыр-йул и в материалах могильника Заркамар⁴⁰ и ничем не отличаются от комплекса молалинского этапа могильника Джаркутан. Приземистые вазы на массивной полый ножке с полусферическим резервуаром (см. рис. 3, 9, 13—14), миски с желобчатым бортиком (см. рис. 3, 11), горшок со сферическим туловом и отогнутым округлым бортиком на поддоне (см. рис. 3, 10, 12), мелкие кувшины с высоким горлом (см. рис. 3, 4) молалинского этапа представлены на могильниках Южного Таджикистана. В комплексе керамики молалинского этапа имеются приземистые вазы на массивной полый ножке с полусферическим резервуаром и вазы с мелким мискообразным резервуаром, некоторые их аналогии наблюдаются в комплексе Тахирбай 3 Мургабского оазиса⁴¹.

При раскопках могил молалинского этапа в небольшом количестве найдены орудия труда, предметы женского туалета и украшения. Основную часть их составляет серия миниатюрных вотивных ножей со слегка вогнутыми спинками. Аналогичные ножи известны на могильнике Заманбаба в низовьях Зарафшана⁴².

Среди бронзовых изделий большое внимание привлекла бронзовая лопаточка — предмет женской косметики. Аналогичные изделия часто встречаются на поселении Сапаллитепа, раннетулхарском могильнике и на Заманбаба⁴³.

Таким образом, типологический анализ археологических материалов и сопоставление их с комплексами синхронных памятников позволяют рассматривать молалинский комплекс как завершающий этап культуры Сапалли.

Исследования могильника Джаркутан IVa показывают, что на одном могильном поле были захоронения трех хронологических этапов, отличавшихся по составу погребальных инвентарей и ориентировке погребенных.

Для джаркутанского этапа характерна ориентировка захоронений на север и северо-запад и исключительно богатый погребальный инвентарь. Вскрытый материал перекликается с комплексом верхнего строительного периода поселения Сапаллитепа, Дашли 3, с керамикой культуры Намазга VI.

⁴⁰ Пьянкова Л. Т. Нурекский могильник эпохи бронзы, с. 542—543; Литвинский Б. А., Антонова Е. В., Виноградова Н. М. Раскопки могильника Тандыр-йул, с. 566—567.

⁴¹ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы, табл. V, 4; VII, 1, 5, IX, 7, 9, 11.

⁴² Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966, табл. XVI, 12.

⁴³ Аскарлов А. Сапаллитепа, табл. 3, 2, 17; Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане, табл. VIII, 3, 4; Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура в низовьях Зарафшана, табл. V, 4, XVI, 1—5, 11, 18, XVII, 27.

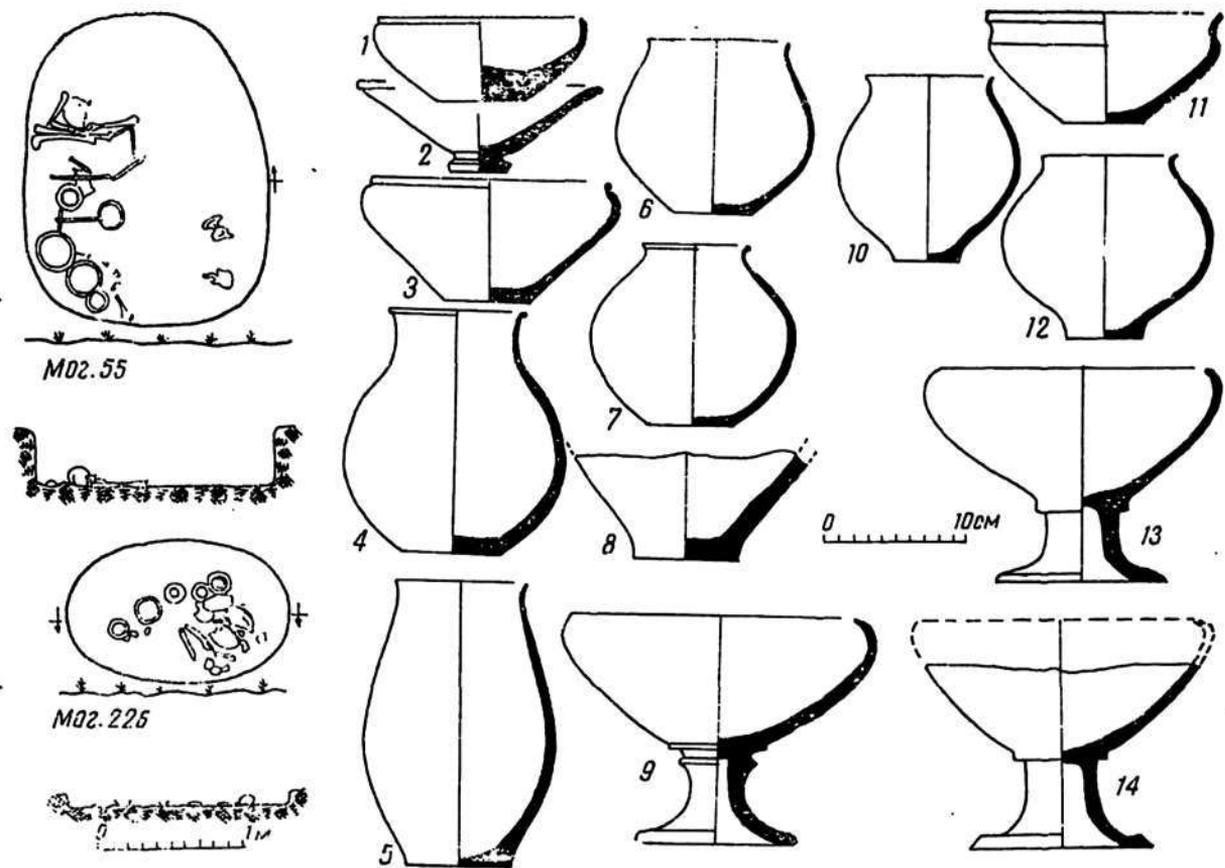

Рис. 3. Комплекс молалинского этапа. План и разрез могилы 55 (9—14) и 226 (1—8)

Для кузалинского этапа характерной керамикой являются вазы с балясинообразными ножками, крупные кувшины с высоким горлом и горшки на кольцевом поддоне — все эти сосуды покрыты густым слоем белого ангоба. Погребения данного этапа в основном ориентированы на запад.

Расположение захоронений в молалинском этапе в большинстве случаев ориентировано на юго-запад. Характерной керамикой являются приземистые чашеобразные горшки, сравнительно мелкие приземистые вазы разнообразных вариантов и миски. Керамика более мелкая, сосуды покрыты темно-красным ангобом. Как показал анализ форм керамики молалинского этапа, в этот период резко увеличивается ассортимент керамических сосудов и практически исчезает наличие в могилах металлических предметов бытового назначения.

Итак, исходя из типологического анализа и сопоставления материалов комплексов, мы склонны датировать джаркутанский этап XV и первой половиной XIV вв. до н. э., кузалинский — второй половиной XIV и концом XIII вв. до н. э., а молалинский — XII и началом X в. до н. э.

Широкие археологические раскопки могильника Джаркутан IV а дали богатый фактический материал, который позволит проследить непрерывное развитие высокоразвитой оседлоземледельческой культуры и ранние этапы этнической истории народов Средней Азии.

У. РАХМАНОВ

РАСКОПКИ КЕРАМИЧЕСКИХ ГОРНОВ КУЛЬТУРЫ САПАЛЛИ НА БУСТАНЕ 4

Бустансайская группа памятников эпохи поздней бронзы найдена в 1973 г. А. Аскарковым. Она расположена в 10 км на юго-запад от г. Шерабада Сурхандарьинской области и включает в себя десять памятников эпохи бронзы площадью более 100 га, находящихся по обоим берегам древнего русла Бустанся. Начиная с 1973 г., на этих памятниках стационарные раскопки проводит Шерабадский отряд Института археологии АН УзССР. Наибольший интерес среди этих памятников вызывает Бустан 4.

Бустан 4 расположен на двух плоских холмах общей площадью более 0,5 га, разделенных оврагом. Культурный слой крайне незначителен (до 20—30 см) и поврежден. Стационарные раскопки проводились на северном холме (рис. 1) Шерабадским отрядом Института археологии АН УзССР. Холм имеет вытянутую форму, его размеры 200×60 м, высота до 1,75 м. Максимальная толщина культурного слоя 10—15 см. Поверхность сильно выветрена.

Раскоп был заложен в центральной и восточной частях холма. Общая площадь раскопа 1300 м². Каких-либо следов остатков архитектуры обнаружить не удалось. В культурном слое лишь найдено незначительное количество фрагментов керамики, раскопано шесть керамических горнов и шесть ям для отвала керамического брака, золы, шлака. Ямы находятся в непосредственной близости около каждого керамического горна за исключением № 5 и в большинстве своем овальной формы. Длина их доходит до 5 м, ширина — до 2,8 м, а глубина — до 70 см. Керамические горны и ямы сосредоточены в западной половине раскопа за исключением горна № 6 и ям 1,6. Все горны однотипные, двухъярусные, имеют круглую обжигательную и овальную топочную камеры. Горны выкопаны в материковом лёссе, даже сохранявшаяся часть обжигательных камер была частично заглублена в материк. Сырцовый кирпич использовался, видимо, только для перекрытий и сооружения борта обжигательных камер. У трех керамических горнов — № 1, 4, 6 — сохранилась обжигательная камера, у остальных — топочная.

Керамический горн № 1 (рис. 2, 1) расположен в центральной части холма на его северном склоне. Контуры горна выявлены

после зачистки культурного слоя (до 20 см). Здесь сохранилась обжигательная камера и топка. Обжигательная камера в плане округлая, диаметр ее 30 см, стены сильно обожжены. Высота наиболее сохранившихся участков стен 40 см. В центре обжигательной камеры расположен столб, поддерживающий перекрытие горна. Он овальной формы, размером 180×150 см, сложен из сырцового кирпича (40×20×10 см) вперемешку с сильно обожженной и местами спекшейся глиной. Высота сохранившейся

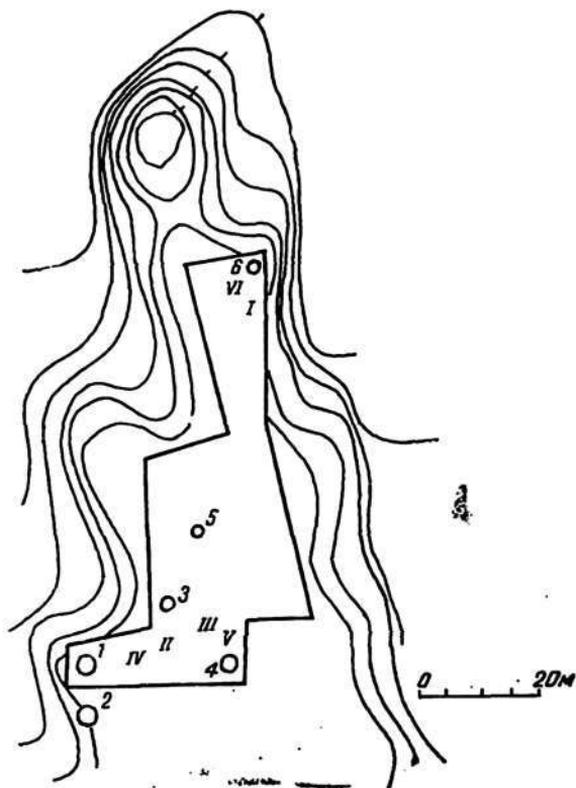

Рис. 1. Бустан 4:

1—6—керамические горны; I—VI—ямы

части столба 30 см. Ширина пространства между столбом и стенками обжигательной камеры в пределах 60—70 см. В обжигательную камеру выведены два жаропроводящих отверстия; всего зачищено 19 таких отверстий. Вдоль стенок обжигательной камеры довольно симметрично расположено десять отверстий диаметром 10—15 см. В центральной части обжигательной камеры под гранями столба имеется семь отверстий диаметром 8—10 см для жаропроводящих каналов-желобов. При раскопках в камере был обнаружен рыхлый грунт с небольшим количеством керамических изделий, в основном столовой посуды, но имелись и фраг-

менты крупных сосудов. На полу найден однолезвийный бронзовый нож, обломки обмазки, фрагменты обожженных сырцовых кирпичей от купола, перекрывавшего камеру.

Устье в топочную камеру находилось в северо-восточной стороне керамического горна на расстоянии 20 см от внутреннего края обжигательной камеры. Оно овальной формы, длина его 65, ширина 50 см. Впуск в топочную камеру сильно наклонный, почти вертикальный. Топочная камера имеет овальную форму, длина ее 200, ширина 125, глубина 160 см. Стены сильно ошла-

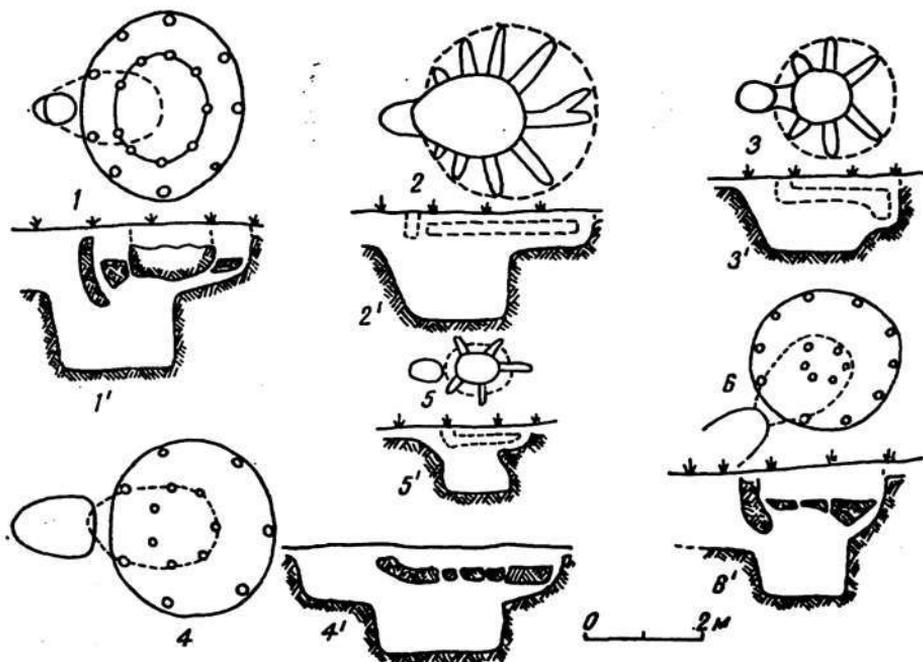

Рис. 2. Керамические горны в плане (1—6) и разрезе (1'—6')

кованы. Топочная камера несколько сдвинута по отношению к обжигательной в сторону своего устья. Диаметр жаропроводящих отверстий в топочную камеру достигает 25 см. Топочная камера заполнена довольно плотным грунтом с небольшим количеством мелких вкраплений золы. Находок очень мало, в основном это невыразительные фрагменты стенок керамических сосудов.

Керамический горн № 2 (см. рис. 2, 2) обнаружен на том же склоне холма в 6 м западнее керамической печи № 1, от которой сохранилась лишь топочная камера. Эта камера округлая в плане, размеры ее по нижней части 160×140 см, глубина в наиболее сохранившейся части 165 см. Устье расположено в северной части топочной камеры. Входное отверстие, соединенное с самой топоч-

ной камерой, округлой формы. Его длина 60, ширина до 60 см. Впуск в топочную камеру наклонный, почти вертикальный. Из топочной камеры выведены в несохранившуюся обжигательную камеру теплопроводящие каналы. В отличие от керамической печи № 1 здесь сохранилось лишь 10 симметрично расположенных каналов внешнего ряда, которые чем дальше находятся от устья, тем значительно больше по своим размерам: длина 15—120, ширина и глубина 15—25 см. Топочная камера заполнена обожженной землей, золой, керамическим браком. Встречено большое количество керамического шлака. На глубине 60—80 см обнаружены обломки длинных человеческих костей в абсолютно беспорядочном состоянии, на довольно различных уровнях. Сохранность костей очень плохая. В топочную камеру они попали после разрушения керамического горна.

Керамический горн № 3 (см. рис. 2, 3) находится в 8 м юго-восточнее керамического горна № 1. От него сохранилась лишь топочная камера. Судя по обожженности грунта и расположению жаропроводящих каналов-желобов, диаметр обжигательной камеры достигал 210 см. Топка имела округлую в плане форму. Размеры 100×90 см, глубина в наиболее сохранившейся части 110 см. Устье расположено с северной стороны горна. Оно грушевидной формы и сужается к месту соединения с топочной камерой. Длина 65, наибольшая ширина 55 см. Выявлено шесть желобов одинаковых форм от жаропроводящих каналов, расположенных довольно симметрично. Примерно на высоте 35—40 см они идут в горизонтальном положении и затем через 50—80 см под прямым углом переходят в вертикальное. Ширина желобов 15—20, глубина 10—20 см. Стенки каналов и топочной камеры сильно оплавлены. Заполнение топочной камеры довольно рыхлое с включениями золы и незначительным количеством керамики.

Керамический горн № 4 (см. рис. 2, 4) выявлен в северо-западной части холма. Сохранилась обжигательная камера округлой формы диаметром 300 см. Стены ее уцелели на высоту до 20 см. Эта камера носит следы длительного использования. Из топочной камеры в нее выведено 14 симметрично расположенных жаропроводящих каналов. Выходные отверстия семи каналов находятся вдоль стен камеры, а остальные выведены кругом в центр обжигательной камеры. Диаметр выходных отверстий первых семи каналов 12—15 см, а центральных 8—12 см. Обжигательная камера заполнена прокаленной землей, обломками обожженных сырцовых кирпичей, фрагментами керамических сосудов, в основном крупных (хумы, кувшины, подставки). Наибольший интерес представляет фрагмент кубка с зооморфным и геометрическим орнаментом, найденный на полу обжигательной камеры.

В центральной части обжигательной камеры выявлен пролом в топочную камеру, диаметр которого достигал 60 см. Входное отверстие в топку находилось в северо-восточной части керами-

ческого горна, где имелось углубление со стороны склона холма длиной 1,4 м, шириной 100, глубиной 80 см. В его вертикальной стене находилось устье в топку. Топка овальной формы, размером 220×140 см, глубина ее от пола топочной камеры до потолка пода 130 см. Стенки сильно оплавлены. Топочная камера заполнена плотным грунтом с большим количеством золы, фрагментами керамики, в основном от хумов, крупных кувшинов, больших подставок, обломками обмазки пода, шлаком, встречаются обломки сильно обожженных сырцовых кирпичей. Найден фрагмент большой подставки с процарапанным схематичным изображением быка (?). Перекрытие топки сооружено почти без использования сырцового кирпича, представленного лишь обломками. Для перекрытия использовалась глина с обломками керамики.

Керамический горн № 5 (см. рис. 2, 5) расположен в центральной части холма в 45 м восточнее керамического горна № 3. От него сохранилась только топочная камера округлой формы, входное отверстие и желоба от шести теплопроводных каналов. Длина топочной камеры по полу 120, ширина 90 см. Устье расположено с юго-западной стороны керамического горна. Оно овальной формы, имеет значительный уклон вовнутрь. Его размеры 55×40 см. Выявлено шесть желобов от жаропроводных каналов длиной 30—50, шириной 12—15 и глубиной до 25 см. Стенки топочной камеры значительно ошлакованы. Заполнение состоит из довольно плотного грунта с примесью золы и угольков. Здесь обнаружено несколько мелких невыразительных фрагментов.

Керамический горн № 6 (см. рис. 2, 6) обнаружен на юго-восточном склоне холма. Сохранность хорошая. Обжигательная камера в плане округлой формы, диаметром 240 см. Высота наиболее сохранившихся участков стен 42×43 см. Пол обжигательной камеры ровный. В нее выведено 16 теплопроводных каналов. Отверстия шести из них расположены довольно симметрично под стенами, а остальные — в центре камеры. Диаметр выходных отверстий жаропроводных каналов в центре составлял 7—10, у стен — 15—20 см. Несколько отверстий под стенами заложено. Заполнение обжигательной камеры — рыхлый грунт вперемешку с золой.

Устье топочной камеры расположено вертикально с северо-восточной стороны керамического горна, из канавы, выкопанной в материковом суглинке в склоне холма длиной более 110, шириной до 80 и глубиной до 120 см. Диаметр устья 50 см. Топочная камера имеет коническую форму в разрезе и овальную в плане, размеры по полу 150×120 см, глубина 160 см. Заполнение довольно рыхлое с золой и незначительным количеством керамики. Находящиеся у входа и в центре жаропроводящие каналы выведены вверх вертикально, а у противоположной стены — наклонно. Толщина пода в центре 10—15 см. Стены сильно ошлакованы.

Несомненно, все керамические горны построены и использованы в один исторический период, о чем свидетельствует единообразие керамического материала, полученного из керамических горнов и ям. Судя по общему виду и подъемному материалу, на южном холме Буста́на 4, где культурный слой полностью распахан, была подобная картина.

Раскопки керамических печей сапаллинского этапа культуры Сапалли производились А. Аскарковым на Сапаллитепа¹. Всего было раскопано 18 керамических печей, подразделявшихся по своей конструкции на три типа: 1) двухкамерные печи — топка и обжигательная камера отделены друг от друга, но находятся под общей крышей купола; 2) двухъярусные печи — обжигательная камера расположена над топкой; 3) подземные печи — комбинированные.

Все керамические печи мелких размеров, площадь обжигательной камеры не превышает 1 м². По мнению А. Аскарова, это приквартальные или придомные печи, так как они были найдены в каждом квартале Сапаллитепа.

Уже джаркутанский этап характеризовался переходом от небольших печей Сапаллитепа к сложным высокопродуктивным керамическим горнам Буста́на 4. Этот процесс естественным образом вытекает из самой эволюции гончарного производства. Подобная картина характерна и для соседних древнеземледельческих регионов — Южной Туркмении, Южной Бактрии. Например, сходные по своей конструкции керамические печи раскопаны в Южной Туркмении, которые по форме и устройству довольно близки печам Северной Бактрии. Так, из трех типов печей, выделяемых И. Масимовым² два типа — круглые и овальные — имеют много общего с керамическими горнами Буста́на 4. Большинство печей этих типов имеют опорный столб, но в отличие от Буста́на 4 топки четырех из них разделены на две части, что говорит о некотором архаизме. Лишь у некоторых печей отсутствуют отмеченные признаки — столб, разделение топки. Последующим этапом в эволюции керамического производства Южной Туркмении являются гончарные печи Улуг-депе эпохи Намазга VI³, в которых мы не видим деления топочной камеры и опорного столба.

Идентичны горнам Буста́н 4 по форме горны памятников середины I тысячелетия Мургабского оазиса — Чурнок и Учдепе⁴. Как отмечает В. И. Сарияниди, возникновение подобных кон-

---

¹ Аскарков А. Сапаллитепа. Ташкент. 1973; Он же. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977, с. 36—38.

² Масимов И. Изучение керамических печей эпохи бронзы на поселении Улугдепе. — В сб.: Каракумские древности. Вып. IV, Ашхабад, 1972, с. 39—47.

³ Там же, с. 39.

⁴ Сарияниди В. И. Керамические печи древней Маргианы. — В сб.: КСИИМК. Вып. 69. М., 1957, с. 346.

струкций керамических печей неразрывно связано с развитием керамического производства в Южной Туркмении.

На памятнике эпохи поздней бронзы Дашлы III в Южной Бактрии В. И. Сарияниди обнаружено пять-шесть керамических горнов, сооруженных из сырцового кирпича. Они имели округлую в плане топку⁵. Древние керамисты наряду с конструктивными новшествами большое внимание уделяли самому процессу обжига керамики. О попытках регулировки подачи горячего воздуха свидетельствует выведение из одного канала-желоба двух отверстий (горн № 2), закладка части отверстий в обжигательной камере (горны № 1, 6). По данным Э. В. Сайко⁶, исследовавшей керамику эпохи бронзы Алтын-депе, температура обжига посуды достигала 900—1000°. Подобную температуру обжига можно считать приемлемой и для керамики Бустан 4.

В результате раскопок керамических горнов и ям-отвалов получено значительное количество керамического материала. Более 90% его составляли кувшины с подкошенным дном больших и средних размеров, множество фрагментов хумов и крупных подставок. Небольшим количеством представлена столовая посуда: вазы на высоких ножках, конические чаши, чаши со сливом, кубки.

Вся керамика изготовлена на гончарном круге, хорошо обожжена. Черепок в изломе обычно розового цвета, редко красного. Следует отметить высокую стандартизацию изготовления кувшинов, параметры которых колебались в самых незначительных пределах. Большой интерес представляли зооморфные изображения на керамике (фрагменты от различных сосудов, рис. 3, 1—4): оленей в виде фриза на кубке, по венчику которого нанесен орнамент из сомкнутых треугольников. И орнамент, и изображения плоско-выпуклые. Изображения быка на миске и подставке процарапанные, схематичные.

Развитие социально-экономических отношений в эпоху бронзы обусловило появление в пределах поселений кварталов гончаров с устойчивыми сочетаниями жилых и производственных помещений. Так, на крупном памятнике этого времени в Южной Туркмении Алтын-депе площадь квартала гончаров достигает 2,5 га с устойчивым сочетанием производственных и жилых помещений⁷. Подобная картина характерна и для многих других памятников эпохи бронзы. Но в то же время на некоторых памятниках про-

---

⁵ Сарияниди В. И. Исследование памятников Дашлинского оазиса.— В сб.: Древняя Бактрия. М., 1976, с. 44—45.

⁶ Сайко Э. В. О теплотехнике керамики древнеземледельческих поселений (Алтын-депе).— В сб.: Каракумские древности. Вып. V. Ашхабад, 1977, с. 159—161.

⁷ Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976, с. 67; Масимов И. Керамическое производство эпохи бронзы Южного Туркменистана. Ашхабад, 1975, с. 9.

странственная локализация гончарного производства решена другим путем — гончарные печи находились за пределами поселения.

Как отмечалось, на памятнике Бустан 4 культурный слой крайне незначителен и вместе с отсутствием какой-либо архитектуры свидетельствует о том, что здесь было только место производства, причем лишь в летнее время. Подобная концентрация керамических печей наблюдалась и на памятнике эпохи бронзы Аучин-депе⁸. На многих памятниках Южной Бактрии керамические горны сосредоточены группами на окраинах⁹. Вынос за пре-

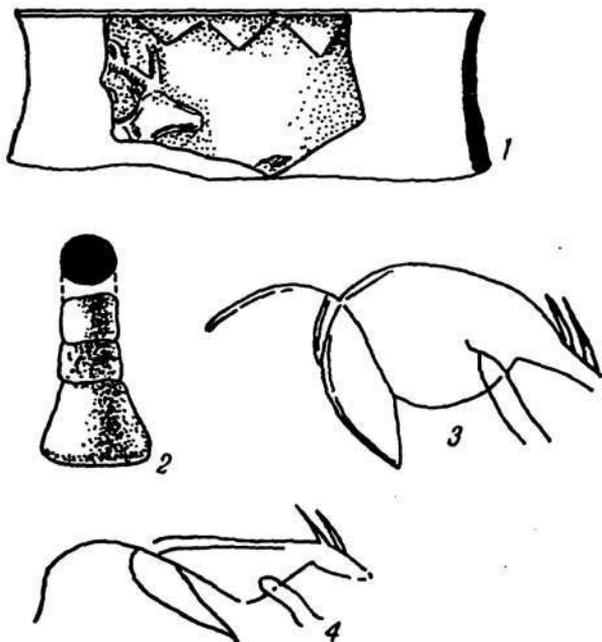

Рис. 3. Зооморфные изображения на керамике

делы поселений гончарного производства имел немаловажное значение. В. И. Сариниди отмечает, что не случайно на некоторых поселениях более позднего времени (середина I тыс. до н. э.) керамические печи находились за пределами памятников¹⁰. Мы отмечали, что керамические печи Сапаллитепа были приквартальными, обслуживая продукцией только свой квартал. На па-

⁸ Сариниди В. И. Керамическое производство древнемаргианских поселений.— В сб.: ЮТАКЭ. Т. VIII. Ашхабад, 1958, с. 360.

⁹ Сариниди В. И. Становление городской жизни в Южной Бактрии.— В сб.: Древний город Средней Азии. Л., 1973, с. 8; Он же. Исследование памятников Дашлинского оазиса, с. 44.

¹⁰ Сариниди В. И. Керамическое производство древнемаргианских поселений, с. 361.

мятнике Бустан 4 наблюдалась несколько иная картина. Наличие здесь однотипных горнов и вынос их за пределы поселения свидетельствовали о существовании четкой профессиональной организации, что в свою очередь говорило о большом и постоянном спросе на гончарную продукцию.

Итак, анализ материалов, полученных при раскопках Бустана 4, позволяет считать, что керамическое производство культуры Сапалли, начиная с жаркутанского этапа, основывалось на сложных двухъярусных печах высокой продуктивности. Сосредоточение в одном месте целой группы керамических горнов и выпуск ими массовой продукции свидетельствовали о развитом производстве продукции на рынок и о высоком профессиональном мастерстве гончаров.

Х. ДУКЕ

НОВАЯ СТОЯНКА ЭПОХИ БРОНЗЫ В ТАШКЕНТСКОЙ ОБЛАСТИ

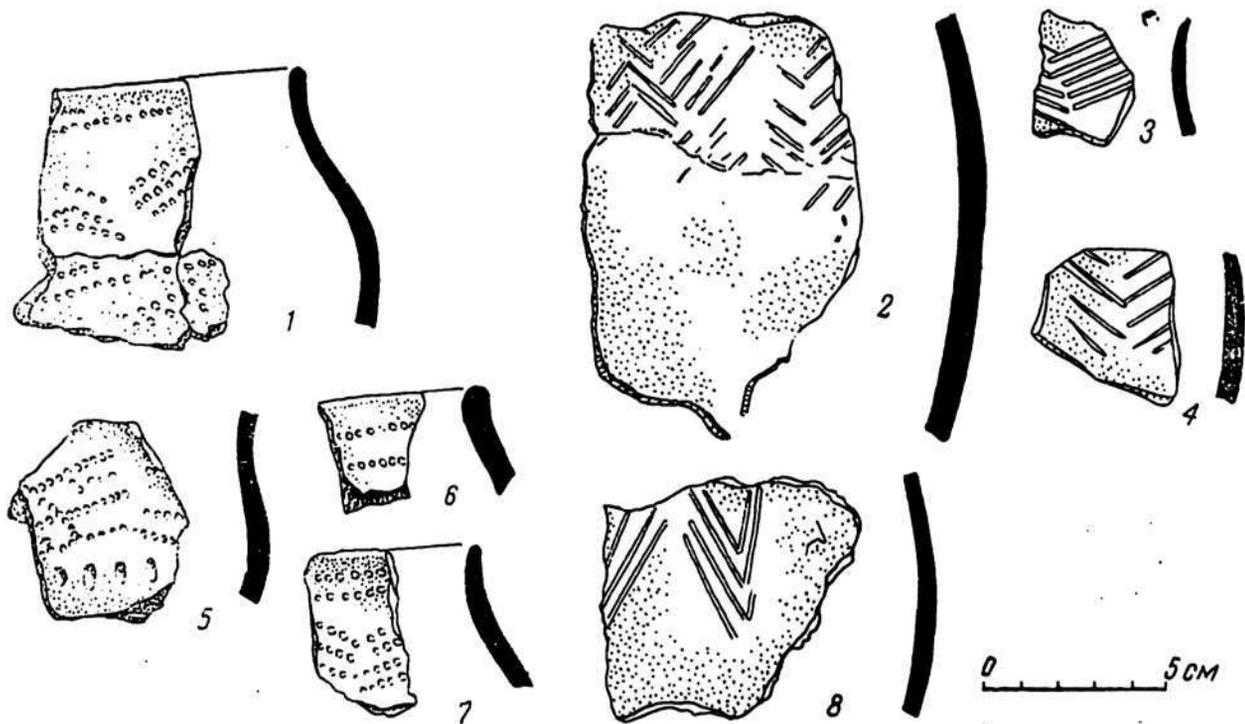
В результате разведочных работ Шаш-Илакского археологического отряда в 1975 г. в Ташкентской области в зоне Туябугузского водохранилища по правому берегу р. Ахангарана была обнаружена стоянка эпохи бронзы и собрано 25 фрагментов лепной и сероглиняной керамики, в том числе 20 орнаментированных, не менее чем от 5 сосудов. Стоянка расположена близ бургулюкского объекта № 4 а¹.

Так как стоянка была размыта, культурный слой не сохранился. Фрагменты керамики, обнаруженные на небольшой площади размером 12×16 м, почти все настолько мелки, что не позволяют восстановить форму. Сосуды сформованы ленточным способом. Черепок в изломе серовато-черного и коричневого цвета. Такова же и внешняя поверхность. Венчики слегка отогнуты кнаружи, лишь один почти прямой.

Для характеристики собранной керамики особое значение имеет орнамент. Он включает три типа: оттиски крупнозубчатого штампа (13 экз.) и гладкого штампа (4 экз.); овальные углубления и каплевидные насечки (2 экз.); сочетание овальных углублений и ломаных линий (1 экз.) (рисунок, 1, 5). Керамика с оттисками крупнозубчатого штампа представлена тремя венчиками и десятью стенками. Обычно непосредственно под венчиком наносился орнамент в виде двух параллельных линий, а под ним — от трех до четырех рядов ломаных линий (см. рисунок, 1, 6, 7). Керамика с оттисками гладкого штампа представлена только стенками сосудов. С елочным орнаментом или в виде горизонтальных зигзагов (см. рисунок, 2—4, 8) встречены фрагменты как больших размеров, так и мелких, причем иногда орнамент был очень насыщенным (см. рисунок, 3). Эти фрагменты относятся к керамике андроновско-тазабагьябского вида. Все памятники этого типа, известные в Ташкентском оазисе, кроме одного, принадлежат могильникам.

---

¹ Дукe X. К вопросу о бургулюкской культуре.— В ж.: ОНУ, 1976, № 8, с. 48.

Керамика из новой стоянки в Ташкентской области

Первая находка — глиняный плоскодонный горшок, сформованный от руки и орнаментированный зубчатым штампом², был найден в 1927 г. на курганном могильнике так называемых «никифоровских земель». Затем в 1937 г. на правом берегу р. Чирчика был найден глиняный неорнаментированный лепной плоскодонный горшок, по форме напоминающий андроновско-тазабагыябские сосуды. В 1940 г. в 7 км к северо-востоку от Тойтепа в разрушенных погребениях были обнаружены два сосуда эпохи бронзы, по форме напоминающие предыдущий с орнаментом в виде ломаных линий, нанесенных гладким штампом³, а на правом берегу р. Ангрена — большой фрагмент лепного сосуда без орнамента, по форме подобный предыдущим⁴.

В конце 60-х годов на памятниках эпохи бронзы Чильдухтаронтепа и стоянке Серкали были собраны фрагменты керамики, сформованной от руки. Часть из них украшена елочным орнаментом, нанесенным крупнозубчатым штампом⁵. В исследованных в 1975 г. Шаш-Илакским археологическим отрядом Института археологии АН УзССР разновременных захоронениях (одно из них эпохи бронзы), обнаруженных в восточной части Ташкентской области на левобережье р. Чирчика, в грунтовой яме среди разрушенных костей найден плоскодонный горшок с зубчатым орнаментом андроновско-тазабагыябского типа⁶. Кроме того, на территории Ташкентского оазиса известен ряд кладов и находок эпохи бронзы⁷.

Таким образом, для керамики андроновско-тазабагыябского типа Ташкентской области характерно преобладание зубчатого штампа над гладким. Наиболее близкие параллели керамики из бургулюкского объекта № 4 а мы находим в памятниках Ташкентского оазиса. Вместе с тем по фактуре черепков, способу изготовления и орнаментальным мотивам она настолько близка андроновско-тазабагыябской керамике других районов Средней Азии, что не может вызвать сомнения в синхронности этих па-

---

² Збруева А. В. Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья.— В ж.: ВДИ, 1946, № 3, с. 186—187, рис. 4; Оболдуева Т. Г. Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области.— В сб.: КСИИМК. Вып. 59. М., 1955, с. 145—146, рис. 62, 1.

³ Оболдуева Т. Г. Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области, с. 146, рис. 62, 2, 3; Тереножкин А. И. Согд и Чач.— В сб.: КСИИМК. Вып. XXXIII. М., 1950, рис. 69, 7—8; Буряков Ю. Ф., Касымов М. Р., Ростовцев О. М. Археологические памятники Ташкентской области. Ташкент, 1973, с. 70.

⁴ Оболдуева Т. Г. Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области, с. 146, рис. 62, 4.

⁵ Рахимов С. Стоянка эпохи бронзы Серкали.— В ж.: ОНУ, 1970, № 6, с. 41.

⁶ Алимов К., Буряков Ю. Ф., Дуке Х. И. Археологические открытия 1975 г. М., 1976, с. 524.

⁷ См.: Оболдуева Т. Г. Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области, с. 147—149; Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии.— В сб.: САИ. Вып. В 4—9. М., 1966, с. 92—93.

мятников⁸. Керамика, подобная найденной в Ташкентском оазисе, встречается на памятниках древнеземледельческих племен Маргианы в Южной Туркмении: Теккем-депе, Тахирбай 3, 13, 14—16, Аучин 11, 12, южный холм Анау⁹. Некоторые археологи объяснили это передвижением племен — носителей тазабагыябской культуры¹⁰. Кроме того, керамика объекта № 4 а находит близкие аналогии в памятниках алакульской стадии андроновской культуры Казахстана и Южного Урала¹¹. Так как керамические материалы памятников Ташкентской области синхронны тазабагыябской культуре в Средней Азии и алакульскому этапу андроновской культуры Казахстана и Южного Урала, то андроновско-тазабагыябская керамика памятников Ташкентской области должна датироваться тем же временем.

Памятники степных племен эпохи бронзы, открытые в 1938 г. в низовьях Амударьи С. П. Толстовым, были выделены им в особую культуру, названную тазабагыябской¹². Но так как материальная культура тазабагыябских памятников очень близка андроновской, некоторые исследователи предложили назвать ее местным вариантом андроновской культуры¹³. В 1956 г. Б. А. Литвин-

⁸ См.: Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, рис. 22; Итина М. А. Раскопки стоянки Кават 3 в 1958 г.— В сб.: МХЭ. Вып. 6. М., 1963, рис. 2, 1—5; Она же. Раскопки могильника тазабагыябской культуры Кокча 3.— В сб.: МХЭ. Вып. 5. М., 1961, с. 69—70, рис. 4, 1, 6, 9, 4—6; Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966, табл. XXIV, XXV, XXVI, 1, 2, 11, XXVIII—XXX; Гинзбург Б. З., Горбунова Н. Г. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины.— В ж.: СА, 1957, № 3, рис. 3, 1, 10, 12, 15, 20; Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А. Древности Кайрак-Кумов. Душанбе, 1962, табл. 67, 1, 2, 5, 70, 1—14, 72, 1—19, 73, 1—11, 76, 1—32 и др.

⁹ Массон В. М. Изучение древнеземледельческих поселений в дельте Мургаба.— В сб.: КСИИМК. Вып. 69. М., 1957, с. 59, рис. 19; Он же. Древнеземледельческая культура Маргианы.— В сб.: МИА. М.—Л., 1959, с. 27, табл. XI; Сарниди В. И. Степные племена эпохи бронзы в Маргиане.— В ж.: СА, 1957, № 2, с. 21—25, рис. 1—5; Хлопина Л. И. Кухонная керамика времени Намазга VI (по материалам «Вышки» Намазга-депе).— В сб.: КСИА. Вып. 132. М., 1972, с. 59.

¹⁰ Толстов С. П., Итина М. А. Проблема суярганской культуры.— В ж.: СА, 1960, № 1, с. 30; Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 60; Сарниди В. И. Степные племена эпохи бронзы в Маргиане, с. 26.

¹¹ Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник.— В сб.: Труды ГИМ. Вып. XVII. М., 1947, стр. 129, рис. 53—54; Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, рис. 32, 3, 8, 9, 18 и др.; Стоколос В. С. Культура населения бронзового века Южного зауралья. М., 1972, рис. 3, 11, 17, 18, 5, 2, 13, 6, 4, 8, 5, 9, 10, 9, 11, 13, 7, 9 и др.

¹² Толстов С. П. Древние хорезмийские памятники в Каракалпакии.— В ж.: ВДИ, 1939, № 3, с. 174—175, рис. 2; Он же. Хорезмская экспедиция 1939 г.— В сб.: КСИИМК. Вып. VI. М., 1940, с. 70—71; Он же. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948, с. 32; Он же. По следам древнехорезмской цивилизации. М.—Л., 1948, с. 76.

¹³ Тереножкин А. И. Согд и Чач.— В сб.: КСИИМК. Вып. XXXIII. М., 1950, с. 153; Гинзбург Б. З. и Горбунова Н. Г. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине.— В сб.: КСИИМК. Вып. 63. М., 1956, с. 91.

ский выделил еще одну культуру степной бронзы — кайракумскую, в которую включил памятники Ташкентской области и Ферганской долины¹⁴.

Вопрос о том, являются ли памятники степной бронзы Южного Приуралья и среднего течения Сырдарьи отдельными культурами или вариантами андроновской, до сих пор остается дискуссионным. Нам представляется, что памятники Южного Приуралья, среднего течения Сырдарьи, Ташкентской, Бухарской и Ферганской областей имеют очень близкое сходство с андроновскими (алакульскими) и выделить их в самостоятельные культуры не представляется возможным. Они имеют специфические, местные особенности, и мы поддерживаем мнение Аскарлова, определившего их как тазабагыябские локальные варианты андроновской культуры¹⁵.

Первоначально К. В. Сальников датировал алакульскую стадию андроновской культуры XI—IX вв. до н. э.¹⁶ В. С. Сорокин относил могильник Тасты-Бутак I к XIII—XI вв. до н. э.¹⁷, а О. А. Кривцова-Гракова материалы из Алексеевского поселения — к X—VIII вв. до н. э.¹⁸ Могильник тазабагыябской культуры Кокча 3 отнесен к XIII—XI вв. до н. э.¹⁹, а комплекс Гуджайли — к XII—XI вв. до н. э.²⁰ Но в литературе была высказана мысль о более древней дате алакульского этапа²¹.

Учитывая, что в нашем комплексе преобладает керамика с зубчатым штампом, мы датируем его серединой II тыс. до н. э. и относим к тазабагыябскому варианту андроновской культуры.

---

¹⁴ Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А. Древности Кайрак-Кумов, с. 246—250, 288—291.

¹⁵ Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966, с. 213.

¹⁶ Сальников К. В. Бронзовый век Южного Зауралья.— В сб.: МИА. Вып. 21. М., 1951, с. 120.

¹⁷ Сорокин В. С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане.— В сб.: МИА. Вып. 120. М.—Л., 1962, с. 89.

¹⁸ Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник.— В сб.: Труды ГИМ. Вып. XVII. М., 1947, с. 163.

¹⁹ Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 59; Итина М. А. История степных племен Южного Приуралья (II — начало I тыс. до н. э.). М., 1977, с. 146.

²⁰ Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана, с. 216.

²¹ Федорова-Давыдова Э. А. Андроновское погребение XV—XIII вв. до н. э.— В сб.: Труды ГИМ. Вып. 37. М., 1960, с. 59; Машкова М. Г., Федорова-Давыдова Э. А. Погребения эпохи бронзы Ново-Кумакского могильника.— В сб.: ҚСИА. Вып. 101. М., 1964, с. 135—140.

Р. СУЛЕЙМАНОВ, Н. НЕФЕДОВ

РАСКОПКИ СВАТИЛИЩА ХРАМА ГОРОДИЩА ЕР-КУРГАН

Основным объектом раскопок крупнейшего городища Ер-Курган с 1973 по 1977 г. был городской храм — сложный многослойный архитектурно-археологический комплекс, функционировавший в течение длительного времени. Руины его представляли собой оплывший невысокий холм высотой около 5 м, размером 30×50 м у подошвы. За истекший период были завершены раскопки центрального святилища храма. К югу от святилища находился обширный айванный портик и двор, к западу — подсобные помещения, вскрытие которых не завершено. Святилище было возведено на специальном кирпичном стилобате толщиной 1,5 м.

В начале функционирования оно представляло собой прямоугольное помещение (13,2×7,5 м), стены которого оформлены суфами и 15 полуциркульными нишами: пять — в северной стене, по три — в западной и восточной и четыре — в южной. В каждой из стен центральная ниша была крупнее остальных. В интерьере святилища вход оформлен как и центральная ниша № 8 южной стены — самая крупная ниша, расположенная посередине северной стены напротив входа. Ее ширина 3,5, глубина 1,6 м. Она имела пол, значительно приподнятый над уровнем пола помещения. Все малые ниши примерно равны по ширине и глубине, их пол выше поверхности суфы в среднем на 25—30 см. Исключение составляет только ниша № 9, пол которой гораздо ниже уровня поверхности суфы и прерывает ее на этом месте. Однако и здесь он выше пола святилища. В больших нишах № 4 и 2 западной и восточной стен пол совпадает с уровнем поверхности суфы.

Почти во всех нишах пол ровный, обмазан саманной штукатуркой и иногда покрыт тонким слоем ганча. Только в полу ниши № 3 имеется выступ, идущий в глубину, а в нише № 4 вдоль правой щеки сделана небольшая суфа. К центральной нише с юга на уровне ее пола пристроена обширная площадка. Длина ее гораздо больше ширины ниши и занимает даже простенок между нишами № 7 и 8. Около большой ниши восточной стены (№ 12) суфа оформлена небольшим выступом, имитирующим площадку центральной ниши. Суфа у противоположной ниши № 4 сильно разрушена при последующих пристройках, но она, очевидно, ана-

логична вышеописанной. Все суфы отличаются по высоте и ширине: их высота от 0,8 до 1,05 м, ширина от 0,3 до 0,5 м. По обе стороны от выхода суфы резко (на 20—25 см) сужаются и становятся ниже.

К площадке центральной ниши святилища, с юга, примерно, посередине пристроены две короткие ступеньки. Пол ниши, поверхность площадки и лицевая сторона ступеньки были обложены жженым разноформатным кирпичом (35×32×5; 41×35×5; 35×23×3,5 см и т. д.), покрытым ганчевой штукатуркой, местами значительной толщины (до 0,5 см). Боковые стенки обмазаны саманной штукатуркой и побелены.

Перекрытие храма подпирали две мощные колонны диаметром 0,8—0,85 м, выложенные из треугольного жженого кирпича. Колонны находятся примерно на равном расстоянии от западной и восточной стен святилища и друг от друга. Однако они ближе к южной стене, а расстояние от них до северной стены равно расстоянию между ними. Таким образом, колонны делят потолок на шесть секций: три северные квадратные, равные между собой, и три южные, прямоугольные и тоже равные между собой.

Кладка колонны стояла на массивной опоре — перевернутой базе, под которую подсыпан песок. Опора со всех сторон обложена длинным узким жженым кирпичом в два ряда. Кирпич и каменная опора — вторичного использования. Кирпич обмазан саманной штукатуркой. Сама колонна также обмазана саманной штукатуркой и поверх покрыта толстым слоем (до 1,5 см) ганча. Ствол колонны в нижней части слегка утолщен за счет более толстой обмазки саманной штукатуркой. Сама колонна поверх ганча окрашена красной краской, а квадратная база побелена.

К концу первого строительного периода в результате мелких ремонтов и достроек интерьер святилища несколько изменился. База колонны, многократно обмазанная штукатуркой, стала значительно больше и выше.

Центральная ниша святилища, а также площадка перед ней и ступени также изменили облик. Юго-западный угол ниши, включая ее левую щеку и простенок между ней и нишей № 7, был выложен высокой ремонтной кладкой — контрфорсом, стоявшим на полу ниши и на выступающей на запад части площадки. Сама площадка значительно расширилась и перекрыла первоначальные ступени (ступени, перед тем как их перекрыла площадка, дважды меняли конфигурацию). Вместо них в конце периода пристроили одну ступеньку, которая по длине почти равна ширине ниши.

Ниша № 9 также претерпела изменения. Ее пол был поднят до уровня полов остальных малых ниш, что исключило перерыв суфы перед ней — она стала сплошной, как и в других местах.

Стены и ниши покрыты красочными росписями, следы которых сохранились до наших дней. Роспись наносилась в основном красной и розовой красками. Встречались и серо-голубые мазки.

Контурсы часто обведены черными и красными линиями. Судя по сохранившимся фрагментам, на задние стенки ниш был нанесен орнамент в виде квадратной, ромбовидной или фигурной решетки. На щеках ниш местами сохранились фрагменты орнамента в виде полихромных полукругов. В верхней части левой щеки центральной ниши над контрфорсом открыт портрет человека, обведенный рамкой. На нем красная одежда, орнаментированная черными кольцами. На груди плохо сохранившиеся изображения пальцев. На голове высокий колпак, а вокруг белый нимб. Справа от головы на розовом фоне четырехлепестковый цветок. Подобное изображение можно предположить на противоположной, правой щеке. Здесь есть обрывки черной рамки и розового овала (рис. 1). К сожалению, остальная часть росписи осыпалась еще в древности.

Слабо выраженные рисунки, очень похожие на портреты, найдены еще в нескольких нишах. Интересно, что расписывалась в основном верхняя часть ниш, нижняя же просто белилась. В центральной нише, например, роспись не доходила до пола на 1,5 м. Но, в основном, росписи святилища носят орнаментальный характер. Встречаются обрывки как геометрического, так и растительного орнамента.

Как уже отмечалось, святилище храма регулярно ремонтировалось и подновлялось. Отмечено даже несколько случаев, когда старая роспись замазывалась саманной штукатуркой и поверх нее наносилась новая. Суфы и базы не всегда красились в красный цвет, иной раз их либо забеливали, либо покрывали тонким слоем ганча.

Во втором строительном периоде в интерьере святилища храма произошли значительные перемены. Во-первых, были заложены все ниши, за исключением центральной № 8 и № 3 и 12, забутованных не полностью. Более ранняя ступенька перед центральной нишей оказалась под двумя более крупными. Суфы южной стены стали очень широкими (до 1,5 м). В целом по святилищу пол был поднят в среднем на 0,2 м за счет выкладки сырцовым кирпичом в два ряда. К концу периода изменения стали еще более существенными. Вдоль западной стены была возведена ремонтная кладка высотой около 2 и шириной 0,9 м, полностью закрывавшая суфу. Вдоль южной стены, где сама суфа очень широка, кладку выложили прямо на суфу. До входа эта кладка не доходила и часть суфы оставалась свободной. К востоку от входа ремонтная кладка оформлена двойным углом.

Перестройка, произведенная в третий период, коренным образом изменила интерьер святилища храма. В связи с дальнейшим разрушением стен и очень сильным наклоном колонн к югу помещение было разделено на три секции. Две стены, разделявшие святилище на секции, построены к западу и востоку от колонн в меридиальном направлении. Центральная ниша была заложена сырцовым кирпичом, пол святилища поднят в среднем

Рис. 1. Фрагменты портретного изображения из центральной ниши святилища

на 75—80 см. К северной стене центральной секции на месте площадки пристроены три довольно высокие ступени. Верхняя, самая широкая, очевидно, выполняла функцию алтаря. Опорные кладки южной и западной стен, выступающие над полом более чем на 1 м, в этот период служили суфами. Роль суф выполняли также ремонтные кладки, возведенные вдоль северных стен западной и восточной секций. Однако к концу периода эти кладки были доведены до потолка.

Вход в западную и восточную секции не был обнаружен из-за поразительной прочности более поздних кладок, на которых не удалось найти даже швов. Однако, судя по тому, что общий пол найден в их южной части, можно предположить наличие входа в сектора с юго-запада и юго-востока.

В течение этого периода происходили мелкие достройки. Так, в боковых секциях незначительно был поднят пол. Подняли и оформили двумя ступенями также и пол входа в святилище. Следов побелки или окраски на стенах святилища не обнаружено. Даже саманная штукатурка встречалась фрагментарно.

В связи с коренным изменением планировки святилища остановился на последовательности возведения конструкций. Под стенами, перегородившими святилище, между полами были выложены две другие стенки, имевшие двойное назначение. Во-первых, они служили фундаментами для стен третьего периода. Во-вторых, они разделили площадь помещения святилища на три части, что позволило в боковых сторонах захоронить пришедшие в негодность культовые предметы: обломки скульптуры, посуду, металлические предметы. Центральную же часть между стенами просто засыпали рыхлой глиной.

Очередная перестройка храма четвертого периода связана с дальнейшим разрушением храма. Боковые секции перестали функционировать. Входы в них были заложены, а сами секции забиты доверху строительным мусором. В этот период святилищем было только центральное помещение. Пол в нем опять значительно подняли. К северной стене пристроили только две ступеньки. Значение колонн, как несущих перекрытие, было сведено к нулю: они остались в качестве декоративного украшения интерьера.

В конце функционирования храма произошла пятая, последняя, перестройка, пол в святилище в результате многочисленных обмазок полностью перекрыл ступеньки-алтарь. На их месте у северной стены возведен из сырцового кирпича алтарь в виде прямоугольного подиума. Его забиты рыхлой глиной, перемешанной с обломками глиняной скульптуры и керамикой. Алтарь хорошо отштукатурен, побелен, его верхняя часть окрашена в красный цвет. На нем был слой пепла толщиной 1—1,5 см. Колонны находились в аварийном состоянии, и их с юга обложили сырцовой кладкой, занимавшей пространство от колонн до южной стены. В результате южная часть помещения настолько сузилась, что

стала попросту коридором. Собственно, святилище ограничилось площадью между колоннами и северной стеной с алтарем.

Функционирование храма относится ко второй четверти I тыс. н. э. Святилище храма, претерпевшее пять существенных перестроек, в последний период совершенно потеряло свой первоначальный облик. Важно отметить, что на всем протяжении функционирования это святилище пользовалось постоянным почитанием, и характер культа на всем протяжении оставался более или менее постоянным.

При раскопках святилища храма, помимо обычного археологического инвентаря в виде битой посуды, обломков металлических изделий и т. п., было вскрыто значительное количество материальных атрибутов культа. Прежде всего, это многочисленные свидетельства культа огня. Они сводятся к множеству керамических курильниц, плосек, светильников, сильно прожженных красным пятнам от кострищ на уровнях 3—4-го полов у входа в святилище. Многие уголки ниш сильно закопчены, что указывает на то, что в них долго горели светильники. И, наконец, алтарь огня 5-го периода дополняет этот набор проявлений культа огня.

Вторая группа предметов указывает, нам кажется, на женский характер божества, которому был посвящен храм. Это фрагменты глиняной скульптуры (их несколько), относящиеся к различным строительным периодам. Можно предположить, что они передают выразительный женский образ (рис. 2). Что же касается единственного плохо сохранившегося человеческого портрета в анфас на боковой стене центральной ниши с исключительно реалистически переданным выражением глаз и с белым нимбом вокруг — это, видимо, образ адоранта или почитателя, обращенного к фигуре самого божества, скульптурное изображение которого находилось в нише.

Характерна находка трех бронзовых разнотипных зеркал в закладах между полами 3- и 4-го строительных периодов и небольшой терракотовой фигурки богини с зеркалом в руке, напоминающей маргианское изображение богини с зеркалом¹. Это указывает на возможную связь образа этого божества с известной скифской богиней с зеркалом Агримпасой². Однако здесь же в слоях святилища обнаружена не менее яркая находка, указывающая на возможную связь божества со стихией вод. Это миниатюрное изображение лягушки, выточенное из агата, и небольшое кованое изображение змеи из светлого металла, возможно, сплава олова. Находка же роскошного изображения ежа из золота в виде подвески-амулета, являвшегося зороастрийским священным животным, вместе с вышеописанными образами, связан-

¹ См.: Пугаченкова Г. А. Маргианская богиня.— В сб.: СА. Вып. 29—30. М., 1959.

² Артамонов М. И. Антропоморфные божества в религии скифов.— В кн.: Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Вып. 2. Л., 1961.

ными со стихиями вод, указывает, надо полагать, на связь божества храма Ер-Кургана с образом зороастрийской Анахиты.

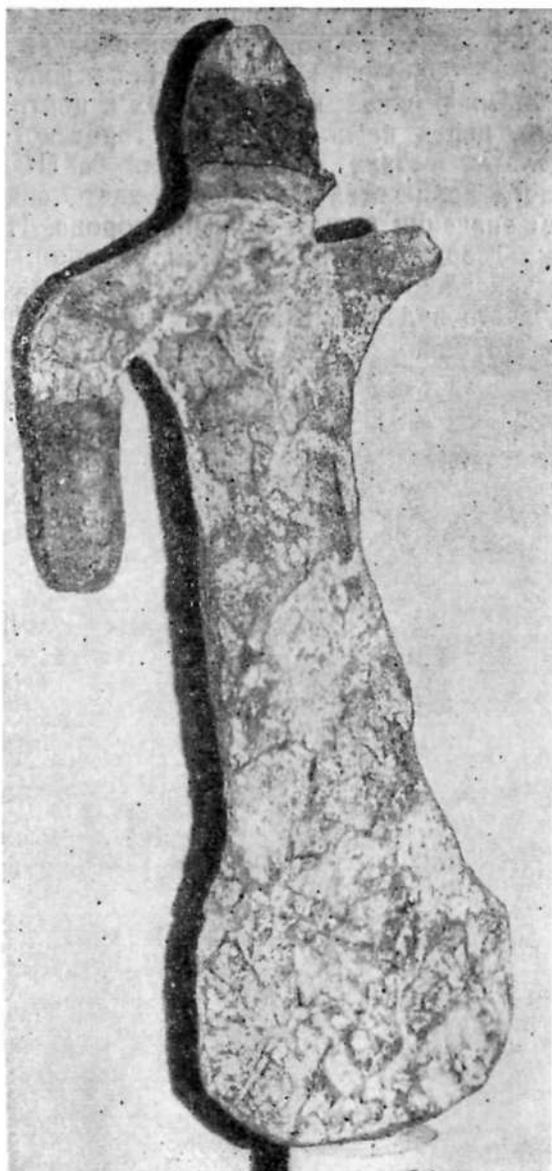

Рис. 2. Сохранившаяся задняя сторона глиняной скульптуры из святилища храма Ер-Курган

Кроме того, были обнаружены изделия, характерные для большинства древних культов Евразии. В частности, несколько легких

колокольчиков, призванных отгонять своим звоном злых духов, кусочки охры, бараньи астрагалы, стилизованное изображение идола со вздутым животом и заостренными ушами, выявлены контурные знаки, прочерченные черной краской на западной колонне святилища. Позднее на фоне красной окраски колонны были протерты два изображения человеческих фигур-дароносцев с венками и плодами в руках, направленных к центральной нише.

Итак, видимо, перед нами святилище городского храма Еркургана на последнем этапе жизни города в III—IV вв. н. э. Наличие большого количества перестроек дает основание говорить о большом значении культа в жизни города, И даже тогда, когда жизнь на городище практически замерла, и не хватало средств на восстановление первоначального грандиозного сооружения, храм существовал как небольшая святыня на руинах полузаброшенного города.

И. АХРАРОВ

СЕЛЬСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ В ЧУСТСКОМ РАЙОНЕ

Сельское поселение находится на территории колхоза им. К. Маркса Чустского района Наманганской области на берегу Куригансая. Долина Куригансая в июле-августе бедна растительностью. Почва здесь каменистая, за исключением отдельных мест, поверхность которых покрыта мелкоземом. Все это, а также маловодность саев и недостаточное количество осадков препятствуют развитию здесь богарного земледелия.

Поселение состоит из следующих тепа, разбросанных на разном расстоянии друг от друга (100—200 м): Каратепа № 1 — на левом берегу сая (круглое в плане, высотой 3, диаметром 30 м); Каратепа № 2 — на противоположном от Каратепа № 1 берегу Куригансая (округлое в плане, высотой 4, диаметром 50 м); Юмалоктепа — на левом берегу Куригансая (высотой 5, диаметром 60 м); Япалактепа — на левом берегу Ризаксая (высотой 4, шириной 30, диаметром 60 м) и двух тепа, аналогичных Япалактепа. Общая площадь под всей группой тепа составила 1000×500 м. На поверхности этих тепа подъемного материала было мало. Как установлено раскопками, основным строительным материалом являлись пахса и сырец размером 40×40×10 см, стены возводились без каменного фундамента. В основании обязательно использовалась пахса, выше шла кладка. Планировка зданий произвольная, толщина стен 50—100 см, на всех стенах имелась глинно-саманная штукатурка. Полы земляные. Все раскопанные тепа за исключением Каратепа № 1, где вскрыто, видимо, культовое сооружение, были руинами жилых домов.

В процессе раскопок Каратепа № 1 выяснилось, что слой завала сильно утрамбован. Это способствовало образованию монолита под действием многовековых осадков. При расчистке завалов обнаружены стены, уровни полов здания, которое на последнем этапе жизни пострадало от сильного пожара, незначительное число в нем находок. К завершению раскопочных работ четко выявился план архитектурного сооружения, которое по всем признакам можно признать за культовое (рис. 1).

Сооружение в своей основе квадратное, имеет характерную планировку: четыре длинных узких коридора окружают центральное помещение с примыкающими к нему с одной стороны двумя

смежными комнатами. В северо-западном углу коридор образует выступающий вестибюль. Толщина стен помещения 50—65 см, размер центральной комнаты 5,5×5,5 м. При таком пролете перекрытие, видимо, было балочным, что характерно для архитектуры Ферганы античного периода.

Помещение № 1. Оно выделяется как центральное звено. Это квадратное (5,5×5,5 м) в плане помещение, с входом с северной

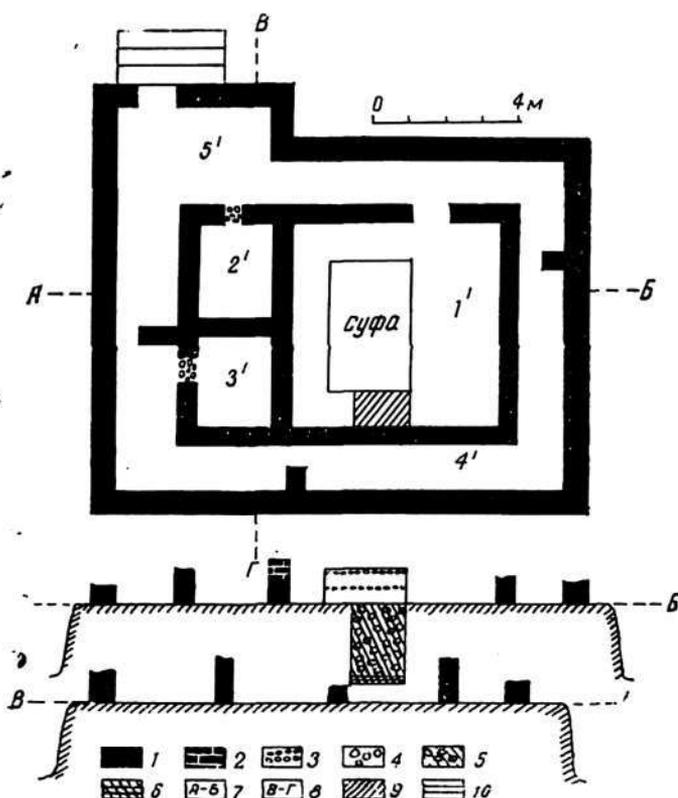

Рис. 1. План культового сооружения:

1—пахсовая стена; 2—сырцовая кладка; 3—галечный ряд; 4—булыжники; 5—шурф; 6—материк; 7—разрез А—Б; 8—разрез В—Г; 9—план шурфа; 10—лестница к вестибюлю; 1'—5'—помещения

стороны шириной 0,95 м в северный коридор. В западной половине сооружена суфа длиной 3,65 и шириной 2,2 м при высоте около 1 м, сверху и по бокам имеющая трехслойную штукатурку черного цвета. От северной, западной и южной стен она отступает на 1 м, а с восточной стороны остается большое пространство для прохода к дверному проему. Стены помещения, как и суфа, имеют три слоя штукатурки толщиной 0,8 см каждый. Самый первый

слой землисто-желтоватого оттенка, плотный и ровный, без трещин, несмотря на отсутствие самана, второй и третий — черного цвета. Стены помещений местами сохранились на высоту более чем на 1 м.

Помещение № 2. Прямоугольное в плане (2,65×2 м), оно примыкает к помещению № 1 с северо-запада с выходом в вестибюль шириной 45 см. Порог входа вымощен булыжниками среднего размера (15—20 см). Стены также имеют трехслойную черную и землисто-серую штукатурку. Сохранность стен от 75 см до 1 м в высоту.

Помещение № 3. Оно (2,5×2 м) смежное с помещением № 2 и также примыкает к помещению № 1, вход в него шириной 65 см со стороны западного коридора. Стены покрыты штукатуркой черного цвета. Обходные коридоры окружают ядро здания с четырех сторон. Западный, южный и восточный коридоры имеют по одному выступу, которые как перегородки делят их на отсеки, оставляя проход в 60 см в следующий отсек. Длина выделяющегося вестибюля с входом (ширина 1 м) с северной стороны 4,15, ширина 2,75 м.

Строительный материал. Для сооружения комплекса использовались пахса и сырцовый кирпич размером 40×40×10 см, который применялся реже, чем пахса. В глину сырцовых кирпичей примешивали мелкорубленный саман. Хотя в структуре пахсы нет растительных примесей, вертикальных трещин она не давала. Она очень плотная, монолитная, видимо, при сооружении стен глину долго и терпеливо обрабатывали, выводя из нее как можно больше воздуха для устранения образования трещин при высыхании. Для вымостки порогов применялся булыжник.

Как показала разработка стратиграфического шурфа размером 1,5×1 и глубиной более 2 м, заложенного между суфой и восточной стеной помещения № 1, фундамент пахсовой стены центрального помещения углублялся ниже уровня пола на 65 см. Сооружен он на хорошо утрамбованной платформе, сложенной из глины и бесформенных гуваляков. Материк, обнаруженный на глубине 2 м, представлял собой гравий с песчанистым слоем.

Полы всех помещений были земляными без обмазки и находились на одном уровне. Как в помещениях, так и в коридорах не обнаружены очаги и следы хозяйственной деятельности.

Находки. Их очень мало. Из металлических изделий на полу помещения № 1 с восточной стороны при входе в него найден бронзовый наконечник стрелы (рис. 2). Он двухлопастной, втульчатый, высота его 4,1 см. Высота втулки 2,5, диаметр 0,7 см. Форма наконечника очень древняя. Подобные наконечники широко использовались и в античную эпоху. Двухлопастной наконечник стрелы мы датируем II в. до н. э. и считаем, что, хотя такая форма характерна для более раннего периода, «их бытование и

вероятное переживание форм» вполне допустимо в III—II вв. до н. э.¹

В вестибюле на полу с западной стороны при входе обнаружено бронзовое украшение — бляшка (рис. 3). Она круглая, литая, диаметром 30, толщиной 5—6 мм с центральным отверстием в 1,5 см. По кругу выступали девять выпуклых «бугорков» с закругленным краем, создававшим в целом волнистый рельеф. Подобные бугорки имелись и на лицевой стороне бляшки. Украше-

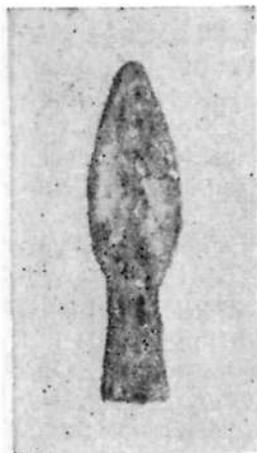

Рис. 2. Бронзовый наконечник стрелы

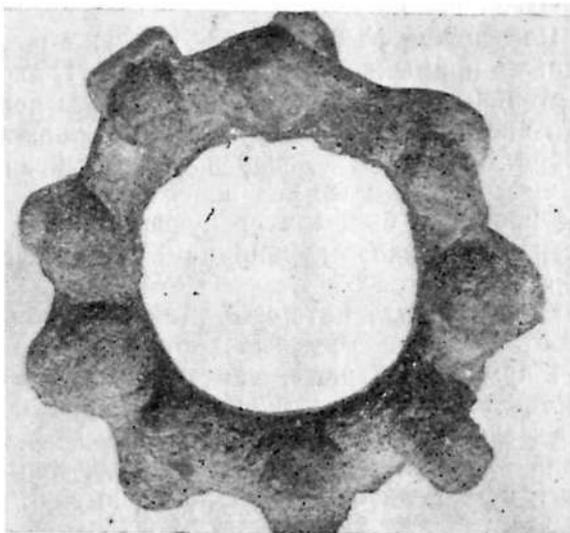

Рис. 3. Бронзовая бляшка

ние воспринималось как многолепестковый цветок. Кроме того, найдено множество каменных изделий: зернотерки, пестики, кайраки разных размеров и типов. Здесь же обнаружены кости овец, коз и т. д.

Керамика. В большинстве своем керамика фрагментирована. В основном керамические предметы найдены в помещениях № 2 и 3, в коридорах. Это чаши, лаганы, горшки, кувшины, хумы, хумчи, а также лепные изделия.

Вся керамическая посуда, за исключением кухонных изделий и хумов, сделана на быстро вращающемся гончарном станке. Большинство керамических изделий имеют красный, розовый и черный ангоб с последующим горизонтальным лощением. Поражает исключительное мастерство керамистов в изготовлении

¹ Усманова З. И. Эрк-кала.— В сб.: Труды ЮТАКЭ. Т. XII. Ашхабад, 1963, с. 64.

форм посуды, толщина стенок которых 0,2—0,3 см, столовой посуды, тесто которой включает хорошо отмученную глину без примесей. Обжиг, как правило, ровный, цвет черепка в изломе красный, либо розовый. У единичных сосудов черепок в изломе серовато-кремовый. В целом керамика с поселений является продукцией ремесленного производства, носившего явно товарный характер. В ассортименте посуды преобладает столовая. Все обнаруженные донца сосудов плоские и очень устойчивые.

Керамические находки с поселений находят прямые аналогии с античными памятниками Ферганской долины, где подобные изделия датируются в пределах I—IV, I—III, II—I, V—IV вв. до н. э. и рубежом I в. н. э.² В целом керамический комплекс поселения в Чустском районе можно датировать первыми веками нашей эры.

Анализ планировки культового сооружения. Как отмечалось, в основе плана здания — квадратный зал с обходными коридорами вокруг, вход выделялся специальным вестибюлем, сооружение покоилось на двухметровой утрамбованной из глины и гудряков площадке. К вестибюлю вели глиняные ступеньки. Перекрытия крыш, видимо, были плоскими, так как для сводчатых перекрытий толщина стен слишком мала — 50—60 см.

Очевидно, первоначально коридоры служили как обходные. Посетители по широким глиняным ступенькам входа попадали в вестибюль, из которого — в западный, южный, восточный и северный коридоры. Из последнего вел вход в центральное помещение, где совершали церемонию обхода вокруг суфы, затем выходили из помещения, поворачивая на запад к входному вестибюлю. Позднее коридоры использовались для хозяйственных целей и были разделены на отсеки, и церемониал уже ограничивался обходом только вокруг суфы центрального помещения.

Примыкавшие к центральному залу небольшие помещения носили жилой характер, возможно, для служителей этого небольшого культового здания, рассчитанного для обслуживания жителей сельского поселения. Поскольку в помещениях пороги сделаны из камня, то можно предполагать о наличии в них дверей.

Исходя из площади поселения, размеров вскрытых жилых домов, мы полагаем, что число поселенцев достигало 200 чел., т. е. здесь жило несколько обособленных больших семей. Видимо, к этому культовому зданию на церемониалы собирались жители соседних деревень.

---

² См.: Горбунова Н. Г. Некоторые вопросы хронологии ферганской керамики с красным ангобом.— В кн.: Археологический сборник. Вып. 13. Л., 1971, с. 73, рис. 2, фиг. 1 в, г; 3, 4, 7; Козенкова В. И. Гайрат-тепа.— В ж.: СА, 1964, № 3, с. 231, рис. 5, фиг. 1, 2; Бернштам А. А. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая.— В сб.: МИА. Вып. 26. М.—Л., 1952, табл. 1; Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы.— В сб.: МИА, Вып. 118. М.—Л., 1962, табл. 36, 50.

Интересна архитектурная часть культового сооружения — выступающий вестибюль, обращенный в сторону поселения, так как здание построено на краю его. В планировке вскрытых жилых комплексов вестибюль отсутствует, а наличие его в культовой постройке своеобразно подчеркивает торжественность сооружения.

Исходя из планировки, мы предположительно относим это сооружение к культовому и датируем его I в. н. э. Для этого времени в Фергане впервые отмечен такой памятник. Говоря о генезисе подобной планировки культового здания, нужно коснуться глубины истории. Как уже упоминалось, основные принципы планировки храмов огня «могли быть усвоены буддийской архитектурой»³.

Что касается общей композиции, то следует прежде всего отметить замкнутость культового здания и особенно центрального помещения с суфой посередине. В планировке квадратный зал является центральным элементом, без чего можно было бы признать здание в целом как жилое, а не культовое. В составленной Г. А. Пугаченковой типологической классификации культовых сооружений Средней Азии памятники разбиты на три группы⁴. К первой относится «композиция с центральным элементом и его периметриальным или «П»-образным обводом. 1. Зал с обводным кулуаром. Центральным элементом служит квадратный зал, охваченный коридором, иногда подразделенный перегородками», или же третий тип I группы: «Зал с обводом из коридорообразных помещений. Функционально видоизмененный вариант первого типа. Обводом квадратного зала является как бы уширенный коридор с перегородками, образующими продолговатые комнаты»⁵.

Исследуемое нами культовое сооружение композиционно относится к I группе, первому и третьему типам классификации Г. А. Пугаченковой. Можно привести еще аналогичные в плане культовые сооружения: северный храм на Мансур-депе в районе Парфянской Нисы, датированной предварительно III—II вв. до н. э., храм античного времени на городище Дилберджин в Северном Афганистане, святилище Канишки в Сурх-Катале II в. н. э.⁶

Появление такого культового сооружения с «залом с обводным кулуаром» в Фергане Г. А. Пугаченковой объяснялось тем, что его планировка, очевидно, проникла из Бактрии через Согд. Однако она имела в виду VI—VIII вв. н. э., в то время в Фергане

³ Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-тепа. М., 1971, с. 145.

⁴ См.: Пугаченкова Г. А. К архитектурной типологии в зодчестве Бактрии и Восточной Парфии.— В ж.: ВДИ, 1973, № 1, с. 121.

⁵ Там же.

⁶ Кошеленко Г. А., Пилипко В. Н. Исследование парфянского святилища в окрестностях Нисы.— В сб.: Каракумские древности. Вып. II. Ашхабад, 1968, с. 33, рис. 17; Бердыев О. О некоторых сходствах материальной культуры Туркменистана и Северного Афганистана.— В ж.: Памятники Туркменистана, 1970, № 2, с. 11; Кругликова И. Т. Дилберджин. М., 1974, с. 17, 54.

еще не была обнаружена архитектурная система «зала с кулуаром» античного времени. — Теперь же на основе обнаруженного культового сооружения в Северной Фергане можно считать, что для первых веков н. э. народы Ферганы во многом (этнически, духовно и т. д.) были близки народам Средней Азии.

Анализ хозяйственного уклада жителей поселения. На основе анализа полученного археологического материала мы можем полагать, что на первом месте у жителей поселения Чустского района было разведение мелкого рогатого скота, а не земледелие, которое требовало в предгорной полосе немалых усилий и затрат труда для получения зерновых. Кроме того, здесь развивалась и охота.

Археологические материалы подкрепляют некоторые данные письменных источников, характеризующие хозяйство и культуру Ферганы (Давани) первых веков н. э.: даванцы вели оседлую жизнь, занимались земледелием, сеяли рис и пшеницу, имели много аргамаков⁷. Итак, в хозяйстве поселения Чустского района развивалось земледелие и скотоводство, из которых второе было доминирующим.

При раскопках не обнаружены следы, свидетельствующие о развитии домашнего ремесла (ткачество, ювелирное дело и др.). Видимо, все необходимые для ремесла товары жители приобретали либо путем обмена, либо посредством торговли в городе. Обследование территории вокруг поселения не дало следов непосредственного керамического производства. Это приводит к мысли, что, возможно, жители поселения покупали посуду или обменивали на свой товар на рынках города античного Ахсикета. Это вполне допустимо, так как, во-первых, расстояние от поселения до городища античного Ахсикета было незначительным; во-вторых, маленькому поселению было не под силу вырабатывать такую высококачественную станковую керамическую посуду, которая все-таки больше характерна для городского ремесленного производства. Однако это не отрицает наличия домашнего производства некрупных керамических изделий, особенно лепных.

Таким образом, анализ вскрытого в результате исследований археологического материала позволяет предполагать о возможности сооружения культовых построек и в античных городах Ферганы, в первую очередь, в городах на правом берегу Сырдарьи — Папе и Ахсикете.

---

⁷ Бичурин П. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3-х т. Т. 1. М.—Л., 1950, с. 149.

К. САБИРОВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КРЕПОСТНЫХ СТЕНАХ КУШАНСКОГО ГОРОДИЩА ЗАРТЕПА

Городище Зартепа расположено на юге Узбекистана. В плане оно квадратное площадью около 16,9 га, ориентировано по сторонам света с небольшим отклонением на северо-запад, опоясано крепостными стенами, которые сохранились в оплывшем виде. В северо-восточном углу его квадратная в плане цитадель размером 120×120 м. Самая высокая точка стены цитадели составляет 14 м. В юго-восточном углу городища расположена вторая цитадель меньшего размера, отделенная от городища незастроенным участком.

Для раскрытия истории оборонительных стен и установления строительных периодов мы осуществили разрез стены, который позволил вскрыть четыре периода. Первый представлен сплошной кирпичной кладкой, отмеченной в самом конце X яруса и покоящейся на песчаной прослойке (XIII—XI ярусы). Возможно, постройка служила фундаментом для оборонительных стен, толщина внешней стены достигала 7,6 м. Эта стена имела внутренний коридор шириной около 1,4 м (рис. 1).

Во втором периоде старый коридор был заполнен кирпичом. Это привело к утолщению стены и возведению нового коридора. Теперь толщина оборонительных стен достигла 9 м, а широкого коридора — 2,5 м. Этот период характеризовался расцветом культуры и жизни города.

Постепенно около стены со стороны города идет рост культурных отложений (X—V ярусы). В третий период коридор уже был полностью заложен, а толщина стен сузилась до 4 м (V—III ярусы).

В четвертый период со стороны города к стене были пристроены пристенные помещения (III—I ярусы). Строительным материалом служил кирпич зеленоватого цвета.

С целью изучения восточной стены городища мы осуществили ее разрез и провели широкие раскопки по внешнему фасу городских стен. Здесь была обнаружена оборонительная стена протяженностью около 120 м с тремя фланкирующими ее овальными башнями. Вскрытие с внешней стороны стены между башнями № 1 и 2 на высоту 5 м и между башнями № 2 и 3 на 3,5 м позволило нам выявить конструкцию стен, башен и бойниц.

Как показали исследования, в расчищенном помещении внутри наиболее уцелевшей башни № 1 диаметром 8,5 м было вскрыто четыре периода. Ранний из них, видимо, соответствовал второму периоду существования крепостных стен. Здесь в южной стене была расчищена законченная ниша для установки светильника, освещающего эту полутемную комнату. Под нишей на глубине 1,2 м вскрыт пол коричневого цвета, завершающий второй этап. Сверху пол забутован. Позднее было забутовано все помещение и поверх настелен пол позднего помещения, соответствующую

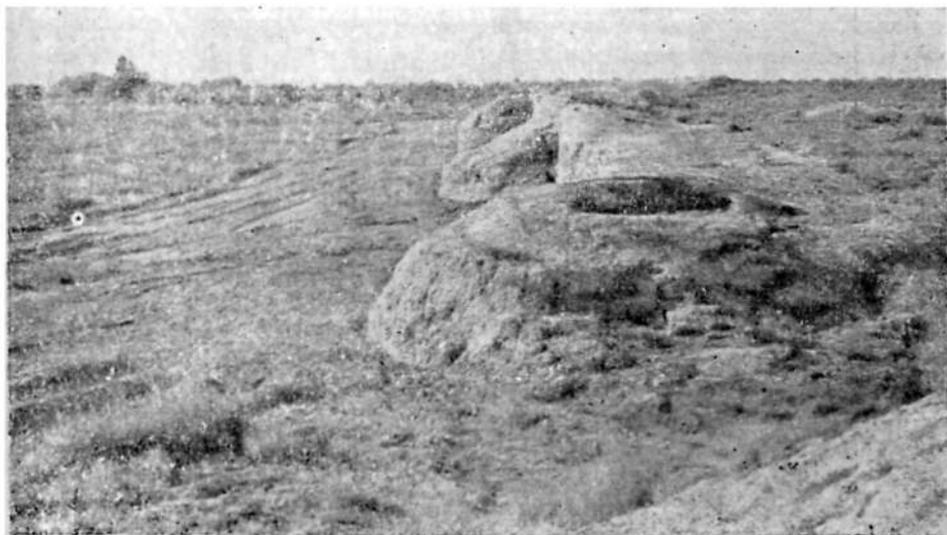

Рис. 1. Зартепа. Крепостные стены и башни. Общий вид

щего третьему периоду. В пору последнего четвертого периода это помещение было забутовано полностью.

В ходе работ в раннем помещении башни № 1 обнаружен богатый археологический материал: чаши, миски, бокалы, покрытые красным ангобом. Примечательна находка глиняных фигурок лошадей и всадников.

В угловой башне № 3 было произведено вскрытие внутрибашенного помещения на уровне второго строительного горизонта. Размеры его около 4,3×2,8 м. Здесь найдены красноангобированные бокалы, головки лошадей, терракотовая модель ступы. Археологический материал в помещениях как башни № 1, так и № 3 полностью относился к кушанской эпохе (рис. 2, 1—23).

Сопоставление материалов крепостной стены Зартепа и стратиграфического шурфа в центре городища говорит о появлении самого поселения и его первого крепостного обвода еще в I в.

до н. э.¹ Крепостные стены существовали, видоизменяясь, на протяжении всей кушанской эпохи вплоть до IV в. н. э. Ведущим строительным материалом крепостных стен была глина, которую использовали для приготовления сырца и пахсы.

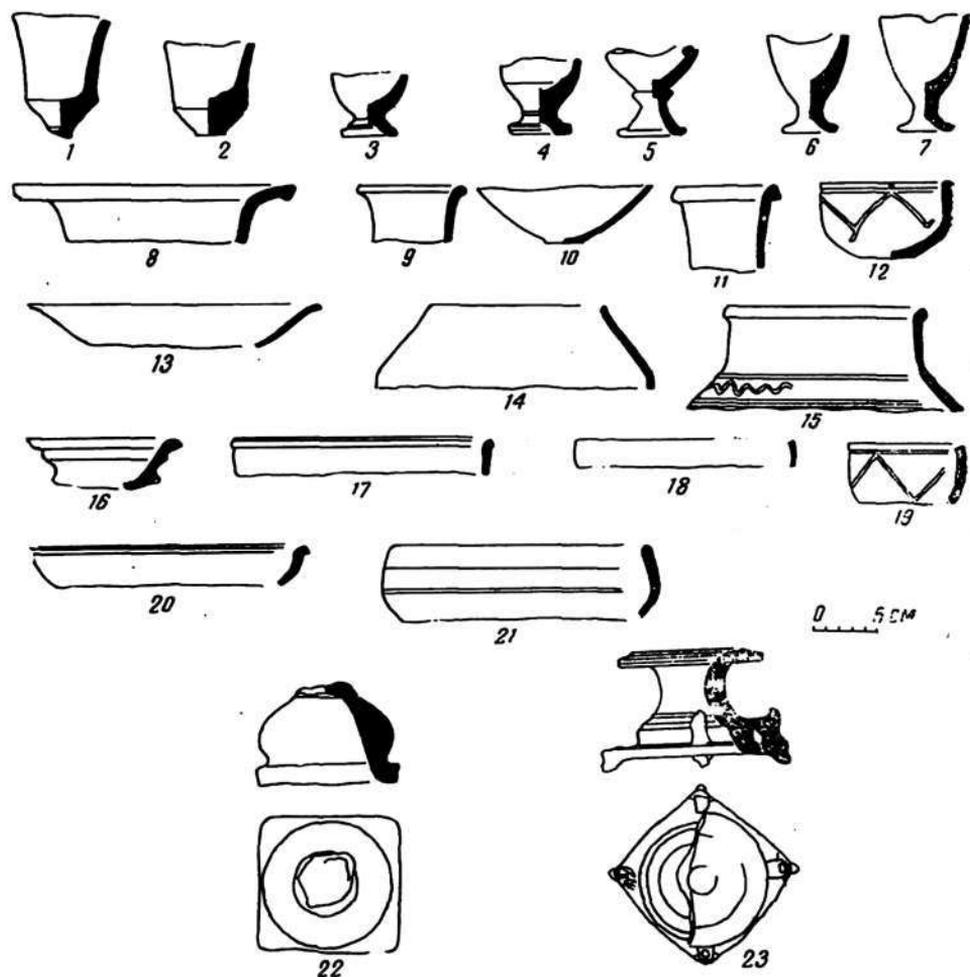

Рис. 2. Керамика Зартега.

В отношении планировки Зартепа представляет интерес как в историко-архитектурном, так и в фортификационно-строительном плане. Планировку, подобную Зартепа, мы встречаем на городищах древней Бактрии, в частности Кей Кобад Шахе², Кух-

¹ Массон В. М. Раскопки кушанских памятников в Северной Бактрии.— В сб.: АО. 1974 г. М., 1975, с. 508.

² Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении Кафирнигана (Кобадан).— В сб.: МИА. Вып. 37. М., 1953, с. 259.

накала³ и Дальверзинтепа⁴, но они в плане не квадратные, а прямоугольные. Зартепа по планировке близко также ряду городищ соседних территорий, в частности Кирктепа, Гяуркала, Чичанликтепа в Маргиане⁵, а также Ангкакала, Базаркала и Кургашинкала⁶. Однако Зартепа несколько и отличалось от них. Бойницы между башнями № 1 и 2, количество которых составляет 10, находятся на одном уровне на расстоянии 3,4 м друг от друга. Они прямоугольны, узки, верх горизонтальный, внутри покрыты штукатуркой. Ширина их 25—30, высота 50—60 см. Большая часть бойниц рассчитана на фланговый обстрел неприятеля. Очень характерно то обстоятельство, что на городище имеются бойницы, расположенные в непосредственной близости от башен. Бойницы городищ Бактрии, Парфии, Согда, Хорезма, Маргианы по форме и устройству аналогичны, но отличаются своим расположением и расстоянием между собой.

На Зартепа четко прослежены конструкции и форма башен, расположенных через четкие интервалы. Одна из важных особенностей фортификации Зартепа — наличие овальных башен, обнаруженных по периметру крепостных стен и явившихся одним из главных компонентов крепостей. Например, для городищ Бактрии расстояние между башнями составляет 16—34, Парфии — 17—40, Хорезма — 11—28 м.

В месте соединения со стенами грань башни идет почти под прямым углом и только через 2 м начинается закругление. Что касается конструктивных особенностей, то башни Зартепа, на наш взгляд, явили собой переход от прямоугольных форм к округлым.

Как полагают некоторые исследователи, башни овальных форм появились позднее кушанского периода⁷, однако вскрытый археологический материал не подтверждает данные предположения.

Итак, исходя из полученных данных, мы можем утверждать наличие не только аналогий в приемах и технике оборонительных сооружений городищ Средней Азии, но и локальных различий.

---

³ Литвинский Б. А., Давидович Е. А. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Вахшской долины (в Ворухе) в 1953 г.— В ж.: ДАН ТаджССР. Вып. II. 1953, с. 54.

⁴ Пугаченкова Г. А. Из недавних открытий в Южном Узбекистане (к проблеме бактрийской культуры).— В сб.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1974 г. М., 1975, с. 419.

⁵ Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма.— В сб.: ТЮТАКЭ. Т. VI. М., 1958, с. 41, 42, 46.

⁶ Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, с. 31, 113, 121.

⁷ Пулатов У. П. Чильхуджра. Душанбе, 1975, с. 167—168.

М. ТУРЕБЕКОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ ГОРОДИЩА КАЛАИ-ЗОХАКИ-МАРОН

В 1977 г. Кашкадарьинский археологический отряд Института археологии АН УзССР с целью исследования древней фортификации продолжил работы на наиболее крупных памятниках Каршинского оазиса, в частности на городище Калаи-Зохаки-Марон. Этот памятник предварительно обследовался в 1946—1948 гг. С. К. Кабановым, в 1965—1966 г.— Кешской археологическо-топографической экспедицией ТашГУ под руководством М. Е. Массона¹. С. К. Кабанов отмечал, что замок с поселением сооружен не позднее I в. до н. э. и использовался до X—XI вв., а поселение у внешней (второй) стены — не позднее III—V вв. н. э. М. Е. Массон считал, что в античную пору территория будущего Калаи-Зохаки-Марон была обжита в какой-то мере — замок с донжоном постепенно расширялся и появилась внешняя стена, что центральная часть городища обжита до IX—XI вв., а все остальное — до VIII в. Однако ни М. Е. Массон, ни С. К. Кабанов широких раскопок не проводили.

Городище расположено в черте г. Карши. Оно представляло собой мощное центральное квадратное сооружение, окруженное тремя рядами стен со рвом. Стены квадратные в плане, ориентированы по странам света. Цитадель, расположенная в центре, имела размеры 60×60 м, высота ее составляла около 15 м. Судя по микрорельефу, цитадель была окружена рвом шириной 10—15 м. Внутренняя (первая) стена на юго-восточном фесе имела с ней перемычку. Видимо, здесь был въезд в цитадель. Внутренняя крепостная стена городища имела по гребню размеры 210×210 м. Высота вала 8—9, ширина по низу 20—30 м. С наружной стороны вал крутой, с тыльной — пологий, что объяснялось, видимо, примыканием к внутренней стороне жилых построек. Вал не имел седловин и не прерывался, что затрудняло определить место ворот. Размеры второй (средней) стены по гребню 400×400 м. Высота вала 8—10, ширина по основанию 30—50 м. Во многих местах стена сильно изрыта. Вал на южном фесе с наружной стороны имел выступ шириной около 100 и длиной

¹ См.: Кабанов С. К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III—VII вв.). Ташкент, 1977, с. 47—49; Массон М. Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен. Ташкент, 1973, с. 20—30.

более 200 м. Здесь находились какие-то помещения. В северо-восточной и юго-западной частях стена была скрыта и сnivelирована в недавнем прошлом. Ныне по рельефу невозможно определить место ворот. Согласно С. К. Кабанову и М. Е. Массону², они были у восточного фаса стены. В промежутке между первой и второй стенами, ближе к первой, располагался ров шириной 30—40 м.

По вопросу существования третьей крепостной стены городища имеются две точки зрения. По С. К. Кабанову, городище было окружено двумя рядами стен, а по М. Е. Массону, одной стеной — третьей грандиозной, имевшей размер 1,5×1,5 км³. Итак, получается, что городище Калаи-Зохак-Марон превышает по площади (225 га) все крупнейшие древние города Согда, в том числе Афрасиаб (219 га), Ер-Курган (150 га) и др.

Мы осмотрели остатки предполагаемой внешней стены городища в местах, указанных М. Е. Массоном, и в двух местах на западном фаса выявили остатки высокого вала общей протяженностью около 50 м. С внешней стороны параллельно валу прослежен ров длиной около 200, шириной 20—30 и глубиной до 1 м. Ров заполнен водой. Вся окружающая площадь застроена современными домами. Расстояние от второй стены до остатков предполагаемой третьей стены более 500 м. Сохранившаяся часть вала совпала со стеной, описанной М. Е. Массоном. На наиболее сохранившейся части вала был заложен поперечный разрез (рис. 1, В).

Кроме того, мы заложили разрезы на первой и второй оборонительных стенах. Археологические материалы были собраны по культурным слоям и кладкам стен. Реперной точкой для первой стены принята вершина цитадели, для второй и третьей — гребень вала. Условные ярусы проводились через каждые 50 см.

На юго-восточном углу внутренней первой стены были произведены раскопки и сделан стратиграфический разрез (см. рис. 1; А). До начала раскопок этот угол стены разрезали по диагонали глубиной до 4 м. Углубив в некоторых местах раскоп от вершины вала до материка (около 8—9 м), мы обнаружили угол крепостной стены.

Материк, состоявший из песчанистого темно-серого грунта, прослежен с внутренней стороны оборонительной стены на уровне начала XXIX—XXX ярусов, а по наружной стороне — в XXXIII—XXXIV ярусах. На нем залегало основание кладки первоначальной стены города, характеризующей первый строительный период. С наружной стороны угловая часть стены была

---

² Кабанов С. К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья, рис. 10, J; Массон М. Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен, рис. 3.

³ Кабанов С. К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья, с. 47—49, 126; Массон М. Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен, с. 23—26.

вскрыта более чем на 21 м, а с внутренней — на 14 м. Угловая часть имела полукруглое очертание. Стена, толщина которой по основанию составляла 10 м, слегка сужалась кверху. Кладка в сохранившейся части была из нескольких рядов паховых блоков высотой 1,1—1,6 м. Первоначальная кладка сохранилась на высоту 6 м. На материке к основанию стены с ее внутренней стороны прилегал слой золы с керамикой и органическими остатками толщиной 10—20 см. Над ней прослеживался наносный грунт и завал стены толщиной 50 см, а затем коричневый утрамбованный грунт (XVI—XXIII ярусы). Все это перекрывалось слоем рыхлой земли с прослойками золы толщиной более 80 см (XXV—XXVI). Над ним залегал слой коричневого грунта с керамикой толщиной 50 см, затем слой рыхлой земли толщиной до 1 м с множеством золистых прослоек (XX — начало XXII ярусов) и мощный слой с прослойками рыхлой земли с примесью угля и керамики толщиной около 1 м. С наружной стороны к основанию стены прилегал слой наносной земли толщиной 80 см, над которой прослеживался слой завала (XXIX—XXXII ярусы).

Второй строительный период характерен сооружением новой стены, внешняя сторона которой была сложена из пахсы, а внутренняя — из пахсы и кирпича размером 48×23×9; 48×25×8; 45×21×8; 50×25×9 см, что было присуще раннесредневековому времени. Основание кладки на наружной стороне расположено на уровне XXVIII яруса, а на внутренней — на уровне конца XVII. Толщина стены 13 м. На внутренней стороне, оштукатуренной тремя слоями глины с примесью самана толщиной 3—4 см, под основанием второй кладки стены залегали культурные наслоения IV—V вв. н. э.

Третий строительный период связан с кирпичной кладкой, выложенной над кладкой второго строительного периода. Высота сохранившейся части кладки около 1, толщина более 3 м. Судя по размерам кирпичей — 41—44×21—25×8—9 см, эта кладка, видимо, возведена в VII—VIII вв. н. э.

С внутренней стороны в 3,5 м от крепостной стены была обнаружена оштукатуренная стена внутреннего помещения толщиной около 1,7 м, сложенная из пахсы. Промежуток между ней и крепостной стеной заполнен культурными наслоениями (XIV — начало XVIII ярусов), а также керамикой V—VIII вв. В 1,5 м от крепостной стены обнаружена еще одна стена толщиной 1 м, прослеживаемая в разрезе северной стены. Видимо, это стены жилых помещений, относящихся к первому или второму строительному периоду. Выше них выложена кладка из сырцовых кирпичей размером 45—50×21—25×8—9 см, свидетельствующим о ее синхронности со II кладкой крепостной стены городища. На

Рис. 1. Разрезы крепостных стен:

1—дерновый слой; 2—твердая земля; 3—завал стены; 4—оплыв; 5—рыхлая земля; 6—зола; 7—наносная земля; 8—кирпичная кладка; 9—пахсовая кладка; 10—уголь; 11—органические остатки; 12—материк; 13—строительные периоды; 14—пол.

внутренней стороне крепостной стены в конце разреза прослежены остатки сооружений X—XII вв. Стены их выложены из сырцовых кирпичей размером 23—25×23—25 см.

На западном фасае второй стены городища, сильно поврежденной еще до раскопок, в 60 м от северо-западного угла был произведен разрез (см. рис. 1, Б). Здесь вскрыты внутренний коридор со сводчатым перекрытием. Разрез углублен до 11,5 м от гребня стены. Основное ядро стены построено на песчанистом темно-сером материке. Стена сложена из пахсовых блоков высотой 1,1—1,6 м. Высота сохранившейся части кладки первого периода 8,5 м. Толщина стены у основания 9,5 м. Стена с наружной и внутренней сторон имела легкий откос.

В самой кладке стены археологического материала не было. Судя по конструкции и приемам кладки, можно заключить, что первая и вторая стена возведены одновременно.

С внутренней стороны в 6 м от крепостной стены были прорезаны стены помещения шириной 2,5 м, расположенные параллельно крепостной стене города. Пол прослежен на уровне начала XVI яруса. Ширина западной стены помещения 1,5 м. Стена сложена из сырцового кирпича зеленовато-илистого цвета размером 40—43×30—37×9—10 см. На полу слой золы толщиной 20—30 см, над которым слой завала стены. Здесь не было обнаружено фрагментов керамики. Судя по расположению помещения и размерам кирпичей, помещение, видимо, было построено между первым и вторым строительными периодами.

Во время второго строительного периода к наружной стороне крепостной стены пристроен второй ряд пахсы толщиной 3 м, лежащий своим основанием на материковом лёссе. I кладка по внутренней стороне также была обложена пахсой толщиной 0,8 м и засыпана грунтом, возможно, с целью выравнивания рельефа и создания фундамента для внутрстенного коридора. Толщина стены с коридором достигала более 15 м по основанию. Нижняя часть стен коридора была сооружена из пахсы, а его своды — из сырцовых прямоугольных и трапециевидных кирпичей размером 47×39×9; 50×37×10; 41×37×10; 43×37×32×9 и 42×37×9 см. Коридор вскрыт на протяжении более 3 м. Ширина его 1,9, высота 2,4, толщина внутренней стены 1,5 м. Верхняя часть коридора не сохранилась. Судя по сохранившимся конструкциям, сооружение было двухэтажным, первый этаж имел сводчатое перекрытие. Пол коридора прослежен на уровне X яруса. Выше него лежал слой рыхлого грунта с многочисленными фрагментами керамики и бронзовой монетой.

Разрез на крепостной (третьей) стене заложили на западном фасае стены. Длина разреза 15, ширина 1,5 м. Выявлено, что стена сооружена на материке, состоявшем из песчанистого грунта (см. рис. В). Основание стены прослеживалось по внешней стороне на уровне VII яруса, а по внутренней — на уровне VI яруса. С наружной стороны верхняя линия материка шла под уклон

вниз. Видимо, под стеной был ров, наполненный водой. Стена сооружена из монолитных пахсовых блоков. Толщина стены по основанию 11, сохранившаяся высота 2,5 м. С внутренней стороны к основанию стены прилегал слой утрамбованной земли, над которым прослеживался уровень древней дневной поверхности. На ней лежал слой завала с внешней стороны.

Основой для датировки кладки всех стен служила керамика, обнаруженная в культурных наслоениях и попавшая в кладку при возведении стены, а также размеры кирпичей. Из кладки первого строительного периода крепостной стены города и описанных наслоений и завала, залегающих у основания кладки стены, был

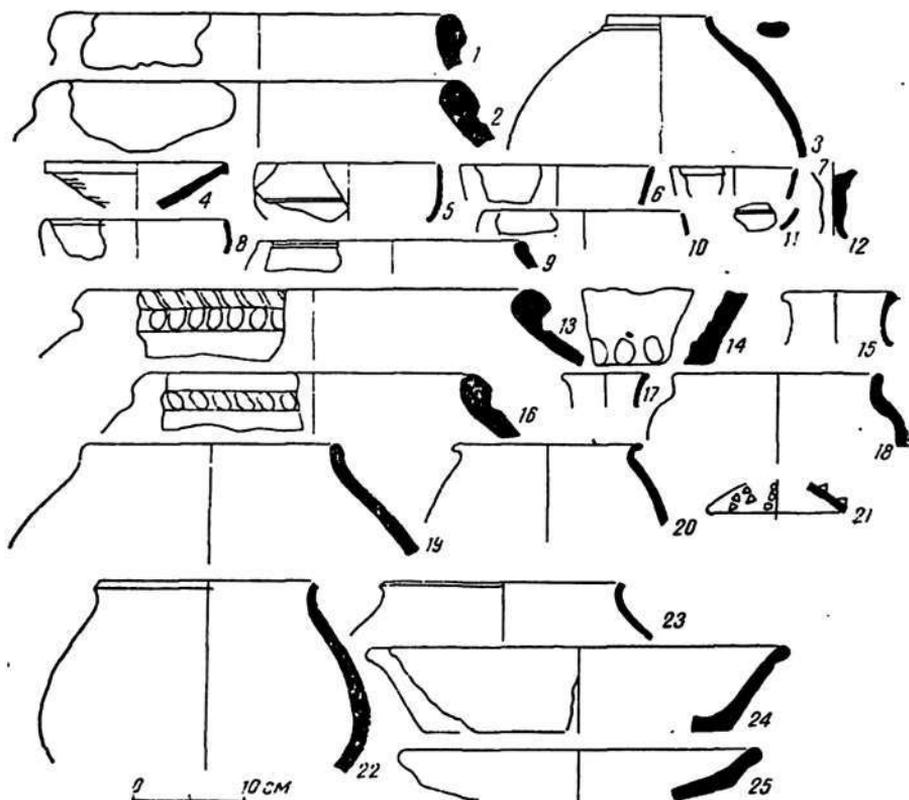

Рис. 2. Керамические изделия

получен комплекс керамики (рис. 2, 1—12), в котором преобладали фрагменты хумов, кувшинов, кубков, чаш и др.

Хумы (2 экз.). Венчики хумов слабо отогнуты наружу. Под ними с внешней стороны проходит ложбина размером с ширину пальца. Сосуды изготовлены лепным способом с применением медленно вращающегося круга. Поверхность небрежно покрыта

красным ангобом. Диаметры хумов в устье 37—38 см. Форма одного из хумов напоминает уплощенный валик (см. рис. 2, 1). Снаружи он покрыт светлым ангобом.

Кувшин. Найден фрагмент кувшина (см. рис. 2, 3), выполненный на быстровращающемся круге. Поверхность покрыта светлым ангобом.

Тарелки. Обнаружено несколько экземпляров (см. рис. 2, 4) во фрагментированном виде. Они имели отогнутый снаружи венчик подтреугольной в разрезе формы, диаметром 16—17 см. Поверхность покрыта светлым ангобом.

Кубки (8 экз.). На четырех кубках (см. рис. 2, 5, 11) стенки резко сужены. Венчики диаметром 16—17 см с заостренным краем слабо отогнуты вовнутрь. Все сосуды изготовлены на быстро вращающемся круге. Поверхность покрыта светлым и светло-желтым ангобом. Три фрагмента (см. рис. 2, 6, 7, 12) с диаметром венчика 16—18 см имели форму вытянутого кубка. Они покрыты светло-красным ангобом.

Чашы. В керамическом комплексе встречены черепки тонкостенных чаш (см. рис. 2, 8, 10) с венчиками, отогнутыми вовнутрь, и диаметром 17—19 см. Они покрыты красным и темно-коричневым ангобом.

Керамические изделия этого комплекса изготовлены из хорошо отмученного теста. Обжиг равномерный, все фрагменты крупных сосудов в изломе с режущим краем.

Венчик котла (см. рис. 2, 9). Поверхность покрыта светлым ангобом. Котел лепной.

Каменные ядра. Их найдено 6 экз. Вес ядер для пращ 100—200 г, диаметр 4—5 см.

Хумы первого строительного периода аналогичны хумам городища Рамиш (III—II вв. до н. э.)⁴. Аналогии кубкам и тарелкам мы находим в Китабе II в. до н. э.⁵, Афрасиабе III—I вв. до н. э.⁶ и Ер-Кургане III—II вв. до н. э.

Для второго строительного периода из первой и второй крепостной стен был получен богатый керамический материал (см. рис. 2, 13—25). Из них более 50% — фрагменты лепных сосудов, остальные изготовлены на гончарном круге.

Хумы. Это сосуды с валикообразными и подтреугольными в разрезе венчиками (см. рис. 2, 13, 14, 16) диаметром 31—42 см. Некоторые отогнуты наружу. Ниже венчика ребристые вмятины, произведенные пальцем.

⁴ Сулейманов Р. Х., Ураков Б. Результаты предварительного исследования античного городища селения Рамиш.— В сб.: ИМКУ. Вып. 13. Ташкент, 1977, с. 58—59.

⁵ Крашенникова Н. И. Два комплекса керамики II—I вв. до н. э. из нижних слоев Китаба.— В кн.: Сборник научных трудов ТашГУ. Вып. 33. Археология Средней Азии. Ташкент, 1977, рис. 21, 1.

⁶ Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб.— В сб.: Афрасиаб. Вып. II. Ташкент, 1973, рис. 6, 8; 7, 1, 25; 4, 20; 12, 2, 27; 13, 1.

Кувшины. Найдены фрагменты широкогорлых (10—12 см) и узкогорлых (6—8 см) кувшинов (см. рис. 2, 15, 17) с венчиками валикообразными, покрыты они светлым, коричневым и желтым ангобом.

Котлы, кувшины, тазики, курильница. Это своеобразная группа лепных сосудов (см. рис. 2, 16—25). Котлы с полусферическим, приземистым и шаровидным туловом, с отогнутыми кнаружи венчиками с плавно поднимающимся округлым краем. У некоторых сосудов плечики покатые, поверхность неровная. Тесто с примесью шамота. Покрыты котлы светлым и светло-розоватым ангобом.

Тазики толстостенные, диаметр их 38—40 см. Фрагменты вазообразной курильницы обрамлены налепами.

Данный керамический комплекс, исходя из аналогии с материалом городища Ер-Курган, руин здания кушанского времени близ Карши⁷ и Каунчи II⁸, можно датировать V—VI вв. н. э. Монета, найденная на полу коридора второго строительного периода, относится к серии «нахшебских» и датируется V—VI вв.⁹

Итак, можно полагать, что все три стены городища Калаи-Зохаки-Марон возведены где-то во II в. до н. э. В V в. н. э. они были фундаментально реконструированы. Второй период отмечен лишь на первой и второй стенах. Само городище между первым и вторым строительными периодами функционировало как крупный город, а после IV—V вв. как крепость. Цитадель городища являлась последней четвертой линией обороны. Внутростенный коридор был только на второй стене второго периода.

В отличие от других среднеазиатских городов Калаи-Зохаки-Марон имел квадратную 4-линейную оборонительную систему. При сопоставлении фортификационных элементов этого городища с другими древними городами Средней Азии и Ближнего Востока не обнаруживается аналогий. Близкая планировка отмечалась на городище Шахривайране Бухарского оазиса¹⁰ и Джанбаскала¹¹.

Итак, можно полагать, что городище Калаи-Зохаки-Марон возникло во II в. до н. э. Возможно, оно было возведено скифскими племенами, разрушившими Греко-бактрийское государство.

---

⁷ Кабанов С. К. Руины здания времени кушан близ Карши.— В сб.: ИМКУ. Вып. 10. Ташкент, 1973, рис. 1, 3, 5, 10, 11, 13; 2, 11; 3, 9.

⁸ Левина Л. И. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. М., 1971, рис. 59, 184.

⁹ Кабанов С. К. Нахшебские монеты V—VI вв.— В ж.: ВДИ, 1973, № 3, с. 137—144.

¹⁰ Якубовский А. Ю. Археологическая экспедиция в Зарафшанскую долину в 1934 г.— В сб.: Труды отдела истории, культуры и искусства Востока Эрмитажа. Т. II. М.—Л., 1940, с. 116.

¹¹ Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, рис. 29, 29а.

К. АБДУЛЛАЕВ

ДВА ФРАГМЕНТА ЛЮСТРОВОЙ КЕРАМИКИ ИЗ БУХАРЫ

В 1977 г. при закладке шурфа близ медресе Мир-и-Араб в Бухаре был собран богатый археологический материал, позволивший проследить историю древнего города от раннего средневековья до начала XX в. Уникальной находкой явились два фрагмента керамических изделий с люстровой росписью.

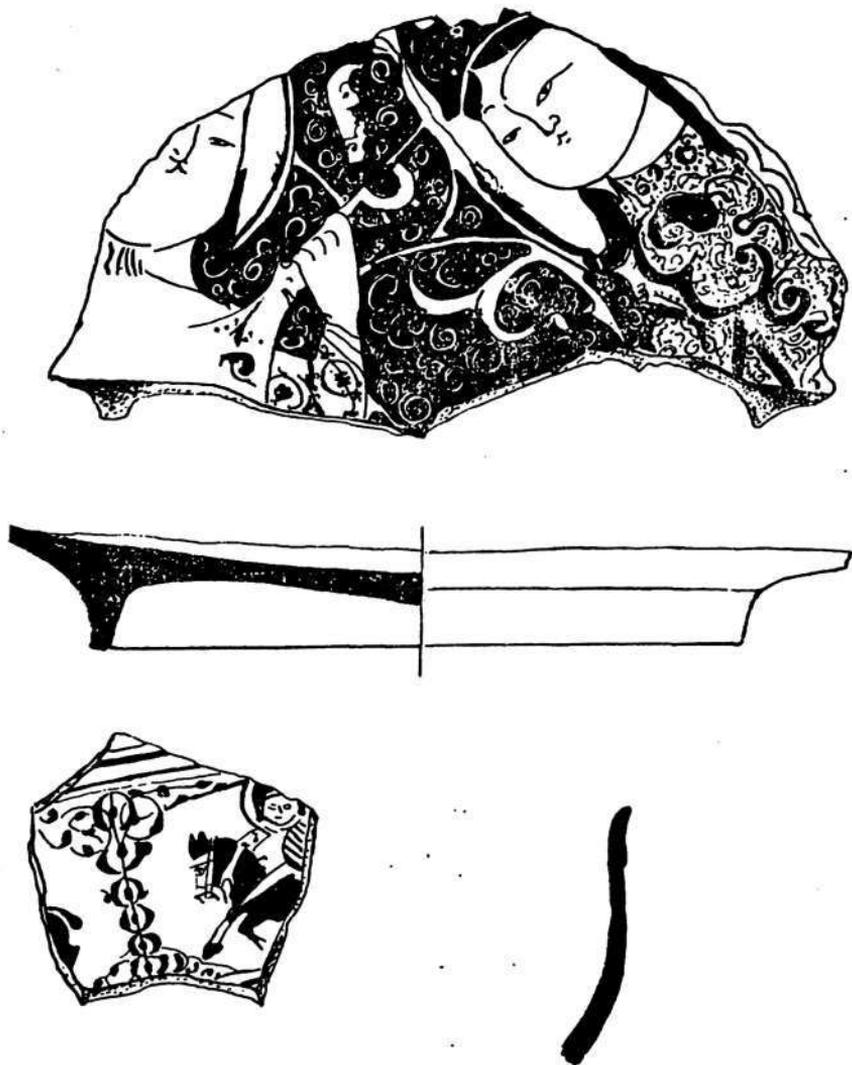
Первый фрагмент представляет собой донце керамической тарелки с кольцевидным поддоном диаметром 12 см. С внешней стороны по краю кольцевидного поддона и его внутренней части фрагмент покрыт глазурью кремового цвета. Ближе к центру пятно темно-коричневого цвета с легким фиолетовым отливом; фактура плотная, хорошо отмученная. В изломе черепок бело-розового цвета, с равномерным качественным обжигом.

Особый интерес представляет роспись люстром внутренней поверхности фрагмента. В круге донца тарелки — искусно построенная композиция, полная лиричности и поэзии (рисунок).

Художник изобразил юношу, игравшего на струнном инструменте наподобие уда, и молодую девушку, склонившуюся в сторону музыканта. Круглый овал лица обрисован скупыми тонкими линиями, узкий разрез глаз, дуги бровей, сходящиеся у переносицы, продолжают линию носа с горбинкой. Очертания рта даны тупым углом к носу. Голова музыканта окружена нимбом, выделяющим ее из золотисто-зеленоватого орнаментального фона. В левой руке юноши, согнутой в локте, гриф инструмента, четыре пальца, как бы взявшие аккорд, покоятся на ладах, а пятый большой палец, скрытый от зрителя, упирается в спинку грифа. С внешней стороны вокруг этой детали выведены три белых пятна, напоминающие колки. Корпус инструмента имеет каплевидную форму. Запястье левой руки, зажимающей лад, перехвачено тремя линиями, ниже которых следует насыщенный четкий орнамент ткани платья. К сожалению, фрагментарность не позволяет видеть целостную композицию, видна лишь верхняя левая часть фигуры; о правой руке, перебирающей струны, можно лишь догадываться.

Характерные черты второй фигуры говорят о том, что перед нами юная девушка: широкий разлет бровей, обозначенных чегкими изящными линиями, прямая линия носа, идущая от переноси-

сицы, удлиненный миндалевидный разрез глаз. Впечатление дегской припухлости губ достигается художником едва уловимым штрихом. Прямой пробор делит темные волосы девушки на две равные части. Две косы, ниспадающие на плечи, теряются в за-

Два фрагмента люстровой керамики

тейливым орнаменте, украшающем ее одежду. Головной убор четко вырисовывается на белом фоне нимба, окружающего голову.

Хотя мастер не отходит от традиционного стиля, и созданные им образы юноши и девушки носят канонизированный характер, роспись не лишена своеобразной прелести и обаяния.

Грустный взгляд девушки падает мимо зрителя вниз. Ее поза, несколько скованная, в то же время полна изящества и грации. Чуть склонившись к музыканту, она застыла в печальной задумчивости, точно внимая своим сокровенным мыслям, навеянными гармоничными звуками.

Второй фрагмент представляет собой часть бортика чаши. Чуть пониже венчика идут параллельные горизонтальные линии, образуя орнаментальный пояс. В медальон, выписанный стилизованным растительным орнаментом в виде ягодок, изогнутых лепестков, нанизанных на тонкие вертикальные линии, схематически отделяющих один медальон от другого, включена фигура скачущего коня с всадником. Голова коня мастерски передана несколькими штрихами. Передние ноги даны в положении бега галопом. Лаконично вычерчены голова и торс всадника.

На другом медальоне видна лишь часть крупа и хвост коня. Можно предположить, что фигура скачущего всадника повторяется по всему орнаментальному поясу, образуя картину чередующегося бега всадников.

Наиболее близкие аналогии нашим фрагментам по сюжету росписи, техническому исполнению, орнаментальному фону дают люстровые сосуды из городища Орен-Кала АзербССР. Фаянсы, расписанные люстром из Орен-Кала, классифицируются по ряду признаков как изделия иранских мастеров Рея и Кашана и датируются последней четвертью XII в.—первой четвертью XIII в.¹

Тождественность орнаментации из закругленных лепестков, ягодок и усиков, художественный стиль в передаче фигуры всадника и скачущего коня, характерный фон, заполненный белыми спиралевидными витками, выполненными техникой резерва, а также фактура материала — светлый с розоватостью черепок, тонкая профилировка, позволяют отнести фрагменты с люстровой росписью, найденные в Бухаре, к иранскому началу.

Характерными признаками иранской фаянсовой посуды обладают и несколько более мелких фрагментов венчиков чаш. По краю венчиков проходит полоса коричневатого люстра, на которой резервом выведены стилизованные нечитаемые надписи. Слой, в котором были найдены фрагменты с люстровой росписью, датируется керамикой XII—XIII вв. Аналогичные фаянсовые изделия из Орен-Кала относятся к концу XII — началу XIII вв., т. е. примерно к тому же времени, характеризующемуся расцветом производства изделий с люстровой росписью, которые распространились до Азербайджана на севере и до Египта и Испании — на юге и западе². Фрагменты с люстровой росписью, найденные в Бухаре, расширили эти границы.

¹ Шелковников Б. А. Фаянсы, расписанные люстром по белой непрозрачной глазури из Орен-Кала. — В сб.: Труды Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции. Т. I. М.—Л., 1959, с. 308.

² Кверфельдт Э. К. Керамика Ближнего Востока. Л., 1947, с. 55.

Р. АБДИРИМОВ

К ИЗУЧЕНИЮ ПАМЯТНИКА АКСАЧТЕПА

Бухарский археологический отряд Института археологии АН УзССР под руководством А. Р. Мухамеджанова в весеннем полевом сезоне 1977 г. основное внимание уделил составлению свода археологических памятников Кызылтепинского района Бухарской области и проведению на некоторых из них раскопочных работ. Наибольший интерес вызвал памятник Аксачтепа (рис. 1), предполагаемый нами пограничной крепостью и отмеченный в 1934—1935 гг. В. А. Шишкиным¹. В плане он неправильной формы (длина северной стены 105, восточной 136, южной 134 и западной 121 м) с одной полукруглой башней в каждом углу и по две в каждой стене, кроме западной. Расстояние между башнями различно: между башнями № 1 и 2 — 20 м, № 2 и 3, 3 и 4, 4 и 5, 5 и 6 — 37—38 м; № 6 и 7 — 50 м; № 7 и 8 — 47 м; № 8 и 9 — 45 м; № 9 и 10 — 30 м. Полностью разрушены две башни — угловая юго-западная (№ 10) и южная (№ 9). Диаметр основания башен колеблется от 3,5 до 6,5 м. В западной стене сохранилась наиболее поздняя стена с зубцами. Мощность стен в верхней части 6—10 м. Внутренняя часть памятника в настоящее время понижена. В юго-восточном углу находится цитадель высотой 11 м. В 800 м к востоку от тепа проходят остатки Кампирдувала шириной 20 м (с оплывами высотой 0,7—0,8 м).

С целью выяснения стратиграфии памятника мы заложили два шурфа: № 1 площадью 6×2 м и глубиной 5 м. в юго-восточном углу недалеко от цитадели и № 2 размером 6×2 м — в центральной части тепа в 25 м от северной стены на глубину 5 м. Керамический материал из шурфа № 1 собран по культурным слоям. Реперная точка принята от края шурфа. Через каждые 50 см были проведены ярусы и вскрыты три слоя, из которых самый нижний (X—VIII ярусы) темно-серого цвета с включением гальки и песка. В результате закладки шурфа № 2 были также выделены три слоя, из которых самый нижний розово-красного цвета (X—VIII ярусы) отличался грунтом и малочисленностью керамического материала. В конце этого слоя (конец X яруса) были встречены куски гипса. Обнаруженные находки из двух

¹ Шишкин В. А. Варахша. М., 1963, с. 16.

щурфов очень близки по типологии. В зависимости от этого мы весь археологический материал подразделяем на четыре типа: чаши, кувшины, котлы и хумы.

Чаши тонкостенные, плоскодонные, вогнутые внутрь, красноангобированные, с лощением и подтреугольным в сечении венчи-

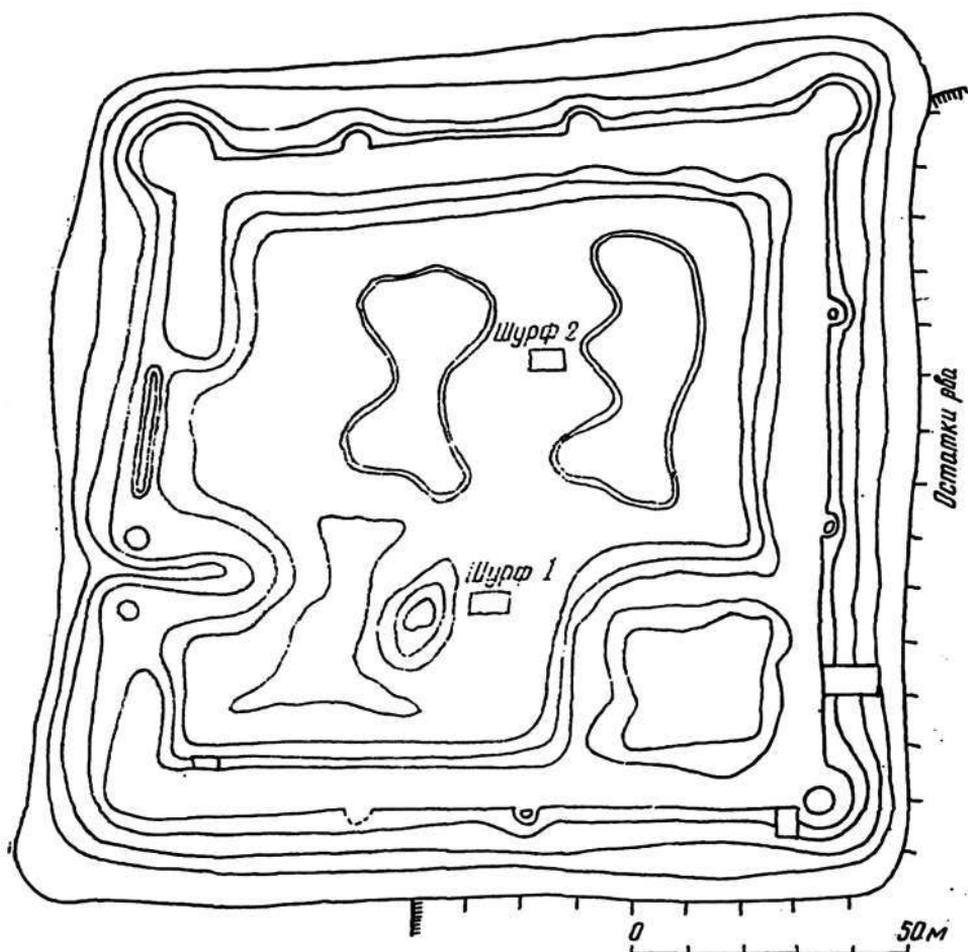

Рис. 1. Схематический план Аксачтепа

ком. Встречались чаши высотой 4—8 см, покрытые черным ангобом с внешней стороны у венчика, диаметром 4—12 см, а также чаши с прямым венчиком, покрытым красным ангобом, с ровным обжигом, хорошей отмучкой, диаметром 8—14 см.

На стенках кувшинов — темные потеки по венчику, они покрыты черным ангобом. Иногда на некоторых кувшинах венчик был

сложнопрофилированным в виде параллельных валиков с внешней стороны. Диаметр венчика кувшинов колебался от 8 до 12 см. В слое 2 (VII—IV ярусы) шурфа № 1 была вскрыта земля темно-коричневого цвета с горелой глиной, прослежены сырцовые стены очень плохой сохранности. В слое 2 (VII—IV ярусы) шурфа № 2 обнаружена зола, мелкие угольки и перегнившие стебли, шлаки, фрагменты керамики и кости животных и птиц. Кувшины или горшкообразные сосуды этого слоя покрыты светлым ангобом. Диаметр их венчика отличался от предыдущих сосудов и колебался от 8 до 18 см. Венчики несколько отогнуты наружу и, начиная с горловины, расширялись по тулову. Кроме того, мы обнаружили несколько фрагментов венчиков от котлов, в изломе темно-коричневого цвета с добавлением гальки, обжиг не качественный. Венчик сосудов резко отогнут наружу. Начиная с горловины, он слегка расширялся по тулову.

В слое 3 (I ярус) шурфа № 1 в 30 см от дневной поверхности обнаружена стена из сырцового кирпича размером 30—32×19—21×9—11 см. В западной части шурфа был вскрыт рыхлый слой земли серого цвета. На глубине 90 см по всему шурфу проходила линия коричнево-зеленого цвета толщиной в 5 см. В слое 3 шурфа № 2 верхние ярусы насыщены обломками крупных сосудов, хумов и силикатными шлаками. В середине слоя встречались сырцовые кирпичи с мелким щебнем размером 40×22×10 и 35×20×10 см. В основном характерны лепные толстостенные хумы с отогнутыми наружу венчиками светло-серого цвета. На некоторых хумах от венчика по тулову красные потеки. Встречались сосуды со слабо отогнутыми наружу венчиками, украшенными при переходе к плечу фестонами. Другая группа венчиков покрыта желтоватым ангобом и красными потеками. На некоторых хумах под венчиком отпечатки пальцев. Диаметр венчика хумов 28—50 см. Хумы в основном встречались в 3-й части во 2-ом слоях шурфов. В слое 3 шурфа № 3 на глубине 22 см от дневной поверхности был обнаружен хум, лежащий

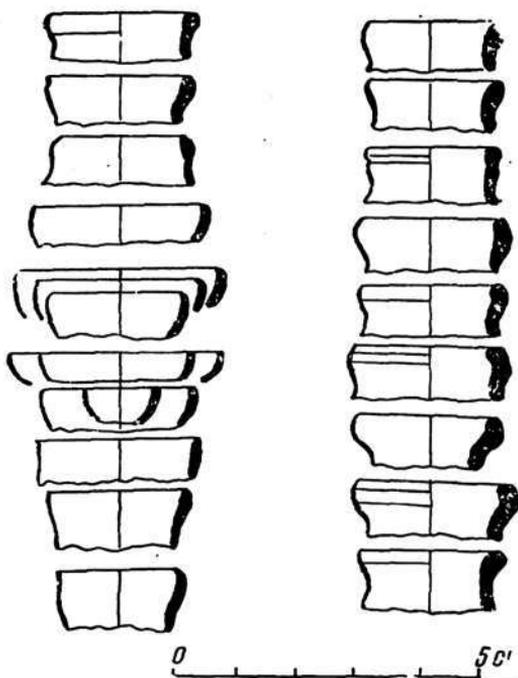

Рис. 2. Керамика нижнего слоя

вверх дном. Донце не сохранилось, диаметр венчика 32 см. Сосуд лепной, тесто красноватое, обжиг неравномерный. По светлому ангобу от венчика к тулову красные потеки. Венчик слабо отогнут наружу, при переходе к плечу украшен фестоном.

Керамический материал с 1-ого слоя шурфов находит аналогию из слоя Рамиш-5, который датируется IV—V вв.², Большого Кыз-

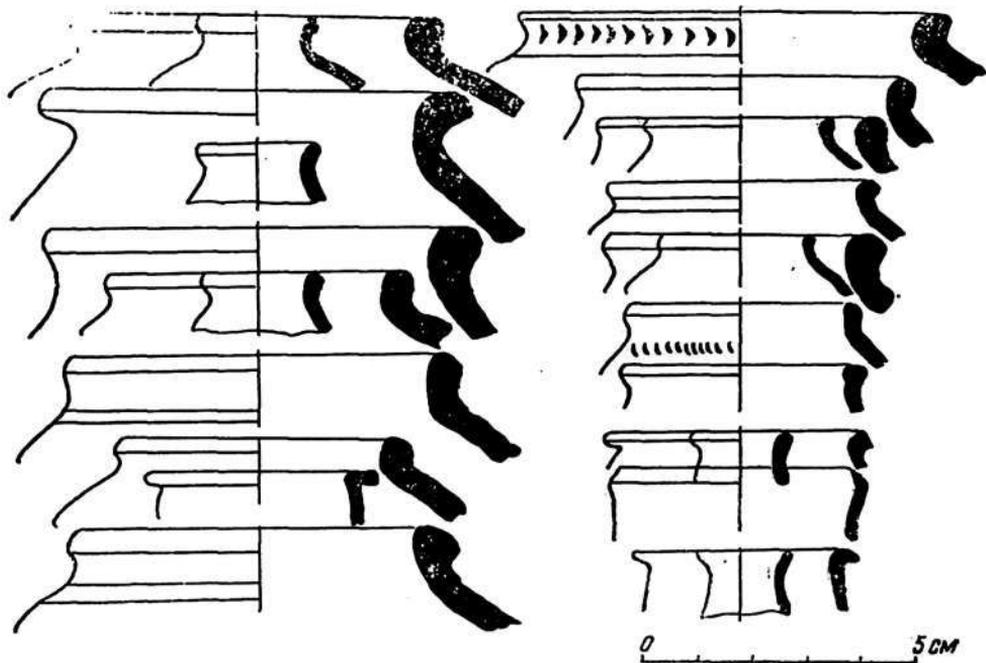

Рис. 3. Керамика верхних слоев V—VI вв.

тепа в Южном Согде³, Кызылкара-1 и Сеталака-1⁴, а со 2-го слоя — из слоя на Афрасиабе, который датируется V—VII вв.⁵, Рамиш-5⁶. Верхние слои, а также часть 2-го слоя имеют широкую

² Сулейманов Р. Х., Ураков Б. Результаты предварительного исследования античного городища селения Рамиш.— В сб.: ИМКУ. Вып. 13. Ташкент, с. 55.

³ Кабанов С. К. Археологические данные к этнической истории Южного Согда в III—VI вв.— В ж.: СА, 1963, № 1, с. 221, рис. 1, 2, 12, 14, 15.

⁴ Ураков Б. Керамические комплексы позднеантичных памятников Кызылқыр-1, Сеталак-1.— В сб.: ИМКУ. Вып. 12. Ташкент, 1975, с. 92, рис. 1, 8, 12.

⁵ Брусенко Л. Г. Остатки монументального здания I в. н. э. на Афрасиабе.— В сб.: Афрасиаб. Вып. 2. Ташкент, 1973, с. 106, табл. 2, 13—16.

⁶ Там же, с. 55—64.

аналогию с керамикой из нижних слоев Пирматбабатепы близ Қарши⁷, с Қоштепа Самаркандской области⁸ (рис. 2, 3).

Итак, керамический материал слоя 1 следует отнести к IV — началу V вв. н. э., слоя 2 — к V—VI вв., а слоя 3 — к VI—VII вв. Следовательно, весь керамический комплекс датируется IV—VII вв.

По сохранившимся некоторым сооружениям (наружная стена с зубцами из мелких сырцовых кирпичей, развалины мечети XIX в.) можно утверждать, что в конце XVIII — начале XIX вв. жизнь на городище возобновилась — оно стало функционировать как укрепленное пограничное поселение Бухарского оазиса — и продолжалась до начала XX в.

---

⁷ Кабанов С. К. Руины здания кушан близ Қарши.— В сб.: ИМКУ. Вып. 10. Ташкент, 1973, с. 32, рис. 2 (комплекс I, 96, II).

⁸ Исхаков М. М., Ташходжаев Ш. С., Ходжайов Т. К. Раскопки Қоштепа.— В сб.: ИМКУ. Вып. 13. Ташкент, 1977, с. 86, рис. 3.

Э. РТВЕЛАДЗЕ, М. ИСХАКОВ

ДВА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЧАГАНИАНСКИХ СЕЛЕНИЯ

По поводу локализации упомянутых в письменных источниках средневековых городов и селений Чаганиана существует ряд предположений, хотя нельзя сказать, что данный вопрос решен достаточно точно. Связано это с тем, что в археологическом отношении средневековый Чаганиан до недавнего времени был фактически неизвестным. Отождествления проводились без учета конкретных археолого-топографических данных¹. Впервые попытку увязать сведения письменных источников с археологическими наблюдениями предпринял М. М. Дьяконов², а затем Г. А. Пугаченкова. Проводимое Узбекистанской искусствоведческой экспедицией сплошное обследование Сурхандарьинской области с фиксацией памятников различных эпох позволяет более конкретно установить местоположение ряда селений и городов, что имеет немаловажное значение для исторической топографии Чаганиана в пору развитого средневековья. Уже точно локализованы два чаганианских пункта: одноименная столица области, сопоставленная с городищем Бедрач³, и крупное селение Навандак на месте городища Кафиркала или Навандактепа у Узуна⁴. Попытаемся уточнить местонахождение еще двух селений — Дерзенги и Баранги.

В. В. Бартольд, сопоставив сведения письменных источников, в частности аль-Мукаддаси, и географических данных, полагал, что Дерзенги находился неподалеку от впадения оврага Кок-Джар (Бандыхан-сай) в Сурхандарью⁵. Впервые это селение под названием Дарзанджи упомянуто в дорожнике Ибн-Хордадбега

¹ Tomaschek W. Zentralasiatische Studien I. Sogdiana, Wien, 1877, s. 39—42; Margvart J. Eransahr, Berlin, 1901, s. 235—236; Strange G. de. The lands of the Eastern Caliphate. Cambridge, 1930, p. 440. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Избр. соч. Т. I. М., 1963, с. 123.

² Дьяконов М. Работы Кафирниганского отряда.— В сб.: МИА. Вып. 15. М.—Л., 1950, с. 180—181, 184—185; Пугаченкова Г. А. К исторической географии Чаганиана.— В сб.: Труды САГУ. Вып. 200. Археология Средней Азии, VI. Ташкент, 1963, с. 58—63; Она же. Халчаян. Ташкент, 1965, с. 14—26.

³ Пугаченкова Г. А. К исторической географии Чаганиана, с. 58—63.

⁴ Ртвеладзе Э. В. Обнаружение средневекового селения Навандак в области Саганиан.— В сб.: ИМКУ. Вып. 14. Ташкент, 1978.

⁵ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, с. 124.

и Кудама, по чьим сведениям оно находилось в 6 фарсах от Сармангана или Чармангана. Большинство исследователей относили Сарманган к району Джар-Кургана⁶. Эта локализация, на наш взгляд, наиболее верна, поскольку в результате исследований, проведенных нами, остатки крупного средневекового поселения были выявлены только в районе Джар-Кургана.

По данным Истахри и Ибн Хаукаля, Сарманган находился от Термеза также в шести фарсах⁷. Таким образом, общее расстояние от Термеза до Дерзенги составляло 12 фарсахов или два дневных перехода.

Наиболее подробные сведения о Дерзенги приведены ал-Мукаддаси, который характеризует его как большое и многолюдное селение, где имелась соборная мечеть, расположенная посредине базара. Большинство жителей были суконщики, изготавливавшие верхнюю одежду.

Рядом с селением, помимо Сурхана, протекала еще одна река⁸. Таким образом, для определения местоположения Дерзенги имеются указания на расстояние от Термеза и Сармангана и географический ориентир — река, впадающая в Сурхан рядом с селением.

Как установлено нашими исследованиями, фарсах для Чаганиана был равен 5 км. Следовательно, Дерзенги находилось от Термеза в 60 км, а от Сармангана (Джар-Кургана) в 30 км. В этом районе в Сурхан впадает только одна река — Бандыхансай, второй приток Ак-Джарсай находится уже в 80 км от Термеза.

При обследовании территории в месте впадения Бандыхансая в Сурхандарью у кишлака Джелаир в 62 км от Термеза выявлены остатки крупного средневекового поселения, которое по археологическим данным и согласно расстояниям, приведенным в письменных источниках, может быть отождествлено с Дерзенги. Оно расположено на первой надпойменной террасе правого берега Сурхандарьи в 1,5 км к юго-востоку от позднесредневекового моста, известного под названием «мост Александра Македонского». В настоящее время большая часть поселения разрушена. Лишь в некоторых местах, особенно в юго-восточной части, сохранились небольшие остатки бывшего микрорельефа. Тем не менее, основываясь на распространении керамических и других находок, можно заключить, что поселение занимало большую площадь. Судя по подъемной керамике, основной период его обживания падает на X—XII вв., изредка встречается раннесред-

⁶ Там же; Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 178—179, рис. 79.

⁷ *Bibliotheca geographorum arabicorum* (далее: BGA) edidit M. J. De Goeie I. *Viae ignotum...* auctore Abu Ishak al-Fars, al-Istakhri, 1870, p. 339—340.

⁸ BGA, III. *Descriptio imperii moslemici* auctore Al-Mokaddasi, 1877, p. 283—284.

невековая керамика и исключительно редко позднесредневековая. Найдены также фрагменты саманидского фельса второй половины X в. и караханидская монета Ибрахима б. Хусайна (1178—1179 — до рубежа XII—XIII вв.). В письменных источниках Дерзенги упоминается с IX по XI в., причем в последний раз в связи с событиями 1035 г., когда войска караханида Али-Тегина, разграбив Чаганиан, прорвались через Дерзенги к Термезу⁹.

Подтверждением сведений ал-Мукаддаси о том, что основным занятием жителей Дерзенги было ткачество, являются многочисленные находки пряслиц. Примечательно, что этот промысел был здесь традиционным, так как на расположенном неподалеку кушанском поселении Бараттепа за небольшой период раскопок и сборов найдено более ста аналогичных предметов.

По данным Ибн-Хордадбега и Кудама, другое селение — Баранги находилось между Дерзенги и Чаганианом, в семи фарсах от первого и в пяти от второго¹⁰. Б. Н. Кастальский помещал его на месте Джалтытепа между кишлаками Культепа и Алатемир¹¹. Однако наши исследования показали, что на Джалтытепа отсутствует слой развитого средневековья и, так как оно датируется в пределах I—VIII в. н. э., его нельзя сопоставлять с Баранги¹². Для установления местоположения этого селения большое значение имеет локализация Дерзенги и Чаганиана, которую в настоящее время можно считать достаточно точной. Баранги находилось в 7 фарсах от Дерзенги и в 19 от Термеза, что составит 35 км от первого и 95 км от второго пункта. От Чаганиана, которому соответствует городище Бедрач, расположенное в 120 км от Термеза, до Баранги пять фарсах — 25 км, то есть, если от 120 км отнять 25 км, получится то же расстояние — 95 км от Термеза. Допустив небольшие колебания в ту или иную сторону, можно считать, что Баранги находилось в пределах 95—100 км от Термеза.

Тщательное обследование территории правобережья Сурхана в этих пределах показало, что здесь имеются остатки лишь одного большого средневекового поселения — Гормалитепа. Оно находится на правом берегу Сурхандарьи в 2 км к юго-западу от известного кушанского городища Дальверзинтепа и в 98 км от Термеза (рис. 1).

Сейчас большая часть поселения распахана под хлопковые поля и четких границ его выявить не удалось. Сохранилось прямоугольное в плане (80×60 м) плоское тепа высотой до 3 м, во-

⁹ Байхакн Абу-л-Фазл. *История Мас'уда*. Перевод А. К. Арендса. Изд. 2-е. М., 1969, с. 570.

¹⁰ BGA, VI, Ibn-Khordadhbek, p. 33, Kodāma ibn-Djāfar, p. 21 (1).

¹¹ Кастальский Б. Н. Историко-географический обзор Сурханской и Шерабадской долин. — В сб.: Вестник ирригации. Т. 2. Ташкент, 1930, с. 78.

¹² Ртвеладзе Э. В. Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана. — В сб.: Древняя Бактрия. Л., 1974, с. 81.

круг которого на расстоянии до нескольких сот метров встречаются керамика, жженный кирпич и т. д. В 20 м к востоку от тепа выявлена керамическая двухъярусная печь. Она состоит из топочной и обжигательной камер. В плане прямоугольная, общими размерами $3,16 \times 2,65$ см при сохранившейся высоте 170 см от дна печи до дневной поверхности. В основании обжигательной камеры, выложенной из жженных кирпичей размером $25 \times 13 \times 4,5$ и $26 \times 13 \times 4,5$ см, имеется по шесть продухов шириной от 20 до 30 и длиной 60—62 см, расположенных вдоль юго-западной и северо-восточной стен. Выступы-лопатки толщиной 28 см выложены из жженого кирпича аналогичного размера. Свод камеры почти до основания срезан ножом бульдозера. Устье топочной камеры на высоту в пять кирпичей заложено шестигранным жженным кирпичом размером $14 \times 18 \times 16 \times 16 \times 17$ и $16 \times 18 \times 18 \times 14 \times 14 \times 18$ см при толщине 4—4,2 см.

Вскрытая керамическая печь по ряду планировочных особенностей аналогична некоторым печам Афраснаба и Мерва X—XII вв., но в отличие от них у нее более правильное, строго вертикальное членение продухов¹³ (рис. 2, 1—4).

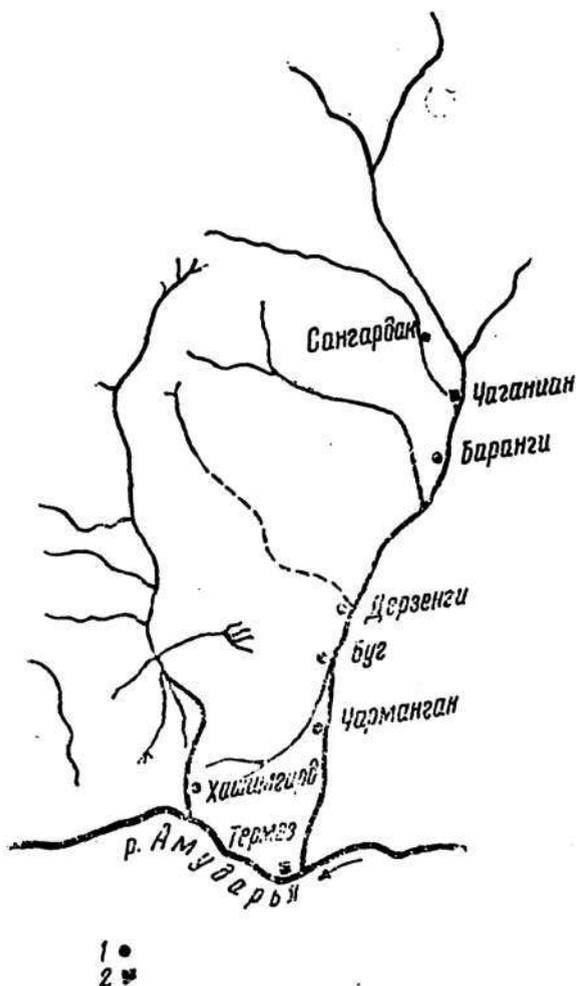

Рис. 1. Схема расположения средневековых поселений (1) и городищ Чаганиана (2)

¹³ Лунина С. Б. Техническое устройство гончарных печей средневекового Мерва.— В сб.: Труды ЮТАКЭ. Т. VIII. Ашхабад, 1958, с. 349—355. Она же. Гончарное производство в Мерве X—начала XIII вв.— В сб.: Труды ЮТАКЭ. Т. XI. Ашхабад, 1962, с. 219—221; Она же. Эволюция техники гончарного производства в средневековом Мерве.— В сб.: Труды ЮТАКЭ. Т. XV. Ашхабад, 1974, с. 266, 267.

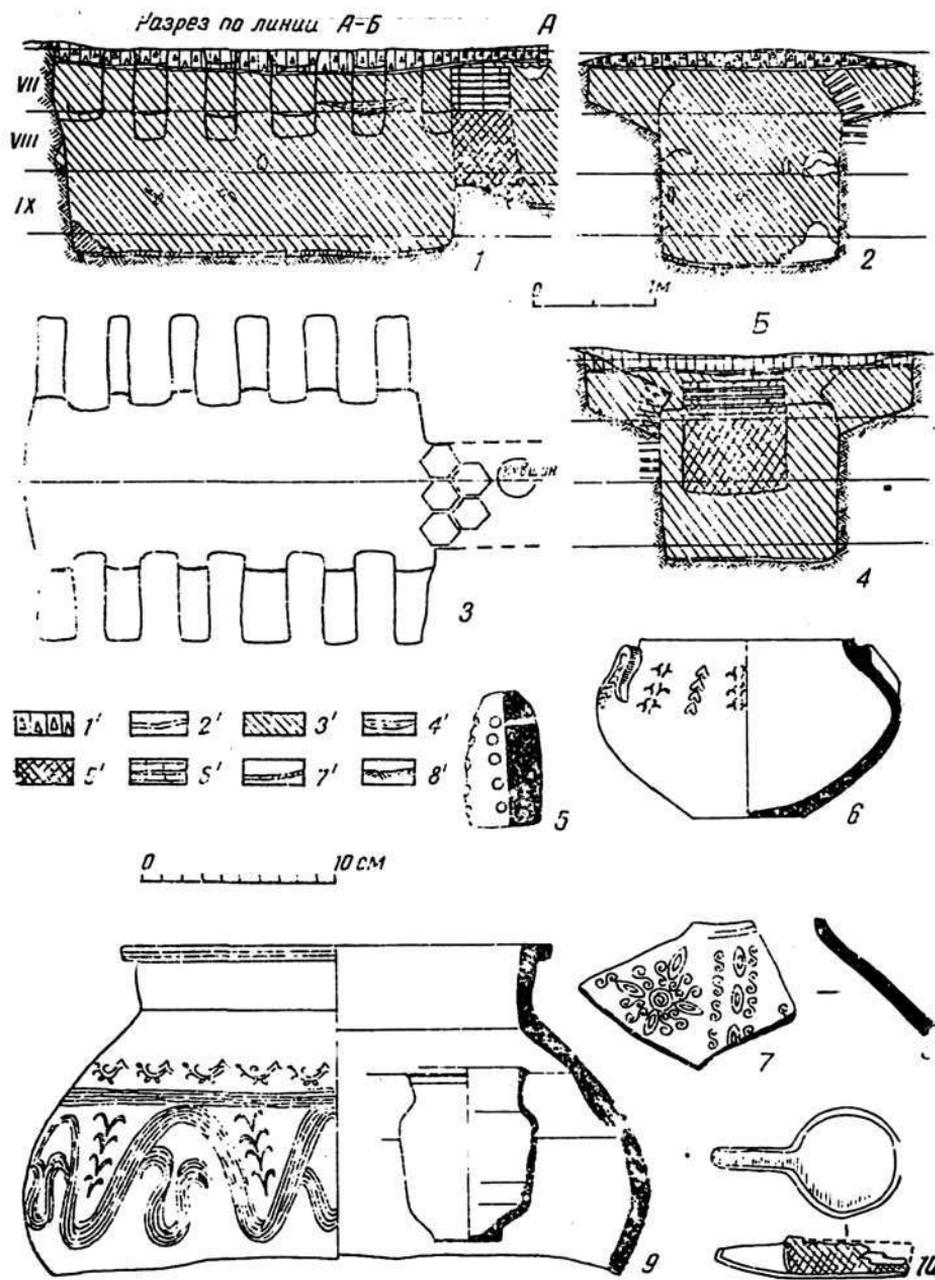
Глазурованная керамика представлена большим количеством фрагментов и несколькими археологически целыми сосудами типа касы и пиала на кольцевом поддоне (рис. 3, 2, 3, 7, 8), различных по форме, размерам и орнаменту. Основные размеры: диаметр по венчику 22—31, высота 8—10 см. Орнамент эпиграфический, растительный и геометрический. Тесто красновато-желтого цвета, плотное, без примесей. Глазурь бесцветная, прозрачная, нанесена в основном на внутреннюю сторону, но изредка покрывала и часть внешней стороны сосудов у венчика. Надписи и орнамент чаще всего выполнены марганцево-коричневой или красноватой краской по белому ангобу, а иногда зеленой. Ряд надписей сильно стилизован, не поддается чтению и по существу представляет эпиграфический орнамент. Большинство из них состоит из повторяющегося слова *اليمن* «благополучие», нанесенного то по краю сосуда, то в центре. Согласно исследованиям О. Г. Большакова, это благопожелание встречается главным образом на среднеазиатской керамике XI—XII вв., хотя не исключено и наличие его на сосудах X в.¹⁴

Большой интерес представляет глубокая чаша с подкосом в средней части. В центральном поле арабская надпись, расположенная горизонтально, простым кувфическим почерком, характерным для X—начала XI вв. Диакретические знаки отсутствуют. Концы лама, алифа и нуна раздвоены. Надпись состоит, видимо, из двух слов, первое из которых, вероятнее всего, читается как *اليمن* второе слово неясно (см. рис. 3, 4). На другой чаше надпись нанесена по кругу у венчика и по стилистическим особенностям может быть датирована аналогичным временем (см. рис. 3, 9).

Среди остальной керамики отметим два сосуда, украшенных геометрическим и растительным орнаментом. Один из них типа глубокой касы с округлым туловом на невысоком кольцевом поддоне. Диаметр по венчику 22,5, высота 9,7 см. Изнутри он покрыт бесцветной глазурью. В центральном поле, в двух концентрических кругах, орнамент в виде семиконечной звезды, в центре которой небольшой кружок с вписанным в него стилизованным цветком. Пространство между лучами звезды заполнено дугами и скобками. Роспись выполнена марганцево-черной и красно-коричневой краской по белому ангобу под прозрачной глазурью (см. рис. 3, 1).

Второй сосуд иной формы, со слегка отогнутым венчиком и подкосом в средней части на кольцевом поддоне. Внешняя сторона покрыта белым ангобом, расписанным у венчика наклонными линиями. Внутренняя поверхность сосуда разделена несколькими концентрическими кругами на ряд поясов, заполнен-

¹⁴ Большаков О. Г. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX—XII вв.— В сб.: ЭВ. Вып. XV, М.—Л., 1963, с. 79—82.

Рис. 2. Гормалитепа. Керамическая печь:

1—рыхлая земля; 2'—натечный слой; 3'—заполнение; 4'—гумусная прослойка; 5'—забутовка; 6'—кладка шестигранного кирпича; 7'—зольный слой; 8'—контуры
 1, 2, 4—разрезы печи; 3—план печи; 5—штырь; 6—10—керамические изделия

ных разнообразным орнаментом. На дне — двойной круг, разделенный на решетку с точечным заполнением каждой из клеток,

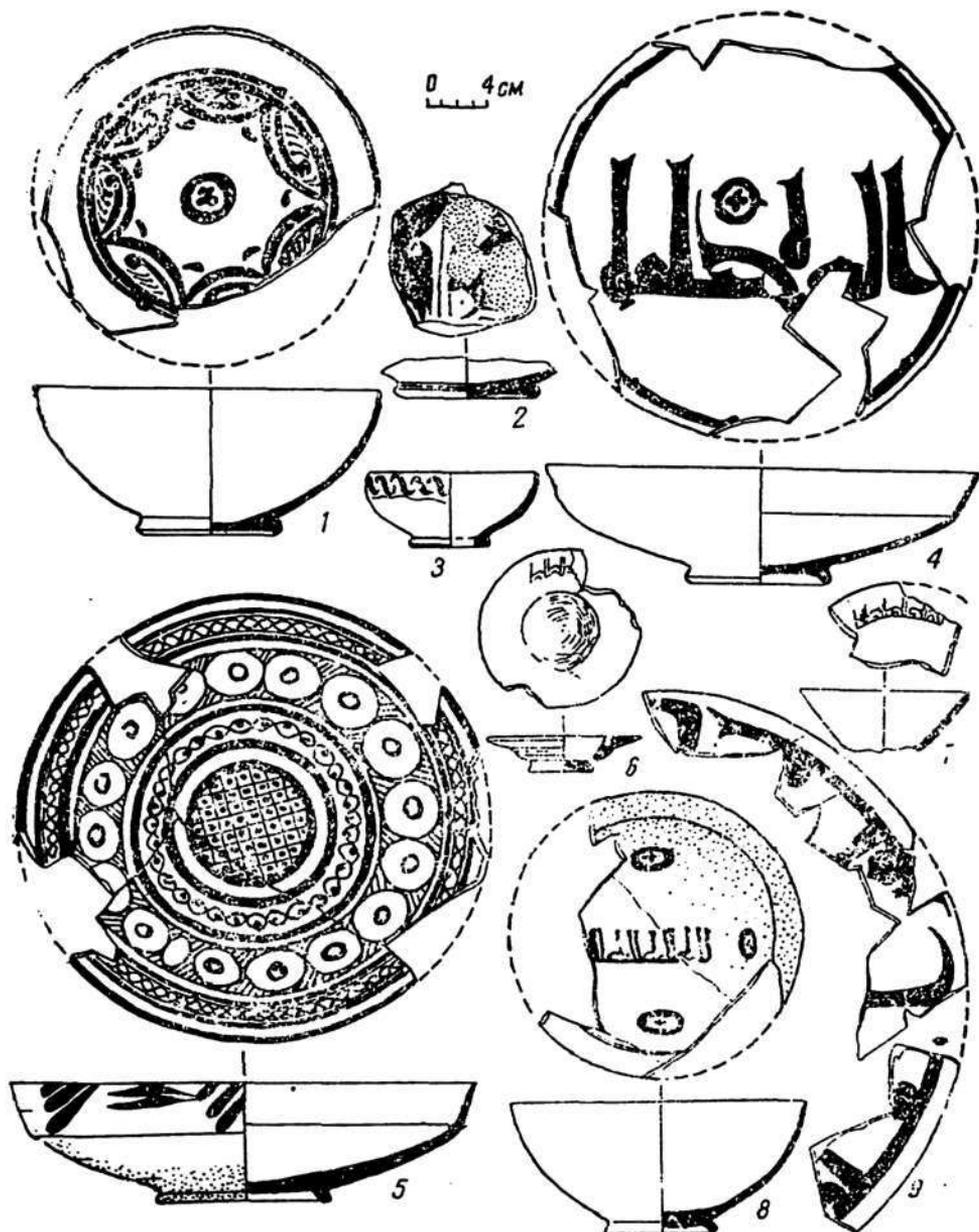

Рис. 3. Глазурованная керамика

выше поле из переплетающихся линий с точками. Над ним более широкий пояс с шестнадцатью крупными кругами, пространство

между которыми заполнено косыми линиями. Затем еще один узкий пояс с орнаментом в виде восьмерок. По венчику — полоса. Роспись выполнена краской светло-болотистого цвета по белому ангобу под прозрачной глазурью (см. рис. 3, 5).

Отметим наличие на ряде сосудов орнамента в виде скобок, помещенных с внешней стороны у венчика. Сходный орнамент встречается на керамике XI в. из других районов Средней Азии¹⁵ (см. рис. 3, 3).

Неглазурованная керамика, обнаруженная в печи, в основном фрагментированна, но имеется также и несколько целых сосудов. Подавляющее большинство составляют обломки хумов и хумчи, украшенных по верхней части тулова резным и штампованным орнаментом в виде небольших кружков с цветками и точками, волнистыми линиями и концентрическими кругами. Наиболее интересен фрагмент крупного сосуда с Г-образным венчиком и округлым туловом, покрытым рисунком своеобразной орнаментальной композиции. Вверху пояс со стилизованными петушками, следующими друг за другом, ниже три ряда концентрических кругов, под ними пояс из волнистых линий, в промежутках между вершинами которых У-образные значки (см. рис. 2, 9).

Просмотр значительного количества неглазурованной керамики, найденной на Гормалитепа и других городищах и поселениях Чаганиана, показывает, что характерным признаком чаганианской керамики данной группы является наличие разнообразного и богатого орнамента, который нанесен как на крупные, так и на мелкие сосуды (см. рис. 2, 6—8).

При сравнении с орнаментом на керамике из других районов Средней Азии выявляется ряд общих черт (волнистая линия, концентрические круги, штампики, налелы и т. д.). В то же время отмечается и известное различие в стилистических особенностях и характере рисунков, причем аналогичное явление наблюдается и в глазурированной керамике. В совокупности это, возможно, свидетельствует о существовании в средневековом Чаганиане самобытной керамической школы. Естественно, что вывод этот носит пока предварительный характер, поскольку изучение чаганианской керамики только начинается, хотя полученный комплекс уже сейчас позволяет говорить об особенностях керамического производства в этой области.

Из других находок отметим светильник округлой формы с вытянутым носиком, изготовленный из мелкозернистого талька. По внешней его стороне процарапан орнамент из перекрещивающихся линий. Диаметр резервуара 6, длина носика 4 см (см. рис. 2, 10).

При раскопках печи обнаружено два целых и шестнадцать фрагментов стеклянных сосудов. Целые сосуды представляют со-

¹⁵ Брусенко Л. Г. Продукция гончарного ремесла Бинкета.— В сб.: Древности Ташкента. Ташкент, 1976, с. 104—105.

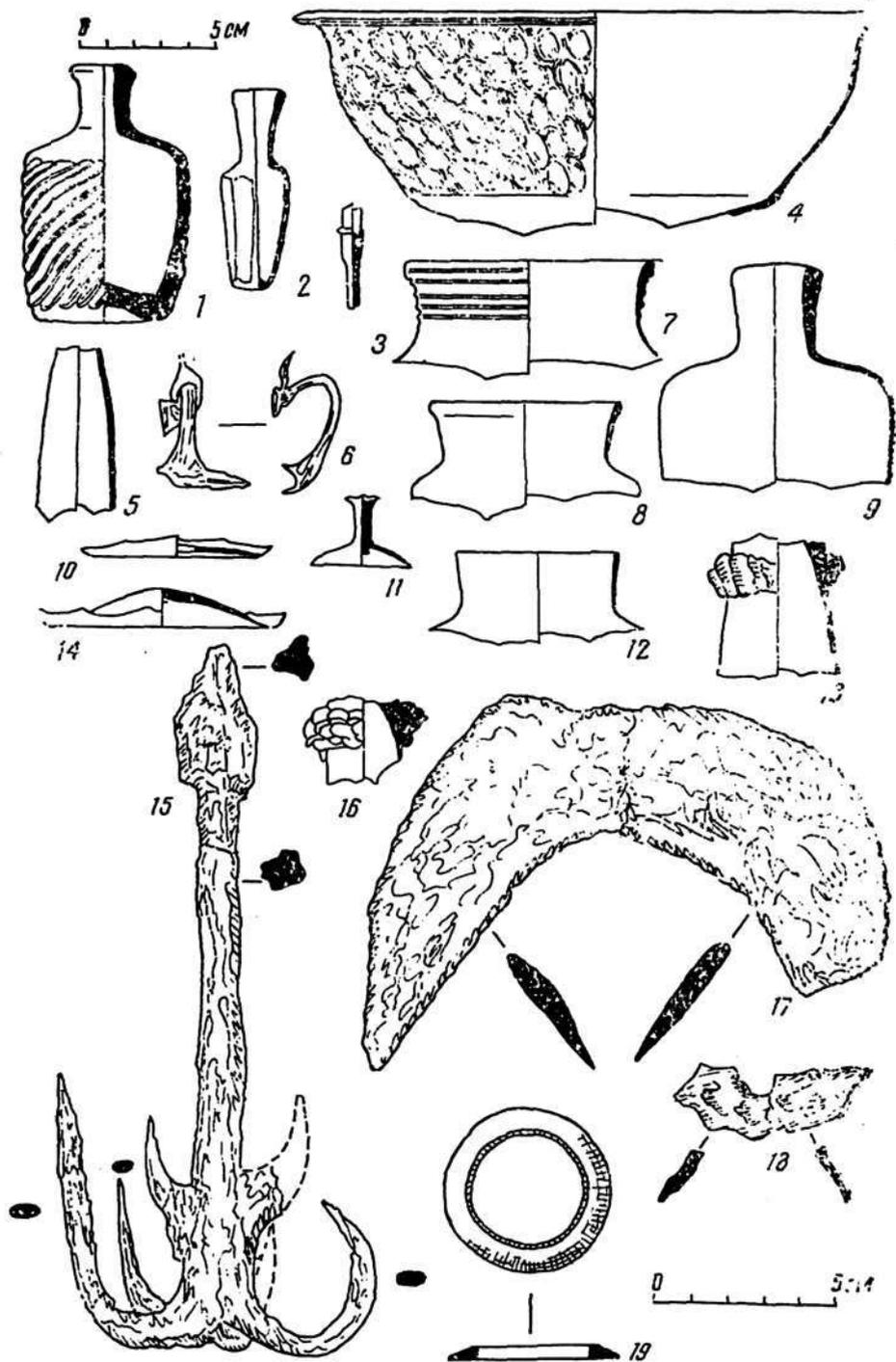

Рис. 4. Стекланные (1—14, 15) и металлические (16, 17—19) изделия

бой небольшие флакончики, вероятно, парфюмерно-аптекарского назначения. Первый выполнен из стекла зеленоватого цвета с валикообразным рифлением по внешней стороне. Высота 9,7, диаметр тулова 6,1 см (рис. 4, 1). Аналогичные по форме и орнаментации сосуды опубликованы М. Амиджановой, которая относит их к X—XII в. н. э.¹⁶ Второй флакончик иной формы и размеров изготовлен из стекла темно-синего цвета, по внешней стороне тулова расчленен гранями. Высота его 7,5, диаметр тулова 2,5 см (см. рис. 4, 2). Сходный по форме и орнаментации флакончик имеется среди коллекции стеклянных сосудов Двина IX—XII вв.¹⁷

Примечательна археологически целая чаша с откинутым венчиком из стекла молочного цвета. По внешней стороне тулова сосуд украшен ячеистым орнаментом (см. рис. 4, 3). Схожий орнамент зафиксирован на стеклянном сосуде из Узгена, датированном Ю. А. Заднепровским XI—началом XIII вв. н. э.¹⁸ Интересны горловины, вероятно, от колбообразных сосудов с гофрированными налестками, аналогии которым имеются в коллекции стеклянных сосудов из Ташкентского и Самаркандского музеев¹⁹ (см. рис. 4, 13, 16). Кроме того, имеется пять фрагментов сильно вогнутых донеч диаметром от 4 до 12 см из стекла бирюзового и светло-зеленого цвета, ножка рюмки и изящно изогнутая ручка с лепестковым навершием, видимо, от небольшого кувшинчика (см. рис. 4, 5, 7, 9).

Достаточно большое количество фрагментов, обнаруженных только в одном месте, и разнообразие форм свидетельствуют о бытовании в Чаганиане этого вида посуды. Находки на других городищах, в частности на Бедраче и Юлашкенте, бракованных изделий и шлаков указывают на местное производство изделий из стекла в Чаганиане.

При раскопках найдено двенадцать бус: шесть — шаровидных; граненная из гишера диаметром 2—2,9 см; бирюзовая шестигранная; граненная из горного хрусталя; эллипсоидная из черной пасты с круглыми вставками белого и голубоватого цвета; многогранная из светло-голубой пасты и костяная катушкообразной формы.

В составе металлических изделий два изогнутых предмета, вероятно, серпы (см. рис. 4, 17), медное кольцо (см. рис. 4, 18). Особый интерес представляет железный предмет типа «кошки»,

¹⁶ Амиджанова М. Средневековые стеклянные сосуды из музеев Ташкента и Самарканда.— В сб.: ИМКУ. Вып. 3. Ташкент, 1962, с. 93, рис. 1, 5; с. 95, рис. 3, 10.

¹⁷ Жанполодян Р. М. Средневековое стекло Двина IX—XIII вв. Ереван, 1974, табл. II.

¹⁸ Абдуразаков А. А., Безбородов М. А., Заднепровский Ю. А. Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1963, с. 103, рис. 10, 12.

¹⁹ Амиджанова М. Средневековые стеклянные сосуды из музеев Ташкента и Самарканда, рис. 3, 17; 18.

состоящий из прямого стержня и шести крюков. Причем четыре боковых крючка расположены на самом конце, а два малых — несколько выше. Общая длина 24, толщина стержня 1,2 см. Аналогичные этому предмету из других археологических памятников Средней Азии нам не известны (см. рис. 4, 16).

Находки на поселении железных криц указывают на местное производство вышеописанных предметов. Однако непосредственная плавка железной руды производилась, вероятнее всего, в специализированных горных поселениях металлургов, откуда крицы доставлялись в поселения, расположенные в долинах рек. Сейчас уже отмечены пять подобных поселений: в районе Аулат, Туды и Вахшувар²⁰, Донг-тепе у Шаргуни²¹ и Канакантепа в Бабатаге. На всех этих поселениях найдено значительное количество криц, шлаков, сопел, каменных орудий для дробления руды и т. д.

Итак, исходя из приведенных аналогий, мы можем датировать найденные в печи предметы X—XI вв. н. э., причем сама печь была сооружена несколько ранее, но в пределах этого же отрезка времени. В совокупности все имеющиеся данные (сведения письменных источников, расстояния и археологические материалы) достаточно точно свидетельствуют о том, что Гормалитепа представляет собой остатки средневекового селения Баранги. Но не только это составляет научную значимость проведенных исследований на Гормалитепе. Не менее важным является и тот факт, что впервые в науке для Чаганиана X—XI вв. получен разнообразный комплекс предметов, который позволяет говорить о своеобразии материальной культуры этой области в эпоху развитого средневековья.

---

²⁰ Ремпель Л. И. Народная архитектура предгорной зоны Узбекистана.— В сб.: Искусство зодчих Узбекистана. Вып. IV. Ташкент, 1969, с. 168—176.

²¹ Ртвеладзе Э. В. Разведки в Чаганиане. АО. 1974 г. М. 1975, с. 511.

Х. ХАЛИЛОВ

МАТЕРИАЛЫ К ОСТЕОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ НАСЕЛЕНИЯ ДЖАРКУТАНА ЭПОХИ БРОНЗЫ

Как показали предварительные результаты краниологического исследования, население Джаркутана — крупнейшего могильника Древней Бактрии второй половины II тыс. до н. э. — характеризовалось долихокранным европеоидным восточносредиземноморским типом и было близко к синхронным сериям из Сапал-литепа, Заманбаба, Муминабада (Узбекистан), Макони-мора, Тигровой Балки (Таджикистан) и Алтын-депе (Туркменистан)¹.

Для остеологического исследования в результате большой реставрационной работы в нашем распоряжении оказались пригодными длинные кости конечностей из 104 погребений (53 мужских и 51 женского). У 104 индивидуумов был определен рост (53 мужских и 51 женских) (табл. 1).

Плечевая кость по суммарному подсчету характеризуется средней длиной (мужские 321 мм, женские 296 мм). Правые плечевые мужской группы несколько длиннее, чем левые, а в женской группе, наоборот, левые плечевые длиннее правых. Размеры длины лучевых костей приближаются к большим величинам (мужские 255,5 мм, женские 226 мм). Наибольшая длина локтевых костей также средних размеров (мужские 270, женские 242 мм).

Бедренные кости в среднем по размерам наибольшей длины (мужские 452, женские 422 мм) и длины в естественном положении (мужские 443, женские 417 мм) относятся к категории среднелинных размеров, приближаясь к большой величине этого размера. Левые бедренные в мужской группе в среднем длиннее, чем правые. Большие берцовые кости в мужской (383 мм) и женской (359 мм) группах характеризуются как вышесредние. Малые берцовые кости у мужских (374 мм) и женских (344 мм) групп приближаются к вышесредним категориям.

Результаты определения среднего роста населения по трубчатым костям, произведенным лишь по формулам К. Пирсона и Л. Мануврие², приведены в табл. 2. Установлено, что средний

¹ Ходжайов Т. К., Халилов Х. Палеоантропологические материалы из могильника Джаркутан. — В сб.: ИМКУ. Вып. 13. Ташкент, 1977, с. 41—47.

² См.: Pearson K., Lel A. On the reconstruction of the stature of prehistoric races. *Philosophical Transactions of the Royal Society, ser. A.*, t. 192, 1899; Manouvrier L. La détermination de la taille d'après les grands os des membres. *Memoires de la Societe d'Antropologie le Paris*, t. 4, 1894.

Таблица 1

**Рост мужчин и женщин по результатам исследования трубчатых-
костей скелетов из Джаркутана, см**

Мужчины			Женщины		
Номер погребения	по Пирсону	по Мануврие	Номер погребения	по Пирсону	по Мануврие
7. Костяк 1	160,5	162,5	23	151,0	153,6
19	166,8	167,7	24	161,0	158,2
37	165,7	168,3	25	155,0	155,6
41. Костяк 1	174,7	171,6	29	157,0	159,2
42	170,0	171,6	45	162,5	161,2
50 (а)	165,7	166,6	48	160,0	159,0
59	172,3	171,3	55	161,0	159,0
71	170,4	171,6	67 (б)	175,6	176,5
76	169,7	170,8	68	149,0	154,3
82	173,0	173,8	69 (б)	156,0	159,5
93	—	169,7	114	153,5	155,5
125	166,7	167,7	138	155,3	157,3
142	164,7	168,3	175	—	145,5
152	176,6	178,5	183	152,0	156,8
184	169,3	166,5	185	153,0	155,8
186	167,0	168,2	192	155,0	159,8
187	165,8	166,2	201	164,6	167,3
210	182,5	180,4	203	155,0	159,1
224	173,8	178,5	206	148,0	151,3
233	158,0	158,5	209	156,0	158,3
240	180,3	187,7	212	149,0	147,0
244	164,0	165,4	216	156,7	157,5
254. Костяк 2	176,0	176,7	219	150,4	154,0
258	161,3	166,6	241	165,7	163,0
256	174,3	173,3	276	158,3	158,2
269	164,0	164,3	277	188,1	187,2
283	168,0	167,7	282. Костяк 2	158,3	156,6
296	167,0	166,0	290	—	171,6
310	161,5	162,7	317	155,5	156,4
319	164,5	165,0	318	164,5	168,0
336	170,1	170,2	339	157,5	159,5
347	164,9	164,4	340	153,0	155,6
367	167,0	166,6	384	154,5	158,5
370	164,6	170,0	398	159,0	164,1 (1)
385	165,3	167,0	401	158,0	161,0
396	167,2	166,0	407	158,0	158,2
402	164,5	164,4	465. Костяк 2	158,9	163,5
413	165,4	165,7	479	158,0	163,2
414	165,7	167,8	505	153,7	156,8
439	167,1	165,9	513	158,7	161,4
465 Костяк	170,1	170,1	38	158,3	160,3
506	167,3	167,7	543	149,3	150,4
512	165,2	166,2	545	152,4	154,5
535	174,0	174,5	579	152,8	152,8
570	155,8	154,1	593. Костяк 1	143,4	142,7
572	174,7	176,3	609	151,0	152,8
594	165,6	168,2	611	156,5	155,0
610	167,6	168,7	636	157,5	158,2
628			652 (б)	153,2	155,5

Мужчины			Женщины			
номер погребения	по Пирсону	по Мануврие	номер погребения	по Пирсону	по Мануврие	
637	170,4	172,7	652(б)	158,5	160,2	
645	166,8	163,5		162,5	164,6	
647	167,3	167,9		654		
648	166,8	166,5		655		
	173,9	176,0				
X (II)	168,0 (52)	168,9 (53)	X (п)	156,7 (49)	158,5 (5)	

рост (длина тела) мужского (168,4 см) и женского (157,6 см) населения характеризуется высокой цифрой. Мужчины из погребений 152, 210, 240 и женщины из погребений 67 (б), 277 отлича-

Таблица 2

Средний рост людей Средней Азии эпохи энеолита и бронзы, см

Памятник	По Пирсону		По Мануврие	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Джаркутан	168,0 (52)	156,7 (49)	168,9 (53)	158,5 (51)
Сапалли	160,5	154,6	—	—
Кокча-3	169,9	157,6	160,3	159,6
Кара-Депе				
Геоксю	168,6	153,8	—	—

Примечание: В скобках дано количество скелетов

ются очень высоким ростом, а мужчины из погребения 233 и женщины из погребений 175, 543 — очень малым ростом.

Таким образом, мужское население Джаркутана значительно более высокоросло, чем синхронное население Сапаллитепа³. Одинаковым ростом характеризуется мужское население Джаркутана, Карадепе, Геоксюра и Кокча-3. Женщины Джаркутана более высокорослы, чем женщины Южного Туркменистана эпохи энеолита и бронзы. Одинаковым ростом характеризуется женское население Джаркутана и тазабагыябской культуры Южного Приаралья⁴.

³ Ходжайов Т. Қ. Антропологический состав населения эпохи бронзы Сапаллитепа. Ташкент, 1977, с. 91.

⁴ Трофимова Т. А., Гинзбург В. В. Антропологический состав населения Южной Туркмении в эпоху энеолита. — В сб.: Труды ЮТАКЭ. Т. X. Ашхабад, 1961, с. 508, приложение 3; Дурнова Ю. А. Длинные кости конечностей скелетов из могильника тазабагыябской культуры Кокча 3. — В сб.: Магариалы Хорезмской экспедиции. Вып. 5. М., 1961, с. 151, табл. 3.

В. РУЗАНОВ

О НЕКОТОРЫХ ДРЕВНИХ ОЛОВОРУДНЫХ ИСТОЧНИКАХ НА ТЕРРИТОРИИ УЗБЕКИСТАНА

Археологический отряд Института археологии АН УзССР совместно с Институтом археологии АН СССР осенью 1977 г. провел работу по изучению некоторых древних объектов горнорудного дела на территории Узбекистана. Основную задачу отряда составляли учет и обследование древних источников руд (в основном медного и оловянного происхождения), меде- и оловоплавильных печей, шлаковых полей и иных памятников, связанных с металлургическим производством.

Одним из районов работ послужили Зирабулак-Зиаэтдинские горы. В их юго-западной части отряд обнаружил неизвестный в археологии древний источник олова — Семизкудукское месторождение. Здесь было обследовано два участка — «Лапас» и «Центральный». На «Лапасе», расположенном в восточной части месторождения, обнаружено 14 выработок, сконцентрированных в одном месте — по бортам русла сая, что связано с близким залеганием рудной жилы к дневной поверхности. Все выработки открытого типа представлены в виде карьеров или ям разных размеров. Самая крупная из них — карьерообразная, длина ее достигает 30 м. Воронкообразные имеют диаметр от 2 до 3 м.

Основная добыча олова на месторождении производилась на участке «Центральный». Здесь на протяжении 600—700 м геологическими канавами вскрыты следы древних работ, представленные в виде карьеров, которые тянутся в направлении по простиранию рудных жил. Размеры выработок различные: ширина колеблется в пределах от 1 до 10 м, глубина не установлена.

Обследование древних выработок участка «Центральный» не привело к находкам датирующего материала. Б. А. Литвинский относит выработки на Кочкарлинском, Чангаллинском и Карнабском месторождениях, находящиеся вблизи Семизкудукского, в основном к средневековому периоду, где верхняя граница времени определяется XII в. н. э. Что касается начала добычи, то этот период он относит к началу рабовладельческого общества, полагая, что сюда можно отнести и конец первобытнообщинного¹.

¹ Литвинский Б. А. К истории добычи олова в Узбекистане.— В сб.: Труды САГУ. Вып. XI. Ташкент, 1950, с. 65.

Семизкудукские выработки участка «Центральный» отличались от иных, известных в Зирабулак-Зиаэтинских горах, одной особенностью—все они засыпаны пустой рудной породой. Подобное наблюдалось в материалах горного дела в Болгарии, на руднике Ай-Бунар, датируемого IV тыс. до н. э.² Конечно, прямых доказательств, позволивших бы определить синхронность этих

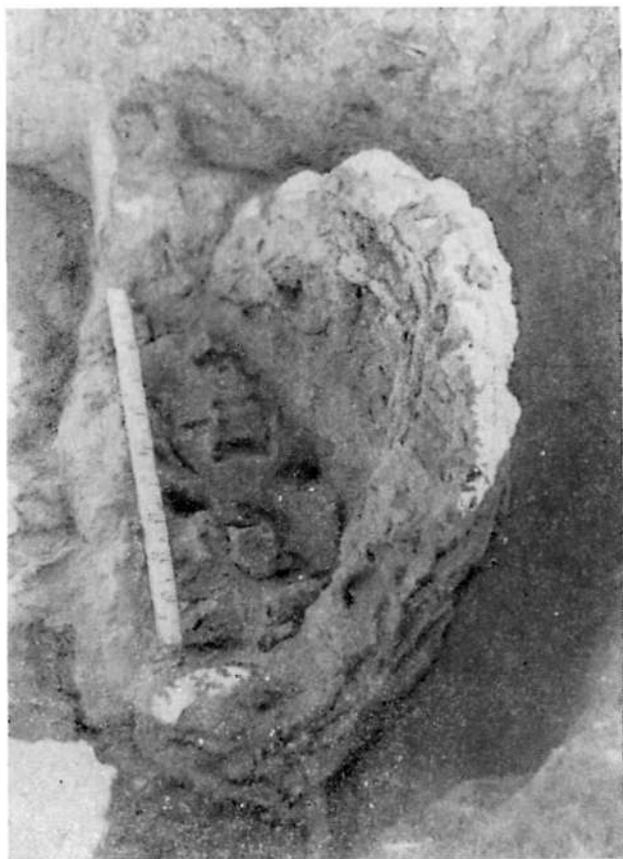

Рис. 1. Оловоплавильная печь

выработок с ай-бунарским, нет, но данный фактор предполагает более раннюю эксплуатацию по сравнению с предложенной Б. А. Литвинским.

В 500—700 м восточнее участка «Лапас» обнаружена уникальная древняя оловоплавильная печь (рис. 1). До сих пор такого рода памятники пока неизвестны в среднеазиатской археологии. Печь находилась на склоне горы и была вскрыта геологической канавой, разрушившей ее на две трети. Оставшаяся часть была раскопана. Печь, круглая в плане, вкопана немного

² Черных Е. Н. Ай-бунарский медный рудник IV тыс. до н. э. на Балканах.— В ж.: СА, 1975, № 4, с. 140.

более чем наполовину в грунт. Стенки ямы слегка наклонены во внутрь, что придало ей форму усеченного конуса, у которого наибольший диаметр, приходящийся на дно, примерно равен 140—145 см, а верхний — 110 см. Глубина ямы не превышает 65—70 см. Высота сохранившейся стенки печи равна 90 см. Стенки ямы обмазаны беловой каолиновой глиной, толщина которой колеблется в пределах от 5 до 10 см. В сохранившейся части печи отчетливы следы двух глиняных сопл. Их устья расположены на разных высотах от ошлакованного пода, имеют различные углы наклона к поду и диаметры: у одного высота

Рис. 2. Устья древних штолен.

примерно равна 25 см, угол наклона 37° , диаметр 3 см; у второго 30 см, наклон 30° , диаметр 5 см. Под и древняя поверхность на уровне печи вымощены сланцевыми плитками разного размера. Стенки и под печи покрыты толстым слоем шлака мощностью от 10 до 18 см. Верхняя часть печи, выступавшая над ямой и дневной поверхностью, после того как была заброшена, разрушилась. Об этом свидетельствуют прослойки обожженной каолиновой глины, зафиксированные в 5—10 см выше уровня древней поверхности. Непосредственно у печи и вниз по руслу сая разбросаны шлаки от плавки.

Вероятно, для печи специально была выкопана круглая яма с наклонными во внутрь стенками, обмазанными для огнеупорности и укрепления каолиновой глиной. Видимо, по этой же

причине под печи был вымощен сланцевыми плитками. Верхняя часть стенок печи наращена слоем каолиновой обмазки, которая, возможно, возвышалась на 25—40 см над уровнем древней дневной поверхности. Печь снабжена большим количеством сопл, чем было прослежено. Их длина, по всей видимости, не одинакова и варьирует в пределах от 50 до 65 см в зависимости от угла наклона сопла к поду печи.

Раскопки оловоплавильной печи не дали выразительного археологического материала. При обследовании холма примерно в

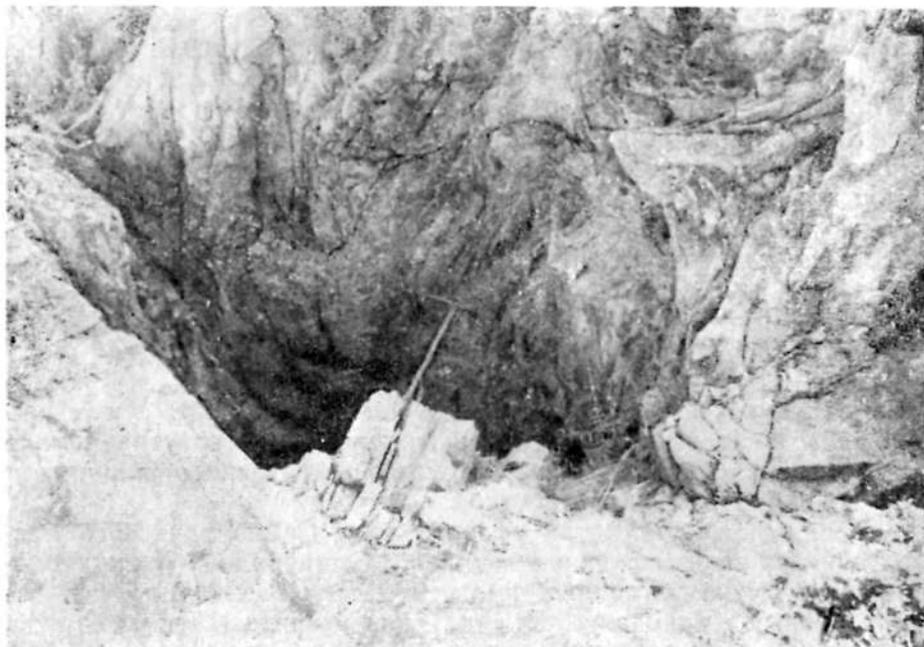

Рис. 3. Устье древней штольни № 1

20 м от печи найдена терракотовая головка женщины, датируемая II—IV вв. н. э. Этим временем, вероятно, можно датировать и обследованную печь.

Вторым районом, где было отмечено наличие олова, являлся Бостандыкский. Здесь, на рудном поле «Возрожденное», расположенном в низовьях р. Кок-Су, зафиксированы древние выработки. По геологическим наблюдениям, на площади «Возрожденное» выявлено 4 участка: «Молодежный», «Мокрое», «Верхний» и «Ат-Джайлау», из которых обследовали первых два. «Молодежный» расположен на левом берегу р. Кок-Су. Оруденение представлено двумя жилами, крутонаклонно выходящими на скальную поверхность. Крутизна наклона 25—30°, направление вдоль течения реки. На поверхности фиксируется две жилы, из

которых верхняя отличается наиболее мощными выходами. Практически по всей длине выхода рудных жил отмечены устья крутонаклонных штолен, следующих строго по направлению жилы (рис. 2). Из-за завалов истинное количество штолен и протяженность некоторых из них установить не удалось. Закопченность некоторых мест сводов штолен позволяет предполагать огненный метод проходки. При обследовании штолен и поверхности склона горы археологических находок не обнаружено.

Участок «Мокрое» также расположен на левом берегу р. Кок-Су, в 150—200 м от участка «Молодежный», вниз по руслу реки. На высоте от 2 до 3 м от уровня воды отмечается рудная жила, крутизна падения которой примерно равна крутизне падения р. Кок-Су. В нескольких ее местах обнаружены четыре древние выработки, из которых наиболее примечательна выработка № 1 (рис. 3). Она представлена центральной штольной длиной 18 м, от которой отходят три проходки. Одна из них — слепая, ее длина достигает 6 м, истинную протяженность двух других установить не удалось. На этом участке археологических находок зафиксировать не удалось.

ГЕОХИМИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РУД ИЗ ДРЕВНИХ ВЫРАБОТОК

Семизкудукское месторождение. Участки «Лапас» и «Центральный» из-за близости геохимических характеристик можно рассматривать как одно целое. Поэтому достаточно ограничиться лишь их общей характеристикой.

Минералогический состав рудного поля Семизкудукского месторождения разнообразен и включает 35 минералов. Из них олово, мышьяк, сурьма, свинец, цинк, медь и железо образуют самостоятельные минералы в виде касситерита, арсенопирита, джемсонита, сфалерита, пирита и др. Кобальт, никель, висмут присутствуют в качестве изоморфных примесей. Касситерит представлен в виде небольших гнезд, размеры которых не превышают 3 мм. Спектральный анализ (табл. 1) руд показал, что содержание олова в образцах, собранных из древних выработок, невелико и колеблется от тысячных до первых десятых долей процента. Аналогичная картина наблюдается и у свинца, цинка и висмута. Почти в таких же интервалах лежат содержания сурьмы, никеля и кобальта, отличаясь лишь меньшей частотой встречаемости. Наряду с ними зафиксирован мышьяк, встречающийся в довольно широких пределах — от 0,01 до 0,7%.

Анализируя химический состав рудных пород участков «Центральный» и «Лапас», следует отметить, что при выплавке касситерита, вероятно, чистого олова не образуется. Оно может включать в себя висмут, сурьму, никель от тысячных до сотых долей процента, а свинец и мышьяк — от 0,1 до 1%.

Рудное поле «Возрожденное». Здесь, на участках «Молодеж-

ный» и «Мокрое», отмечено 38 минералов, из которых галенит, пирит, сфалерит, касситерит и лимонит являются наиболее рас-

Таблица 1

Спектральный анализ руды из древних выработок Семизкудукского месторождения

Лабораторный шифр	Sn	Pb	Zn	Bi	Sb	As	Fe	Ni	Co
Участок „Лапас“									
3219	4	4	5	6	—	—	5	6	—
3220	6	4	3	5	4	4	2-1	5	—
3221	4	5	5	?	—	?	3	6	—
3223	5	5	5	—	—	3	2-1	4	5
3224	—	4	4	—	—	—	3	6	—
3227	5	4	3	6	4	?	2-1	5	?
3230	2	5	5	4	?	4	2-1	6	—
3231	3	4	4	5	—	4	2-1	6	—
3232	5	4	4	?	4	4	2-1	5	?
3233	6	4	3	5	4	—	2-1	4	6
3235	?	4	4	—	4	4	4	4	6
3237	—	5	4	—	4	—	3	6	—
3238	—	5	5	—	4	—	3	6	—
3241	6	5	4	—	?	?	2-1	5	—
3242	6	4	4	5	4	—	4	5	6
3243	6	4	4	5	?	?	2-1	—	6
Участок „Центральный“									
3181	5	5	4	6	?	4	2-1	5	5
3184	5	4	4	6	5	3	2-1	5	6
3186	4	4	?	4	—	3	2-1	6	—
319;	5	4	4	4	5	4	2-1	5	—
3196	4	5	5	6	5	?	2-1	5	—
3198	5	5	4	5	—	4	2-1	?	3
3199	4	5	?	6	—	4	2-1	5	6
3202	5	5	4	5	—	4	3	6	—
3203	5	4	4	;	—	3	2	—	—
3204	4	4	5	5	—	3	2-1	—	—
3219	6	4	5	6	—	—	5	6	—
3220	4	4	3	5	4	4	2-1	5	—
3221	5	5	5	?	—	?	3	6	—
3223	4	5	5	—	—	3	2-1	4	5
3224	5	4	4	—	—	—	3	6	—
3227	—	4	3	6	4	?	2-1	5	?

Примечание. Анализы сделаны в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии АН СССР. Цифра 1 означает содержание элемента свыше 10%; 2—от 1 до 10; 3—от 0,1 до 1; 4—от 0,01 до 0,1; 5—от 0,001 до 0,01; 6—менее 0,001%. Содержание меди по всем участкам — 1%

пространенными. Менее развита минерализация меди и мышьяка. На участках руды имеют смешанный характер — сульфидные и окисленные, причем последние резко преобладают.

Химический состав руд участков несколько разнообразен (табл. 2). Так, на участке «Мокрое» олово, свинец и цинк встре-

чаются в больших концентрациях — от 1 до 10% и более; у висмута вариации наблюдаются в пределах от 0,01 до 0,4%; у никеля и кобальта — от 0,1 до 0,1%. В рудах участка «Молодежный» эти элементы примеси встречаются в меньших концентрациях.

Таблица 2

Спектральный анализ руды из древних выработок рудного поля „Возрожденное“

Лабораторный шифр	Cu,	Sn	Pb	Zn	Bi	Sb	As	Fe	Ni	Co
Участок „Молодежный“										
3272	1%	5	4	4	—	?	4	3	—	—
3273	"	4	4	4	—	—	4	2-1	?	—
3274	"	5	4	4	—	—	—	2-1	6	?
3275	"	4	4	4	—	?	—	3	—	—
3276	1-3%	4	4	3	?	4	4	2-1	6	—
3277	"	3	2	2	—	3	4	2-1	5	5
3278	1%	5	3	3	—	?	4	3	6	—
3279	1-3%	4	3	3	5	4	3	2	6	—
3281	"	2	3	3	?	4	3	2-1	6	—
3282	"	3	3	2	—	4	4	2-1	4	6
Участок „Мокрое“										
3248	Осн.	5	5	4	—	—	—	2-1	5	4
3250	"	6	4	4	6	—	?	2-1	5	4
3253	"	5	4	3	?	—	5	2-1	3	3
3254	1-3%	6	5	5	6	—	4	2-1	3	3
3256	"	1	Осн.	1	3	3	3	2-1	5	6
3257	Осн.	3	3	1	3	4	5	2-1	5	5
3259	3-10%	2	3	1	4	3	4	2-1	5	5
3260	1-3%	3	2	3	4	4	4	2-1	?	—
3261	"	3	2	2	4	5	3	2-1	5	5
3263	3-10%	1	Осн.	2	3	3	4	2-1	6	6
3266	Осн.	3	3	1	4	4	4	3	5	6
3268	"	2	2	1	4	3	4	3	6	5
3269	3-10%	2	Осн.	1	4	4	4	3	6	?
3270	Осн.	2	1	1	3	3	4	2-1	5	6
3271	1-3%	2	Осн.	2	3	3	4	2-1	5	6

Примечание. Цифры 1-6 означают то же, что и в табл. 1; осн.—основа руды.

Содержание остальных примесей, которые обычно учитываются при исследовании руды и металла в археологическом аспекте,—сурьмы, мышьяка и железа примерно одинаково: у первых оно колеблется от 0,01 до 0,1%, у последнего — от 0,1 до 1% и выше.

Другой особенностью участка «Мокрое» является наличие более высокой медной минерализации. В связи с этим не исключена возможность, что руда, добытая здесь, использовалась древними рудокопами для получения оловянистых бронз, вероятно, имеющих сложный состав, в котором, наряду с оловом, в достаточно больших количествах можно было ожидать и свинец.

Т. ЕРНАЗАРОВА

НОВЫЕ МОНЕТЫ АФРАСИАБА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ

Данная работа является продолжением¹ описания монет, обнаруженных в последние годы на городище Афрасиаб и в его окрестностях.

СЕРЕБРО

Клад

Найден в 1971 г. при раскопках соборной мечети археологом Садиевым на полу помещения в кувшинчике. Состоит из 150 бухархуддатских монет, представленных именами ал-Махди и ал-Амина.

1. Ал-Махди. Без обозначения места и времени (Бухара, третья четверть VIII в., не ранее 755 г.).

Л. ст.: полустертое изображение подражания портрету Варакхана. Погрудное изображение царя передано схематично — штрихами и точками разной величины. Над венцом царя — кружок с точкой посередине; перед лицом царя несколько схематизированная обычная легенда бухарским письмом: *pωγ'ryωβk'ω'* «государь Бухары, царь», слева за венцом арабская надпись «ал-Махди» المهدي

Об. ст.: как и предыдущего типа. Профильное изображение головы царя повернуто вправо, над головой — полумесяц с точкой над ним. Рамочки нет, кружок неровный: д. 25, в. 2,50, ↙; С₃, инв. 5739, колл. 126/1.

2. То же. Л. ст.: несколько стерта, кружок местами обломан. Металл чуть окислен: д. 24, в. 2,25, ↗; С₄, инв. 5740, колл. 126/2.

3. То же. Л. ст.: штемпель чуть сдвинут; д. 25, в. 2,39, →; С₃, инв. 5741, колл. 126/3.

4. То же. Л. ст.: штемпель другой. Об. ст.: несколько стерта; д. 25; в. 2,68; С₃, инв. 5742, колл. 126/4.

5. То же. Рисунок на обеих сторонах едва обозначен. С краю кружок обломан; д. 24, в. 2,19, ↗; С₃, инв. 5743, колл. 126/5.

¹ См.: Ерназарова Т. С. Монетные клады Афрасиаба. — В сб.: ИМКУ. Вып. 14. Ташкент, 1978, с. 132.

6. То же, вариант. Л. ст. и об. ст.: штемпель сдвинут; д. 25, в. 2,31; ↙; С₂, инв. 5744, колл. 126/6.
7. То же, другой штемпель. Полустерта; д. 24, в. 2,20, ↗; С₃, инв. 5745, колл. 126/7.
8. То же. Полустерты; д. 24, в. 2,21; ↗; С₃, инв. 5746, колл. 126/8.
9. То же. Изображение царя полустерто; д. 24, в. 1,96, —; С₂, инв. 5747, колл. 126/9.
10. То же, другой штемпель; д. 24, в. 2,50; ←; С₁, инв. 5748, колл. 126/10.
11. То же, вариант. Об. ст.: изображение в точечном круге; д. 24, в. 2,40; ↙; С₃, инв. 5749, колл. 126/11.
12. То же. Л. ст.: в арабской надписи сохранились только начальные буквы от слова «ал-Махди»; д. 24, в. 2,32; ↙; С₃, инв. 5750, колл. 126/12.
13. То же, другой штемпель. Сохранность отличная; д. 24, в. 2,31; ↙; С₁, инв. 5751, колл. 126/13.
14. То же. Л. ст.: изображение и надпись несколько стерты. Кружок по точечному кругу обрезан; д. 24, в. 2,40; ↙; С₂, инв. 5752, колл. 126/14.
15. То же. Поверхность неровная, рисунок на об. ст. едва обозначен; д. 25, в. 2,50; ↙; С₃, инв. 5753, колл. 126/15.
16. То же, вариант. Л. ст.: над плечами царя два знака? *tt*. Об. ст.: полустерта; д. 25, в. 2,52; ↗; С₃, инв. 5754, колл. 126/16.
17. То же. Об. ст.: полустерта; д. 25, в. 2,34; —; С₃, инв. 5755, колл. 126/17.
18. То же, вариант. Л. ст.: надпись несколько схематизирована; д. 25, в. 2,85; ↙; С₃, инв. 5756, колл. 126/18.
19. То же. Л. ст.: несколько схематизирована и стерта. Кружок по краям обрезан; д. 24, в. 1,97; ↗; С₃, инв. 5757, колл. 126/19.
20. То же; д. 24, в. 2,40, ↙; С₃, инв. 5758, колл. 126/20.
21. То же. Полустерта; д. 23, в. 2,52, ↙; С₃, инв. 5759, колл. 126/21.
22. То же, другой штемпель. Полустерта; д. 25, в. 1,25, ↙; С₃, инв. 5760, колл. 126/22.
23. То же, другой штемпель; д. 24, в. 2,27; ↙; С₂, инв. 5761, колл. 126/23.
24. То же, другой штемпель. Поверхность неровная. Л. ст.: рисунок с краю обрезан; д. 25, в. 2,20, ↗; С₃, инв. 5762, колл. 126/24.
25. То же. Полустерта; д. 24, в. 2,20, ↗; С₄, инв. 5763, колл. 126/25.
26. То же, вариант. Грудь и плечи царя подчеркнуты 13 точками. Чуть обломана с краю; д. 24, в. 2,60, ↗; С₂, инв. 5763 а, колл. 126/26.
27. То же. Рисунок на обеих сторонах едва обозначен, по краям кружок срезан; д. 24, в. 2,00, ↙; С₄, инв. 5764, колл. 126/27.

28. То же. Об. ст.: сбита и полустерта; д. 25, в. 2,49, —; С₃, инв. 5765, колл. 126/28.
29. То же, другой штемпель. Л. ст.: знаки; д. 25, в. 2,70, ↗ ; С₁, инв. 5766, колл. 126/29.
30. То же, другой штемпель. Л. и об. ст.: сбиты и полустерты; д. 24, в. 2,30, ↗ ; С₃, инв. 5767, колл. 126/30.
31. То же; д. 24, в. 2,40, ↗ ; С₃, инв. 5768, колл. 126/31.
32. То же, другой штемпель. Кружок по точечному кругу обрезан; д. 22, в. 1,85, —; С₄, инв. 5769, колл. 126/32.
33. То же, другой штемпель. Монета обрезана по точечному кругу; д. 24, в. 2,10, —; С₄, инв. 5770, колл. 126/33.
34. То же, другой штемпель. Об. ст.: штемпель чуть сдвинут, по точечному кругу обрезан; д. 25, в. 2,49, ↗ ; С₂, инв. 5771, колл. 126/34.
35. То же, другой штемпель. Чуть стерта; д. 25, в. 2,39, ↗ ; С₂, инв. 5772, колл. 126/35.
36. То же. Полустерта; д. 26, в. 2,40, ↗ ; С₃, инв. 5773, колл. 126/36.
37. То же. Л. ст.: изображение царя полустерто, надпись отчетливая, кружок ровный; д. 24, в. 2,67, ↗ ; С₃, инв. 5774, колл. 126/37.
38. То же, другой штемпель. Об. ст.: чуть стерта, точечный круг местами обрезан; д. 25, в. 2,18, ↗ ; С₃, инв. 5775, колл. 126/38.
39. То же. Рисунок на обеих сторонах едва обозначен; д. 24, в. 2,20, ↗ ; С₃, инв. 5776, колл. 126/39.
40. То же, другой штемпель. Л. ст.: чуть стерта; д. 24, в. 2,15, ↗ ; С₃, инв. 5777, колл. 126/40.
41. То же. Л. и об. ст.: сбиты и несколько стерты; д. 25, в. 2,20, ← ; С₄, инв. 5778, колл. 126/41.
42. То же, вариант. Об. ст.: голова царя передана чуть удлиненной, кружок местами обрезан; д. 25, в. 2,61, ← ; С₃, инв. 5779, колл. 126/42.
43. То же, как № 316; д. 24, в. 2,32, —; С₃, инв. 5780, колл. 126/43.
44. То же, другой штемпель. Об. ст.: штемпель сдвинут; д. 25, в. 2,98, ↗ ; С₂, инв. 5781, колл. 126/44.
45. То же. Л. и об. ст.: рисунок и надпись несколько оплыли. Края кружка неровные. Имеется мелкая трещина; д. 26, в. 1,85, ↗ ; С₂, инв. 5782, колл. 126/45.
46. То же, другой вариант. Л. ст.: полустерта. Точечный круг местами шире обычных; д. 24, в. 2,40, ↗ ; С₃, инв. 5783, колл. 126/46.
47. То же, вариант. Л. ст.: изображение царя несколько схематизировано, края неровные. Об. ст.: полустерта; д. 24, в. 2,9, ↗ ; С₃, инв. 5784, колл. 126/47.
48. То же. Л. ст.: стерта. Кружок по краям обрезан. Чуть обломана снизу; д. 23, в. 2,50, ↗ ; С₃, инв. 5785, колл. 126/48.

49. То же, штемпель. Монета обрезана по точечному кругу, местами срезана; д. 23, в. 2,40, ↙ ; С₃, инв. 5786, колл. 126/49.
50. То же, другой вариант. Л. ст.: сбита и несколько стерта, обрезана по точечному кругу; д. 24, в. 2,19, ↙ ; С₃, инв. 5787, колл. 126/50.
51. То же, другой штемпель. Об. ст.: неровная поверхность, штемпель сдвинут; д. 24, в. 2,26, ↗ ; С₄, инв. 5788, колл. 126/51.
52. То же. Полустерта; д. 22, в. 2,49, ↗ ; С₃, инв. 5789, колл. 126/52.
53. То же. Л. ст.: полустерта, кружок по точечному кругу об-резан; д. 24, в. 2,15, ↙ ; С₄, инв. 5790, колл. 126/53.
54. То же. Об. ст.: штемпель сдвинут; д. 24, в. 2,30, ↙ ; С₄, инв. 5791, колл. 126/54.
55. То же, другой штемпель. Полустерта; д. 25, в. 2,10, ↓ ; С₄, инв. 5792, колл. 126/55.
56. То же, другой штемпель. Сохранность хорошая; д. 25, в. 2,24, ↓ ; С₂, инв. 5793, колл. 126/56.
57. То же. Л. и об. ст.: рисунок едва обозначен, кружок неров-ный; д. 24, в. 2,10, ↓ ; С₄, инв. 5794, колл. 126/57.
58. То же. Металл окислен; д. 24, в. 2,13, ↓ ; С₄, инв. 5795, колл. 126/58.
59. То же, другой вариант. Л. ст.: вместо трех крупных точек помещены четыре. Штемпель чуть сдвинут; д. 24, в. 2,41, ↑ ; С₂, инв. 5796, колл. 126/59.
60. То же, другой штемпель. Полустерта; д. 24, в. 2,10, ↑ ; С₃, инв. 5797, колл. 126/60.
61. То же. Металл окислен, края в мелких трещинах; д. 24, в. 2,48, ↓ ; С₄, инв. 5798, колл. 126/61.
62. То же. Полустерта; д. 25, в. 2,45, ↗ ; С₄, инв. 5799, колл. 126/62.
63. То же. Металл окислен. Об. ст.: штемпель чуть сдвинут, кружок неровный; д. 25, в. 2,38, ↓ ; С₃, инв. 5800, колл. 126/63.
64. То же, другой штемпель. Металл окислен; д. 24, в. 2,18, ↓ ; С₃, инв. 5801, колл. 126/64.
65. То же. Об. ст.: штемпель чуть сдвинут, с краю кружок чуть обломан; д. 24, в. 2,49, ↓ ; С₃, инв. 5802, колл. 126/65.
66. То же. Сохранность отличная; д. 25, в. 2,10, ↓ ; С₁, инв. 5803, колл. 126/66.
67. То же. Полустерта, края неровные; д. 24, в. 2,30, ↓ ; С₃, инв. 5804, колл. 126/67.
68. То же, другой штемпель, полустерта, края кружка неров-ные; д. 23, в. 2,10, —; С₄, инв. 5805, колл. 126/68.
69. То же, вариант. Л. ст.: под плечом царя знаки *tt* «хоро-шо». С краю обломана; д. 24, в. 2,00, ↓ ; С₃, инв. 5806, колл. 126/69.
70. То же, другой штемпель. Л. ст.: полустерта. Края кружка неровные, д. 25, в. 2,00, ↓ ; С₄, инв. 5807, колл. 126/70.

71. То же. Л. ст.: несколько сбита и стерта; д. 25, в. 2,35, ↑ ; С₄, инв. 5808, колл. 126/71.
72. То же, другой штемпель. Отличная сохранность; д. 25, в. 2,45, —; С₁, инв. 5809, колл. 126/72.
73. То же, другой штемпель. Л. ст.: сдвинута. Края кружка неровные. Об. ст.: полустерта; д. 24, в. 2,10, ↓ ; С₃, инв. 5810, колл. 126/73.
74. То же; д. 25, в. 2,00, ↓ ; С₂, инв. 5811, колл. 126/74.
75. То же, другой штемпель. Л. ст.: в арабской надписи буква не помещена; д. 24, в. 1,8, ! ; С₃, инв. 5812, колл. 126/75.
76. То же, другой штемпель, края неровные; д. 24, в. 2,21, ! ; С₂, инв. 5813, колл. 126/76.
77. То же, другой штемпель; д. 23, в. 1,72, ↓ ; С₁, инв. 5814, колл. 126/77.
78. То же. Л. и об. ст.: рисунок и надпись оплыли. С края обрезаются так же как и предыдущие. Чуть обломаны снизу; д. 24, в. 2,30, ↓ ; С₂, инв. 5815, колл. 126/78.
79. То же. Л. ст. и об. ст.: сбиты и несколько стерты; д. 23, в. 2,23, ↑ ; С₃, инв. 5816, колл. 126/79.
80. То же, вариант. Об. ст.: рисунок несколько схематизирован: рот, подбородок царя переданы большими точками. Кружок с краю обломан; д. 14, в. 2,30, ↓ ; С₂, инв. 5717, колл. 126/80.
81. То же, вариант. Л. ст.: грудь и плечи царя подчеркнуты десятью точками. Края кружка неровные, металл окислен; д. 24, в. 2,22, —; С₃, инв. 5718, колл. 126/81.
82. То же. Полустерта. Кружок по кругу обрезан; д. 23, в. 1,99, ↓ ; С₃, инв. 5819, колл. 126/82.
83. То же. По точечному кругу обрезана, поверхность неровная; д. 23, в. 2,50, —; С₃, инв. 5820, колл. 126/83.
84. То же, другой вариант. Л. ст.: штемпель чуть сдвинут; д. 24, в. 2,49, —; С₂, инв. 5821, колл. 126/84.
85. То же. Поверхность неровная; д. 24, в. 1,81, —; С₂, инв. 5822, колл. 126/85.
86. То же. Л. и об. ст.: изображения сбиты и стерты. С краю обломана; д. 24, в. 2,14, ↓ ; С₄, инв. 5723, колл. 126/86.
87. То же; д. 25, в. 2,6, ↑ ; С₄, инв. 5824, колл. 126/87.
88. То же, вариант. Л. ст.: грудь и плечи царя подчеркнуты девятью точками. Полустерта. Края в мелких трещинах; д. 24, в. 2,7, ↓ ; С₃, инв. 5825, колл. 126/88.
89. То же. Полустерта. Кружок сбит, неровная поверхность; д. 23, в. 1,80, ↓ ; С₄, инв. 5826, колл. 126/89.
90. То же. Полустерта; д. 22, в. 1,80, ↓ ; С₃, инв. 5827, колл. 126/90.
91. То же, другой штемпель. Края кружка в неровных мелких трещинах; д. 22, в. 2,4, —; С₄, инв. 5828, колл. 126/91.
92. То же. Полустерта. Края кружка неровные; д. 22, в. 2,22, ↓ ; С₄, инв. 5829, колл. 126/92.

93. То же. Поверхность неровная, сбита, полустерта; д. 2, в. 2,16, →, С₄, инв. 5830, колл. 126/93.
94. То же. Об. ст.: стерта. Кружок неровный; д. 23, в. 2,10; С₃, инв. 5831, колл. 126/94.
95. То же; д. 23, в. 1,93, ↓ ; С₃, инв. 5832, колл. 126/95.
96. То же. Чуть полустерта; д. 24, в. 2,1, ; С₂, инв. 5833, колл. 126/96.
97. То же. Л. и об. ст.: изображения стерты, поверхность чуть гладкая; д. 25, в. 2,30; С₄, инв. 5834, колл. 126/97.
98. То же. Полустерта; д. 23, в. 2,5, ↓ ; С₃, инв. 5835, колл. 126/98,
99. То же, другой штемпель. Полустерта; д. 24, в. 2,4, ↓ ; С₄, инв. 5836, колл. 126/99.
100. То же, другой штемпель. Поверхность неровная. Об. ст.: полустерта; д. 24, в. 2,46, ↑ ; С₃, инв. 5837, колл. 126/100.
101. То же, другой штемпель. Л. ст.: полустерта, кружок неровный; д. 23, в. 2,41, — ; С₄, инв. 5838, колл. 126/101.
102. То же, другой штемпель. Л. ст.: согдийская надпись полустерта. Края кружка неровные, обрезаны по точечному кругу; д. 23, в. 2,00, ← ; С₃, инв. 5839, колл. 126/102.
103. То же. Поверхность неровная, надпись чуть оплыла, кружок неровный; д. 23, в. 2,30, ↓ ; С₃, инв. 5840, колл. 126/103.
104. То же. Полустерта, с краю кружок обломан; д. 24, в. 2,08, ↓ ; С₃, инв. 5841, колл. 126/104.
105. То же, другой штемпель. Металл окислен; д. 23, в. 2,00, ↓ ; С₂, инв. 5842, колл. 126/105.
106. То же, другой штемпель; д. 23, в. 2,08, ↓ ; С₂, инв. 5843, колл. 126/106.
107. То же, полустерта, с краю чуть обломана; д. 23, в. 2,00, ↓ ; С₄, инв. 5844, колл. 126/107.
108. То же, вариант. Об. ст.: полумесяц с точкой над головой царя не помещен, края неровные; д. 24, в. 1,87, ↑ ; С₂, инв. 5845, колл. 126/108.
109. То же, другой штемпель, полустерта; д. 23, в. 2,30, →; С₄, инв. 5846, колл. 126/109.
110. То же. Металл окислен. По краям обломана; д. 23, в. 2,15, →; С₃, инв. 5847, колл. 126/110.
111. То же, вариант. Металл окислен. По краям обломан; д. 24, в. 3,00, ; С₃, инв. 5848, колл. 126/111.
112. То же, другой вариант. Полустерта; д. 23, в. 2,41, ; С₃, инв. 5849, колл. 126/112.
113. То же. Полустерта, кружок неровный; д. 24, в. 2,39, ↓ ; С₄, инв. 5850, колл. 126/113.
114. То же, Л. ст.: арабская надпись почти стерта; д. 24, в. 1,9, ↑ С₄, инв. 5851, колл. 126/114.
115. То же. Об. ст.; полустерта. Кружок по точечному кругу обрезан; д. 24, в. 2,81; ↑ ; С₃, инв. 5852, колл. 126/114 а.

116. То же. Л. ст.: надпись оплыла. Изображение царя сбито. Штемпель чуть сдвинут; д. 24, в. 2,12, ↑ ; С₃, инв. 5853, колл. 126/115.

117. То же. Полустерта. Кружок с краю согнут; д. 23, в. 2,27, ↓ ; С₃, инв. 5854, колл. 126/116.

118. То же. Рисунок и надпись искажены, полустерты; д. 24, в. 1,81, ↑ ; С₃, инв. 5855, колл. 126/117.

119. То же, другой штемпель; д. 23, в. 2,52, ↓ ; С₂, инв. 5855^а, колл. 125/117^а.

120. То же. Л. ст.: арабская надпись стерта. Кружок неровный; д. 25, в. 1,92, ← ; С₂, инв. 5856, колл. 126/118.

121. Ал-Амин ибн Харун (?) (193—198/809—813). Ал-Амин Али Сулейман Лиллах.

Л. ст.: как у предыдущего типа. Погрудное изображение Ва-рахрана V передано схематическими штрихами и точками, над венцом царя кружок. Основание плечей и шеи подчеркнута рядом тесно поставленных точек. Изображение окружено изящно выполненной односторонней арабской надписью, начинающейся у правого плеча царя. Два последних слова располагаются на месте трех точек — на груди царя:

بِسْمِ اللَّهِ مُحَمَّدٌ رَسُولُ اللَّهِ مُحَمَّدِيَّةٌ مِمَّا أَمْرُهُ الْإِمِينُ عَلَى سَلِيمِينَ لِلَّهِ

«Во имя Аллаха, Мухаммад, посланник Аллаха, Мухаммадия. Из того, о чем приказал ал-Амин Али Сулейман Лиллах». Все в линейном круге. Об. ст.: как у предыдущего типа; д. 23, в. 2,14, ← ; С₂, инв. 5857, колл. 126/119.

122. То же, другой штемпель; д. 23, в. 2,31, ↓ ; С₃, инв. 5858, колл. 126/120.

123. То же. Л. ст.: сбита и полустерта. Об. ст.: рисунок едва обозначен; д. 24, в. 2,10, ↓ ; С₃, инв. 5859, колл. 126/121.

124. То же, другой вариант. Л. ст.: изображение в точечном круге; д. 24, в. 2,00, ↑ ; С₂, инв. 5860, колл. 126/122.

125. То же. Л. ст.: полустерта. Штемпель сдвинут. Кружок неровный; д. 23, в. 1,38, ↓ ; С₂, инв. 5861, колл. 126/123.

126. То же. Л. ст.: сбита и стерта; д. 24, в., →; С₄, инв. 5862, колл. 126/124.

127. То же, как предыдущая; д. 24, в. 2,00, →; С₄, инв. 5863, колл. 126/125.

128. То же, другой штемпель. Л. ст.: полустерта. Об. ст.: едва проступает изображение головы царя и фигуры стражей (мобедов). Штемпель чуть сдвинут. Кружок обрезан по точечному кругу; д. 34, в. 2,00, ↓ ; С₄, инв. 5864, колл. 126/126.

129. То же. Л. ст.: сохранилась только надпись. Остальные детали стерты. Кружок неровный; д. 25, в. 2,10, ↑ ; С₄, инв. 5865, колл. 126/127.

130. То же. Кружок неровный; д. 24, в. 1,6, ↑ ; С₄, инв. 5866, колл. 126/128.

131. То же. Л. ст.: штемпель чуть сдвинут, надпись отчетливая, края неровные; д. 24, в. 2,10, ← ; С₄, инв. 5867, колл. 126/129.
132. То же, другой штемпель; д. 25, в. 2,20; ↑ ; С₃, инв. 5868, колл. 126/130.
133. То же. Сохранность хорошая; д. 24, в. 3,27; ↑ ; С₂, инв. 5869, колл. 126/131.
134. То же. Л. ст.: сохранилась только надпись, остальные детали стерты. Об. ст.: полустерта; д. 24, в. 2,00, →; С₂, инв. 5870, колл. 126/132.
135. То же. Л. ст.: гладкая. Сохранилась местами только надпись. Об. ст.: хорошо обозначена; д. 22, в. 2,00; С₄, инв. 5871, колл. 126/133.
136. То же. Кружок неровный; д. 23, в. 3,31; С₄, инв. 5872, колл. 126/134.
137. То же. другой штемпель, вариант. Л. ст.: штемпель чуть сдвинут. Точечный кружок местами обрезан. Об. ст.: над головой царя точка над полумесяцем передана больше, чем обычно: д. 23, в. 2,19, ↑ ; С₃, инв. 5873, колл. 126/135.
138. То же, другой штемпель. Л. ст.: в середине точка. Точечный круг местами обрезан; д. 23, в. 2,20; ↑ ; С₃, инв. 5874, колл. 126/136.
139. То же, полустерта; д. 24, в. 2,10, ↓ ; С₄, инв. 5875, колл. 126/137.
140. То же. Поверхность неровная, полустерта; д. 23; в. 2,25, ↑ ; С₃, инв. 5876, колл. 126/138.
141. То же. Л. и об. ст.: рисунок едва обозначен. С краю обрезан; д. 24, в. 1,7, ↓ ; С₂, инв. 5877, колл. 126/139.
142. То же. Полустерта; д. 24, в. 2,40, ↓ ; С₄, инв. 5878, колл. 126/140.
143. То же, другой штемпель. Л. ст.: надпись оплыла. Изображение царя четкое; д. 24, в. 1,90. ↑ ; С₂, инв. 5879, колл. 126/141.
144. То же. Л. ст.: едва читается надпись, остальные детали стерты; д. 24, в. 1,95, ↑ ; С₃, инв. 5880, колл. 126/142.
145. То же, вариант. Л. ст.: изображение царя передано уже, чем обычно, кружок неровный, штемпель сдвинут. Об. ст.: стерта; д. 24, в. 2,10, ↑ ; С₄, инв. 5881, колл. 126/143.
146. То же, другой штемпель, полустерта, кружок с краю обрезан; д. 24, в. 1,8, ↓ ; С₃, инв. 5882, колл. 126/144.
147. То же. Л. ст.: полустерта; д. 24, в. 1,9, ↑ ; С₄, инв. 5883, колл. 126/145.
148. То же, полустерта; д. 24, в. 2,60, ↓ ; С₃, инв. 5884.
149. То же; д. 24, в. 2,64, ↑ ; С₂.
150. То же; д. 23, в. 2,50, ↓ ; С₃.

Серебро

Бухарские подражания образцу, восходящему к монетам Вахрамана V (420—438).

151. Без обозначения имени правителя, места и времени выпуска (Бухара, вторая четверть VIII в., не позже 755 г.).

Л. ст.: погрудное изображение царя передано схематически — штрихами и точками разной величины. Над венцом царя полумесяц с точкой над ним; перед лицом царя надпись бухарским письмом: $\text{rw}'\text{g}' \text{ } \text{y}'\text{g}' \text{ } \text{b}'\text{k}'\text{w}'$. «Государь Бухары царь». Слева за венцом арабская надпись بِسْمِ , «во мое имя?», под надписью рисунок,

передающий развевающиеся ленты над плечами царя. Все в точечном круге.

Об. ст.: профильное изображение головы царя повернуто вправо; над головой его полумесяц без точки. Обрезана по краям по точечному кругу; д. 24, в. 2,65, $\downarrow$; S_{2-3} , б/н². Найдена на городище Афрасиаб в 1970 г. на раскопе К-9.

152. Аббасидские подражания бухарским драхам Мухаммад ал-Махди (759—755).

153. Л. ст. погрудное изображение царя передано схематически штрихами и точками: перед лицом царя стертая местная надпись: $\text{rw}'\text{g}' \text{ } \text{y}'\text{w}'\text{b}' \text{ } \text{k}'\text{w}'$ «Государь Бухары царь». Слева за венцом арабская надпись: المهدي — «ал-Махди».

Об. ст.: посередине алтарь с двуступенчатым основанием, над ним в пламени голова царя, обращенная вправо. С двух сторон алтаря фигуры мобедов (стражей); д. 24, в. 2,10, $\leftarrow$; S_3 , инв. 5351, колл. 106/17, тип как у № 1. Найдена на городище Афрасиаб в 1970 г. при раскопках соборной мечети.

154. Ал-Амин ибн Харун (?) (193—198/809—813). Ал-Амин Али Сулейман Лиллах.

Л. ст.: как у предыдущего типа. Погрудное изображение Вахрамана V передано схематически штрихами и точками, над венцом царя кружок. Изображение окружено изящно выполненной односторонней арабской надписью, начинающейся у правого плеча царя:

$\text{بِسْمِ اللّٰهِ مُحَمَّدٌ رَّسُوْلُ اللّٰهِ مُحَمَّدِيَةٌ مِمَّا اَمْرَبَهُ الْاَمِيْنُ عَلٰى سَلِيْمِنَ لِلّٰهِ}$

«Во имя Аллаха, Мухаммад, посланник Аллаха, Мухаммадия. Из того, о чем приказал ал-Амин Али Сулейман Лиллах». Об. ст.: как у предыдущего, но несколько схематизированна; д. 23, в. 25; $\uparrow$; S_2 , инв. 5885, колл. 127/1. Найдена в Пастдаргомском районе.

² Ср.: Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963, № 13.

161. То же. Надпись отчетливая. По краю кружка остатки литника; д. 22, в. 2,36. Найдена в 1977 г. на Афрасиабе; подъемная.

Гурак (710—738)

162. Без обозначения места и времени (Самарканд). Л. ст.: два династийных (родовых) знака расположены у двух противоположных сторон квадратного отверстия, заключенного в узкую рамку. Справа У-образный знак, повернутый вправо, слева — вариант бухарского знака. По внешнему краю узкий ободок.

Об. ст.: надпись в две концентрические строки: 'wу'rk MLK' «ихшид Гурак». Квадратное отверстие заключено в рамку. По внешнему краю неширокий ободок. Остатки литника; д. 23, в. 3,00, ; С₁, инв. 5889, колл. 128/4. Найдена в 1974 г. в центральном раскопе на полу помещения с росписями. Тип как у Смирновой⁴ каталог.

163. То же; д. 21, в. 4,10, б/н. Подъемная.

Тургар (738—750), тип А

164. Без обозначения места и времени (Самарканд). Л. ст.: два династийных знака, расположенных по сторонам квадратного отверстия, заключенного в неширокую рамку. Справа У-образный знак, повернутый вправо, слева — вариант крестообразного знака, такого же как на монетах Гурака. По краю неширокий ободок. Квадратное отверстие заключено в рамку. По краю ободок. С краю обломана, остатки литника; д. 20, в. 2,15, —; С₁, инв. 5890, колл. 128/5. Найдена в 1972 г. на городище Афрасиаб на полу помещения 3 в центральном раскопе. Тип как у Смирновой⁵.

165. То же. Л. ст.: знаки едва обозначены. Рамочка узкая, ободок неровный. Об. ст.: надпись слегка оплыла. Края кружка неровные; д. 21, в. 1,78, ↓ ; С₃₋₄, инв. 5891, колл. 128/6. Найдена в 1972 г. на Афрасиабе в центральном раскопе на глубине 1 м.

166. То же. Л. ст.: стерта. Об. ст.: едва читается надпись, полустертая. Металл окислен; д. 20, в. 1,74, —; С₄, инв. 5892, колл. 128/7. Найдена на Афрасиабе в 1973 г. в центральном раскопе над забутовкой 2-го уровня.

167. То же. Л. ст.: знаки едва обозначены, неровная рамочка, неширокий ободок. По краям остатки литника. Металл окислен; д. 20, в. 1,70, ↗ ; С₄, б/н. Найдена в 1971 г. на территории Самарканды в раскопе № 3.

168. То же. Л. ст.: гладкая. Об. ст.: надпись отчетливо читается. Края кружка неровные, следы литника. Монета в мелких тре-

⁴ См.: Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пенджикент, № 161—163.

⁵ Там же, № 164—197.

щинах; д. 21, в. 1,45, ↗ ; С₃, б/н. Найдена в 1971 г. в раскопе 4 яруса XIV кв. XII на территории площади Регистан г. Самарканда.

169. То же. Такая же монета с неровной поверхностью и едва выступающей надписью. Монета обломана на две части. Металл окислен; д. 21, в. 200, ↓ ; С₄, б/н. Найдена там же.

Тургар (738—750), тип Б

170. Без обозначения места и времени (Самарканд). Л. ст.: над квадратным отверстием помещен добавочный знак в виде полукруга. Знаки по сторонам квадратного отверстия на л. ст. и надпись на об. ст. такие же, как на монетах типа А того же правителя, но несколько деформированы и необычно высокого рельефа. Рамки и ободки по краю монеты узкие, рельеф их такой же высокий, как у знаков и надписей; д. 16, в. 1,70, ↑ ; С₃, инв. 5893, колл. 128/8. Найдена на Афрасиабе в 1973 г. в центральном раскопе в шурфе. Тип как у Смирновой⁶ и Т. Ерназаровой⁷.

171. То же. Л. ст.: знаки несколько стертые, плохо отлились, рамка чуть заполнена металлом. К краю обломана, металл окислен; д. 19, в. 1,55, → ; С₄, б/н. Найдена в 1971 г. на Регистане в котловане.

172. То же. Знаки и надпись не отчетливы. Кружок по краям обломан; д. 18, в. 1,45, ↑ ; С₃, б/н. Найдена на Афрасиабе в 1968 г. на раскопе Ахраровым.

Неизвестный ихшид (первая четверть VIII в.)

173. 'wkk (?). Без обозначения места и времени года (Самарканд). Л. ст.: по сторонам квадратного отверстия, заключенного в широкую рамочку, знаки согдийских ихшидов. Справа трехконечный знак, концы которого загнуты в виде спиралей вправо. Слева U-образный знак. По краю кружка неровный неширокий ободок. Об. ст.: надпись: 'wkk (?) wrt gmwk MLK'. Квадратное отверстие заключено в рамочку. По краю узкий ободок. Следы литника. Металл окислен; д. 21, в. 192, ; С₃, инв. 5894, колл. 128/9. Найдена на городище Афрасиаб в 1973 г. в центральном объекте № 1. Тип как у О. И. Смирновой⁸ и Т. С. Ерназаровой⁹.

174. То же. Обломана на четыре части; инв. 5895, колл. 129/1. Найдена на Кулдортепа в 1972 г. в цитадели (раскоп) кв. Д-7.

⁶ Там же, № 198—297. Денежное обращение.

⁷ См.: Ерназарова Т. С. Денежное обращение Самарканда по археолого-нумизматическим данным, № 102—118.

⁸ См.: Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пенджикент, № 301—341.

⁹ См.: Ерназарова Т. С. Денежное обращение Самарканда по археолого-нумизматическим данным, № 119—132.

175. Неизвестный правитель (Фергана). Л. ст.: неоседланный конь, идущий влево, передняя правая нога приподнята и согнута в колене. Над конем стертая согдийская надпись. По краю кружка неширокий ободок. Об. ст.: стерта; д. 18, в. 1,86; С₃. Найдена на Афрасиабе в бадрабе¹⁰.

Неопределенные монеты Самаркандских ихшидов

176. Обломок. Металл окислен; С₄, инв. 5896, колл. 128/10. Найден на Афрасиабе в центральном раскопе № 3.

177. Обломок; С₄, инв. 5897, колл. 128/11. Найден на Афрасиабе в 1973 г. около городской стены.

178. Обломки. Металл окислен; С₄, инв. 5898, колл. 128/12. Найдены в 1973 г. в центральном объекте на глубине 4,5 м.

179. Обломки. Об. ст.: следы надписей; С₄, в. 1,56, инв. 5899, колл. 128/13. Металл окислен. Найдены в 1972 г. на Афрасиабе.

Монеты Чача

180. С изображением полуфантастического животного. Л. ст.: бегущее вправо полуфантастическое животное, напоминающее льва с открытой пастью; большая голова чуть закинута, правая лапа поднята, животное хлещет себя хвостом, извивающимся за спиной. Изображение протупает неотчетливо. Об. ст.: в поле по середине вилообразный знак, обращенный вправо, над знаком и под ним согдийская надпись: $\gamma\omega\beta\omega$ tr'β или trпβс (?). По краям кружка остатки литника; д. 17, в. 2,22, —; С₁, инв. 5900, колл. 128/14. Найдена на Афрасиабе в 1972 г. в соборной мечети у северного входа. Тип как у О. И. Смирновой¹¹ и Т. С. Ерназаровой¹².

181. То же. С краю остаток литника; д. 18, в. 2,1, С₂, б/н. Найдена на площади Регистан при строительстве музея.

182. Неопределенная монета. Л. ст.: стерта. Об. ст.: в поле по середине знак ى , под ним стертая согдийская надпись, в которой читается только ...β... Кружок неровный; д. 18, в. 1,5, С₄, инв. 5901, колл. 128/15. Найдена на Афрасиабе в соборной мечети у северной стены.

Аббасидские фельсы Ал-Ашас ибн Йахйа

183. Самарканд 144/761 гг. Л. ст.: в поле в точечном круге: لا اله الا الله وحده «Нет бога, кроме Аллаха единого». Круговая легенда: بسم الله ضرب بسمرقند سنة اربع واربعين و مئة

¹⁰ Ср.: Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пенджикент, № 734.

¹¹ Там же, № 747—774.

¹² Ерназарова Т. С. Денежное обращение Самарканда по археологическим данным, № 165—167.

«Во имя Аллаха выбит в Самарканде (в) год 144». Все в точечном круге. Об. ст.: в поле в точечном круге **محمد رسول الله** «Мухаммад, посланник Аллаха». Под надписью знак согдийских ихшидов, изображение в горизонтальном положении. Круговая легенда: **امر الا شعث بن ريحي في ولية المهدي الامير بن امير المؤمنين** «Приказал (выбить его) Ал-Ашас ибн Йахйа в наместничестве ал-Махди Ал-Амира Мухаммада, сына Амира правоверных». Все в точечном круге; д. 18, в. 2,48, ↓; С₁, инв. 5363, колл. 106/31. Найдена на Афрасиабе в 1970 г. Подъемная.

184. То же, другая матрица. Об. ст.: чуть стерта. Кружок обломан, по краям обрезан; д. 16, в. 1,53; С₃, инв. 5902, колл. 128/16. Найдена в 1972 г. в Рабаттепа в Самаркандском районе в закладке коридора на глубине 1,5 м.

Хамза ибн 'Амр. Самарканд (153—770)

185. Л. ст.: в поле почти стертая надпись **لا اله الا الله وحده**
От круговой легенды сохранилось: **... بن عمرو في ولية الامير حميد...**
[Хамза] сын 'Амра в наместничестве ал-Амира Хумейда [сына Кахтаба]. Кружок неровный, местами обломан; д. 20, в. 2,80; С₄, инв. 5903, колл. 128/17. Найдена в 1973. Подъемная.

Гасан ибн Аббад

186. Самарканд (205—822). Л. ст.: в поле в трех строках: **بسم الله ضرب هذا الفلص** Круговая легенда: **لا اله الا الله وحده**
«Во имя Аллаха выбит этот фельс в Самарканде в 205 г.». Об. ст.: в поле: **محمد رسول الله** Сверху помещено слово **له** Внизу буква **م** Круговая легенда: **مما امر به**
الامير غسان بن عباد ايقاه الله «Из того, относительно чего приказал ал-Амир Гассан ибн Аббад, да продлит его (жизнь) Аллах». Кружок по краям обрезан?; д. 23, в. 1,53; ←: С₁, инв. 5904, колл. 128/18. Найдена в 1972 г. на Афрасиабе в центральном раскопе на глубине 1 м 20 см.

187. То же, другая матрица. Кружок по краям обрезан; д. 18, в. 1,42, ; С₂, инв. 5905, колл. 128/19. Найдена на Афрасиабе в 1973 г. в центральном раскопе на глубине 2 м 40 см.

Неизвестный правитель

188. Л. ст.: неоседланный конь, идущий вправо, передняя левая нога приподнята и согнута в колене. Над конем знак **∫○∫**.

Вокруг коня круговая легенда, от которой сохранились: الفليس...
عشرون و مائتين... этот фельс (выбит) в ...двести двадцать... го-
ду. Об. ст.: в точечном круге в трех строках: محمد رسول الله
От круговой легенды сохранились только начальные слова:
...مما امر به الأمير... «Из того, относительно чего приказал ал-
Амир..». Края кружка неровные, местами обломаны; д. 21, в. 1,70,
← ; Сз, б/н. Найдена на городище Кулдортепа в 1972 г. в цитаде-
ли на глубине 20 см¹³.

189. Л. ст.: как на предыдущей монете, едва заметны следы
надписей. Об. ст.: в поле в точечном круге в трех строках:
محمد رسول الله Над словом الله точка. Круговая надпись стерта;
д. 21, в. 1,95, б/н. Найдена близ Ишратханы в 1976 г. Подъемная.

---

¹³ Ср.: Вайнберг Б. И. Монеты Древнего Хорезма. М., 1977, табл. XX,
№ 15.

Б. КОЧНЕВ

ЗАМЕТКИ ПО СРЕДНЕВЕКОВОЙ НУМИЗМАТИКЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ. ЧАСТЬ 2 (КАРАХАНИДЫ)

Еще раз об авторе Варухской надписи

Известная еще с прошлого столетия северная надпись в Варухском ущелье являет собой важный исторический источник и тщательно и всесторонне рассмотрена Б. А. Литвинским¹. В надписи, точно датированной третьим днем месяца джумада 1433 г. х. (29 декабря 1041 г. н. э.), упомянут Караханид Му'изз ад-Даула Арслан-тегин Абу-л-Фадл ал-Аббас б. Муаййид ал-Адл Илек б. ал-Амир Наср б. Али. Как отметил Б. А. Литвинский, из текста явствует, что Аббас был внуком завоевателя Мавераннахра Насра б. Али, но из самой надписи не видно, кто был отцом Аббаса, поскольку он назван не по имени, а по лакабу: Муаййид ал-Адл. Во второй четверти XI в. в политической жизни Средней Азии участвовали два сына Насра — Бури-тегин Ибрахим и Айн ад-Даула Мухаммад, но «если исходить только из текста, отцом автора надписи мог быть каждый из двух братьев»².

Для решения вопроса о том, кто же был отцом Аббаса, Б. А. Литвинский привлек и рассмотрел обширный нумизматический материал. В результате оказалось, что Мухаммад б. Наср пользовался лакабом Муаййид ал-Адл короткое время и задолго до составления Варухской надписи (в 424—425 гг. х.), в то время как Ибрахим проставлял это почетное прозвание на монетах уже в 431 г. х., а также и в последующие годы, после утверждения своей власти в Мавераннахре. Ко времени написания Варухской надписи лакаб Муаййид ал-Адл, принадлежавший некогда Насру б. Али, тем не менее мог относиться к Мухаммаду, что последний утратил часть своих владений в Фергане, тогда как Ибрахим успешно вел захват Мавераннахра, имел все основания считать себя преемником отца и претендовать на его титул. Следовательно, отцом Аббаса был Ибрахим Бури-тегин.

Существует, однако, точка зрения О. Прицака, согласно которой Аббас приходился сыном брату Ибрахима — Мухаммаду, но никаких доказательств тому не приведено³. Новые монетные данные показывают, что прав был скорее всего О. Прицак.

¹ Литвинский Б. А. Северная надпись в Варухском ущелье (Опыт исторического исследования по данным нумизматики).— В сб.: КСИИМК. Вып. 61. М., 1956, с. 114—119.

² Там же, с. 114.

³ Pritsak O. Die Karachaniden. Der Islam. Bd. XXXI/I. Berlin, 1953 s. 44.

Рассмотрев саганианский чекан Ибрахима б. Насра, Е. А. Давидович показала, что свой титул «Тафгач-хан» или «Тафгач Богра-хан» он принял еще до 433 г. х.— в 432 или даже 431 г. х.⁴ Между тем отец автора Варухской надписи и в 433 г. х. назван илеком. Коль скоро Ибрахим стал к этому времени обладателем более высокого ханского титула, то илеком должны были титуловать никак не его, а другое лицо, в данном случае — Мухаммада б. Насра, который и был, следовательно, отцом Аббаса.

К тому же выводу можно прийти и иным путем. Б. А. Литвинский предположил, что упомянутый на монетах Ахсикета 417, 418, 420 гг. х. и Касана 423 г. х. правитель с лакабом Му'изз ад-Даула идентичен автору Варухской надписи⁵, лакаб которого тот же самый. М. Н. Федоров полностью принял эту идентификацию⁶, тем более, что исследованные им монеты Ахсикета и Касана с лакабом Му'изз ад-Даула доходят до 433 г. х., т. е. до времени составления Варухской надписи, расположенной, как и Ахсикет с Касаном, в пределах Ферганы. Дирхемы Ахсикета 427, 428, 430, 431 и 433 г. х. и Касана 430—433 гг. х.⁷ выбиты от имени правителя, который титулуется как Му'изз ад-Даула Абу-л-Музаффар Малик. Последнее слово в этой титулатуре есть, скорее всего, тюркское имя Аббаса (ср. Малик б. С. к. р.— тегин насрабадских фельсов 336—344 гг. х.⁸ На монетах Ахсикета 415 г. х. и Касана 423 г. х.⁹ Малик назван сыном *ملكان* До сих пор оставалось неясным, кто же скрывается под этим именем. Решить этот вопрос помогает неизданный дирхем из Первого Кульятинского клада¹⁰.

1. Ахсикет, 415 г. х.

Л. ст.: в поле:

عين الدولة / لاله الا / الله وحده / لاشريك له ملكان

⁴ Давидович Е. А. Клад саганианских монет второй четверти XI в. как исторический источник.— В сб.: Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1968. М., 1970, с. 92, 94.

⁵ Литвинский Б. А. Северная надпись в Варухском ущелье, с. 119.

⁶ Федоров М. Н. Ферганский клад караханидских дирхемов 1034—1043 гг.— В ж.: СА. 1968, № 3, с. 225.

⁷ За исключением ахсикетского дирхема 427 г. х. все остальные монеты опубликованы М. Н. Федоровым (см.: Федоров М. Н. Ферганский клад караханидских дирхемов 1034—1043 гг., с. 221—223). Дирхем Ахсикета 427 г. х., выбитый от имени Кадыр-хана и Му'изз ад-Даула Абу-л-Музаффара Малика, кажется, не издан и хранится в коллекции В. В. Кучерова (г. Ташкент).

⁸ Давидович Е. А. Владетели Насрабада (по нумизматическим данным).— В сб.: КСИИМК. Вып. 61. М., 1956, с. 107 и т. д.

⁹ Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1897, с. 245, № 347; с. 251, № 380.

¹⁰ Клад караханидских дирхемов найден в июне 1972 г. на территории колхоза им. Калинина Пскентского района Ташкентской области в районе городища Кульата, т. е. в пределах развалин средневекового Туккета. В его составе 499 целых монет, 50 половинок и обломков и один перстень. Хранится в Музее истории народов Узбекистана. Назван Первым в отличие от Второго Кульятинского клада, который состоит из раннекараханидских фельсов и найден в 1976 г. на городище Кульата.

Кругом, между внутренним двухлинейным и внешним линейно-на-
сечным ободками,— выпускные сведения:

بِسْمِ اللَّهِ ضَرْبُ هَذَا الدَّرْهَمِ بِأَخْسِيكَتْسَنَةِ خَمْسِ عَشْرٍ وَ أَرْبَعِ مَائَةٍ

Об. ст.: в поле:

لله

محمد رسول الله / القادر بالله الملك

طنغاخان ملكان

Кругом, между внутренним двухлинейным и внешним насечно-ли-
нейным ободками,— Коран, IX, 33.

Как видно из описания, **ملكان** выступает здесь вассалом
Тонга (-Тоган)-хана, причем надпись лицевой стороны разъясняет,
кто же этот **ملكان**: данное имя начертано под символом веры,
над ним же стоит «Айн ад-Даула». Такое расположение имени и
лакаба не оставляет сомнений в принадлежности их одному и то-
му же лицу — именно Мухаммаду б. Насру (ср. «ал-Муаййид ал-
Адл Ибрахим» выше и ниже символы веры на саганианских мо-
нетах 432 г. х.)¹¹. Иными словами, **ملك** — это, видимо, тюрк-
ское имя Мухаммада, правильную транскрипцию которого следу-
ет ожидать от тюркологов (О. Прицак читает «Маликан»¹²,
М. Н. Федоров — «Мулкан»¹³, однако обоснований ни того, ни дру-
гого чтения не приводится). Но если **ملكان** есть Айн ад-Дау-
ла Мухаммад б. Наср, то отцом Му'изз ад-Даула Малика (-Аб-
баса) сына **ملكان** был именно Мухаммад.

Отождествление **ملكان** с Мухаммадом б. Насром важно и
в том отношении, что уточняет наши представления о размерах
владений последнего после смерти Арслан-хана. До сих пор были
известны монеты Мухаммада, чеканенные почти исключительно в
пределах Ферганы: Узгенд 411, 414, 416, 421—425 гг. х., Ахсикет
415, 417 гг. х., Ходжент 434 г. х., Куба 44 [1, 2, 4] и 446 г. х.¹⁴, а также
Маргинан 446 г. х. и Куба 447 г. х.¹⁵ Добавим сюда неизданный
фельс Ахсикета 413 г. х., на котором упомянуты Арслан-хан, Му-
хаммад б. Али (на об. ст.) и Мухаммад б. Наср (на л. ст.)¹⁶. Не-

¹¹ Давидович Е. А. Клад саганианских монет второй четверти XI в.
как исторический источник, с. 93—94.

¹² Grijsak O. Karachanidische Streitfragen. «Oriens», vol. 3, N. 2, Leiden,
1950, s. 225.

¹³ Федоров М. Н. Политическая история Караханидов в конце первой
и во второй четверти XI в.— В сб.: НЭ. Т. XI. М., 1974, с. 176.

¹⁴ Давидович Е. А. О двух караханидских каганатах.— В ж.: «Народы
Азии и Африки», 1968, № 1, с. 70, табл. 1. Ахсикетская монета 417 г. х. при-
ведена по А. К. Маркову и датирована 427 г. х., однако ошибку А. К. Марко-
ва исправил Р. Фасмер. *Vasmcs. R. Zur Münzkunde der Qarachaniden. 1930. s. 94.*

¹⁵ Кочнев Б. Д., Федоров М. Н. Два клада караханидских дирхемов
середины XI в. из Киргизии.— В сб.: НЭ. Т. XI. М., 1974, с. 183—184.

¹⁶ Фельс найден в 1976 г. археологом И. Ахраровым при раскопках в мав-
золее Ходжамны-Кабры в Намангане.

опубликованный дирхем из Первого Кульятинского клада дополняет этот список еще одним монетным двором Мухаммада б. Насра — это Илак.

2. Илак, 415 г. х.

Л. ст.: в поле:

سيف
لا اله الا
الله وحده/لا شريك له
الدوله

Кругом, в линейном ободке,— выпускные сведения:

بسم الله ضرب هذا الدرهم بايلاق سنة خمس عشرة اربعمائة

Об. ст.: в поле:

لله
محمد رسول الله
القادر بالله الملك/طنغاخان/
ملكان

Кругом, между двух линейных ободков,— Коран, IX, 33.

Из надписей данного дирхема явствует, что в 415/1024—1025 гг. после смерти Арслан-хана и утверждения у власти Тонга (-Тоган)-хана Мухаммад б. Наср (ملكان) в качестве вассала последнего стал на некоторое время владельцем Илака. Видимо, воспользовавшись смутным временем, связанным со сменой государя, Мухаммад б. Наср сумел каким-то путем распространить свою власть за пределы Ферганы и включить в число своих владений Илак, соседнюю с Ферганой горнорудную область.

М. Н. Федоров упоминает дирхем, который выпущен от имени Мухаммада б. Насра и его сюзерена Арслан-хана в... Орду (или только Орду?), причем не сомневается, что это Куз Орду, т. е. Баласагун¹⁷. Но это может быть также Ил Орду или Орду и в последнем случае обозначать просто «ставку», которая могла находиться где угодно, в том числе и в Фергане.

Тоган-хан II — Мухаммад Б. ал-Хасан

Давно считается доказанным тождество Тоган-хана I и Ахмада б. Али, который скончался в 407/1016—1017 или 408/1017—1018 гг. Уже в 405/1014—1015 гг. на монетах появляется титул Арслан-хана, который после смерти Ахмада стал верховным правителем все-

¹⁷ Федоров М. Н. Баласагун при Караханидах (по данным нумизматики).— В ж.: «Изв. АН КиргССР», 1975, № 2, с. 91.

го Караханидского государства (за исключением Восточного Туркестана, где правил Кадыр-хан Йусуф). Большинство исследователей, включая М. Н. Федорова, считают Арслан-ханом брата Ахмада — Мухаммада б. Али, в то время как О. Прицак, ссылаясь на сообщение турецкого историка XV в. Мехмеда Нешри, приписал этот титул третьему брату — Мансуру б. Али. Неопубликованный дирхем 408 г. х., выбитый в Куз Орду (Баласагуне), совершенно решает спорный вопрос в пользу мнения О. Прицака: титул Арслан-хан вместе с именем Мансур б. Али помещен в круговой надписи об. ст. и не может относиться ни к кому, кроме Мансура¹⁸.

После смерти Арслан-хана, последовавшей в 415/1024—1025 гг., на монетах вновь появляется титул Тоган (или Тонга)-хан, о принадлежности которого тоже нет единого мнения. М. Н. Федоров видит в Тоган-хане 415—416 гг. х. Мансура б. Али, доказывая свою точку зрения следующим образом.

В 411—415 гг. х. в Бухаре выпускаются две группы монет: на одних упоминается Баха ад-Даула Бига-тегин (правильнее Ианга-тегин), на других — Илек ал-Мансур, в котором М. Н. Федоров видит Мансура б. Али. Поскольку Илек ал-Мансур и Бига-тегин — одно и то же лицо, лакаб Баха ад-Даула принадлежал Мансуру б. Али.

На ходжендском дирхеме 415 г. х. после имени халифа представлена титулатура, имеющая следующую форму: ал-Малик Тоган-хан Баха ад-Даула Илек. Все эти титулы М. Н. Федоров относит к одному лицу — Мансуру б. Али, ибо ему принадлежал лакаб Баха ад-Даула. Тот же лакаб выбит на бухарском фельсе 416 г. х. с упоминанием Тонга-хана. Следовательно, в 415—416 гг. х. Тоган-ханом был Мансур б. Али, а позднее — другой Караханид¹⁹.

Как мы видели, у Мансура был совсем другой титул — Арслан-хан, так что, если даже признать тождественность Баха ад-Даула и Илека ал-Мансура, нет никаких оснований приписывать этот лакаб Мансуру б. Али, тем более, что и титул Илек ал-Мансур никакого отношения к последнему не имеет, ибо означает лишь «илек победоносный». На ходжендском дирхеме 415 г. х. упомянуты, конечно, два лица: Тоган-хан и его вассал Баха ад-Даула Илек (правитель с высоким ханским титулом не стал бы именовать себя Илеком и наоборот). Таким образом и в 415—416 гг. х. и позднее Тоган-ханом был не Мансур б. Али, а другое лицо.

Байхаки называет Тоган-хана братом Али-тегина, который на монетах упомянут как Али б. ал-Хасан. Единственный, кроме него, Хасанид, известный О. Прицаку по монетам, это Ахмад б. ал-

¹⁸ Подробнее см.: Кочнев Б. Д. К идентификации некоторых раннекараханидских титулов и лакабов.— В сб.: История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978, с. 221.

¹⁹ Федоров М. Н. Политическая история Караханидов в конце первой и во второй четверти XI в., с. 158, 161, 165—166, 174.

Хасан, которому он приписал титул Тоган-хан²⁰. С этим согласился и М. Н. Федоров, считавший, что после смерти Мансура данный титул принял Ахмад²¹. Пишущий эти строки, обнаружив фельс с упоминанием еще одного сына Хасана—Хусайна, предположил, что Тоган-ханом мог быть не обязательно Ахмад, но какой-то другой Хасанид, например, Хусайн²².

Неизданный фельс Согда 416 г. х.²³ показывает, что на самом деле титул Тоган-хан принадлежал Мухаммаду б. ал-Хасану.

3. Согд, 416 г. х.

Л. ст.: в поле:

خان

ملك المشرق

Первое слово заключено в полумесяц, острые концы которого почти смыкаются и разделены кружком, под этим словом — точка. Кругом, между внутренним тройным (точечный между двумя линейными) и внешним одинарным линейным ободками,— выпускные сведения:

بسم الله ضر بهذا الفللس بالسفد سنة ست عشر اربع
(так!)

Об. ст.: в поле:

طنغان/خان/محمد بن الحسن

Кругом, между внутренним точечным и внешним линейным ободками,— символ веры:

محمد رسول الله لا اله الا الله وحده لا شريك له

Не вполне ясно, как следует правильно читать титул Мухаммада б. ал-Хасана на данном фельсе. На других монетах 415—418 гг. х. написание этого титула имеет три варианта:

سكاخان (Тонга-хан), طنغانخان (Тонга-хан) и طغان خان (Тонга-хан?). На описанном фельсе Согда мы видим четвертый вариант, который образовался, видимо, в результате сочетания первых двух, но правильное его чтение и транскрипцию мы установить не беремся.

На лицевой стороне фельса выбито: Хан Малик ал-Машрик. И до 416 г. х., и после этот титул мы встречаем только на монетах Кадыр-хана Йусуфа. На ряде его монет вся титулатура исчерпывается этими тремя словами, т. е. титул «Хан Малик ал-Машрик» был настолько индивидуальным, присущим только Кадыр-хану, что никаких дополнительных разъяснений (с указанием имени или

²⁰ Pritsak P. Karachanidische Streitfragen, s. 223, Anp. 68.

²¹ Федоров М. Н. Политическая история Караханидов в конце первой и во второй четверти XI в., с. 174.

²² Кочнев Б. Д. К идентификации некоторых раннекараханидских титулов и лакабов, с. 224.

²³ Хранится в собрании Музея истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека в городе Ташкенте, колл. 123 (№ 163).

лакаба) не требовалось. В этой связи трудно допустить, что одновременно тем же титулом стал пользоваться Мухаммад б. ал-Хасан. Скорее можно предположить иное: под титулом «Хан Малик ал-Машрик» здесь подразумевается все же Кадыр-хан в качестве сюзерена Мухаммада.

Какие причины могли заставить последнего признать себя вассалом Кадыр-хана? Ответ на это дают письменные источники, сведения о которых подробно рассмотрены и изложены В. В. Бартольд²⁴.

В 416/1025 г. Махмуд Газневид вторгся с войском в Мавераннахр. Поводом для вторжения послужили жалобы жителей Мавераннахра на действия Али-тегина, который к тому же не пропускал послов Махмуда в Восточный Туркестан. Одновременно со стороны Кашгара выступил Кадыр-хан, дошел до Самарканда и южнее его свиделся с Махмудом. При встрече было решено общими силами отнять у Али-тегина Мавераннахр и передать его сыну Кадыр-хана. Махмуд разгромил союзных Али-тегину туркмен, но, ограничившись захватом обоза, бежавшего в степь Али-тегина, ушел в Газну.

По-видимому, поход Кадыр-хана и Махмуда был направлен не только против Али-тегина, но и против его брата и сюзерена Тоган-хана. Успехи союзников, пусть временные, заставили последнего признать себя вассалом Кадыр-хана. Все известные до сих пор монеты Тоган-хана никак не упоминают Кадыр-хана, фельс Согда 416 г. х. в этом отношении исключение. Поэтому можно думать, что вассалитет Мухаммада б. ал-Хасана продолжался недолго.

На какие же территории распространялась его власть? Ответ на этот вопрос дают только монеты, которые мы здесь вкратце и рассмотрим, привлекая также неизданный материал.

Известны монеты Тоган-хана, выпущенные в Бухаре в 416/1025—1025 гг. На л. ст. фельса выбито Тонга(?)—хан. (سکاخان), на об. ст.—Баха ад-Даула Арслан-илек²⁵. На л. ст. дирхема упомянут: б. Х... Илек, на об. ст.: Тоган-хан Абу-л-Музаффар Илек²⁶ (здесь, конечно, названы два правителя — Тоганхан и Илек, но неясно, к кому из них относится кунья Абу-л-Музаффар). Описанный фельс Согда 416 г. х. показывает, что Мухаммаду б. ал-Хасану подчинялась также и территория Самаркандского Согда. То же самое следует ожидать о Ходженде (см. упомянутый дирхем Ходженда 415 г. х.). Правами сюзерена Тоган-хан пользовался также в Ахсикете в 415, 417 и 418 гг. х. и в Илаке в

---

²⁴ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. Т. I. М., 1963, с. 344—347.

²⁵ Dogn V. Über die Münzen der Ileke oder ehemaligen Chane von Turkistan. *Melanges Asiatiques*, t. VIII, 1881, s. 723 (N. 64).

²⁶ Федоров М. Н. Политическая история Караханидов в конце первой и во второй четверти XI в., с. 165.

415 г. х.²⁷ Его власть признавалась и в столице Илака Тункете, о чем свидетельствует дирхем из Первого Кульятинского клада, выпущенный в этом городе в 416(?) г. х. от имени Тонга-хана и давнего тункетского владетеля Адуд ад-Даула.

4. Тункет, 416(?) г. х.

Л. ст.: в поле:

لا اله الا / الله وحده / لا شريك له

Внизу — неясное слово уйгурским письмом. Выпускные сведения — квадратом:

... لله ضر / بهذا الدرهم / بتونكت سنة ست(?) / عشرة اربع...

Все в линейном ободке.

Об. ст.: в поле:

الله

محمد رسول الله

القادر بالله طنغا/خان عضد الدولة.....

Кругом, между двух линейных ободков,— Коран, IX, 33 (сохранилась частично).

В Шаше в 416 г. х. тоже выпускались дирхемы от имени Тоган-хана, но васал здесь другой — Баха ад-Даула (Первый Кульятинский клад).

5. Шаш, 416 г. х.

Л. ст.: в поле — узор:

لا اله الا / الله وحده / لا شريك له

بها الدولة

Внизу узор.

Кругом, между двух линейных ободков,— выпускные сведения:

بسم الله ضر بهذا الدرهم بالشاش سنة ست عشر و اربعمائه

Вариант: выпускные сведения — квадратом.

Об. ст.: в поле:

الله

محمد رسول الله / القادر بالله /

الملك العادل ايلك طغان خان /

Кругом, между двух линейных ободков,— Коран, IX, 33.

Известны также монеты Тоган-хана, выпущенные в Испиджабе

²⁷ О дирхемах Ахсикета 417 и 418 гг. х. см.: Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа, с. 246, № 352—353.

(416 г. х.), Таразе (417 г. х.)²⁸ и главной столице Караханидского государства Куз Орду (-Баласагуне, 416 г. х.)²⁹.

Таким образом, монеты свидетельствуют о том, что власть Тоган-хана II Мухаммада б. ал-Хасана признавалась в Семиречье, Испиджабе, Шаше, Илаке, Фергане, Ходженде и Центральном Мавераннахре, т. е. фактически во всех владениях, в которых до того верховным сюзереном был Арслан-хан. Лишь Восточный Туркестан, как и прежде, оставался в руках Кадыр-хана Йусуфа.

Однако владычество Тоган-хана над большей частью Караханидского государства продолжалось недолго. Если первые его монеты датируются 415 г. х., то уже на следующий год, видимо, в результате упоминавшегося нашествия Кадыр-хана на Мавераннахр Тоган-хан утратил некоторые владения. Так, в 416 г. х. в Узгенде был выпущен дирхем с упоминанием Кадыр-хана и его сына Сулаймана³⁰, а на фельсе Согда того же года Мухаммад б. Хасан признает себя его вассалом. В 417 г. х. имя Кадыр-хана мы видим на монетах Куз-Орду (-Баласагуна)³¹, Дахкета (город в Илаке)³² и Ахсикета. В этом году в Ахсикете Кадыр-хан выпустил дирхемы трех типов. Один из них опубликован, на нем упомянуты Кадыр-хан и Куч-тегин³³. Два других обнаружены в собрании Музея истории народов Узбекистана (один — в составе Первого Куль-атинскогоклада, второй — в колл. 46 № 37).

б. Ахсикет, 417 г. х.

Л. ст.: в поле:

بن شهاب / لا اله الا
الله وحده / لا شريك له / الدولة

Кругом, между внутренним двойным линейным и внешним насечено-линейным ободками, выпускные сведения:

بِسْمِ اللَّهِ ضَرَّ بِهَذَا الدَّرْهَمِ بِأَخْسِيكَتْسِنَةِ سَبْعِ شَشْرَةِ وَأَرْبَعَمِائَةِ

Об. ст.: в поле:

لله
محمد رسول الله / القادر بالله خا (так)
ملك المشرق / سليمان

Кругом, между внутренним линейным и внешним таким же (?) ободками, — Коран, IX, 33.

²⁸ Федоров М. Н. Баласагун при Караханидах, с. 91.

²⁹ Устное сообщение М. Н. Федорова.

³⁰ Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа, с. 246, № 349.

³¹ Федоров М. Н. Баласагун при Караханидах, с. 91.

³² Кочнев Б. Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. 1. (Саманиды, Караханиды, Джаниды). — В сб.: ИМКУ. Вып. 14. Ташкент, 1978, с. 120.

³³ Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа, с. 253, № 385.

7. Л. ст.: в поле:

عَضْدُ (؟) الدَوْلَةُ / لَا إِلَهَ إِلَّا اللَّهُ / وَحْدَهُ / لَا شَرِيكَ لَهُ

Кругом, между внутренним линейным и внешним линейно-наседч-ным ободками,— выпускные сведения:

بِسْمِ اللَّهِ ضَرَّ بِهَذَا الدَّرْهَمِ بِأَخْسِيكَتْ سَنَةِ سَبْعِ عَشَرَ أَرْبَعِ مَائَةٍ

Об. ст.: в поле:

لِلَّهِ

مُحَمَّدُ رَسُولُ اللَّهِ / الْقَادِرُ بِاللَّهِ قَدْرُ خَانِ مَلِكِ الْمَشْرِقِ

Неясное слово. Кругом, между внутренним линейным и внешним таким же (?) ободками,— Коран, IX, 33.

На первой монете упомянут Хан Малик ал-Машрик, т. е. Кадыр-хан, и его сын Сулайман б. Шихаб ад-Даула³⁴, на второй — Кадыр-хан и какой-то вассал, имевший лакаб Адуд (?) ад-Даула. Наличие трех типов ахсикетских дирхемов 417 г. х. с именем Кадыр-хана позволяет считать, что здесь нет анахронизма, хотя сочетание разновременных штемпелей на одной монете — не такая уж редкость в раннекараханидской нумизматике. Следовательно, хотя в 415 г. х. Ахсикет входил в состав владений Тоган-хана, позднее (может быть, уже с 416 г. х.) он оказался в руках Кадыр-хана, который выпускал здесь монеты 417 г. х. В том же и в следующем году в Ахсикете вновь производится чекан от имени Тоган-хана, который каким-то образом сумел вернуть себе этот город, но ненадолго, ибо уже в 420 г. х. на ахсикетских монетах упоминается Кадыр-хан³⁵.

Отрывочные монетные данные, которыми мы сегодня располагаем, не дают возможности проследить в подробностях ход борьбы между Кадыр-ханом и Тоган-ханом. Ясно лишь, что на отдельных этапах борьба шла с переменным успехом. Она завершилась присоединением к владениям Кадыр-хана всех областей Караханидского государства, кроме Центрального Мавераннахра, а также гибелью Тоган-хана, о которой сообщает Байхаки³⁶.

Поскольку после 418 г. х. имя Тоган-хана на монетах не встречается, М. Н. Федоров уверенно считает этот год «точной датой»

³⁴ Обычно лицевой стороной монеты принято считать ту, на которой выбита первая часть символа веры («Нет бога, кроме Аллаха единого, нет ему сотоварища»), оборотной же ту, где проставлена вторая его часть («Мухаммад — посланник Аллаха»). Между тем и на описанной монете, и на упомянутом дирхеме Узгенда 416 г. х. порядок чтения несомненно иной: на той стороне, которая считается (описана здесь) как оборотная стоит «Сулайман», на «лицевой» же — «б. Шихаб ад-Даула». Быть может, это одно из отклонений от правила, коих в караханидской нумизматике великое множество, но оно все же заставляет задуматься над тем, какая из сторон считалась лицевой, а какая оборотной — в средние века.

³⁵ Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа, с. 250, 373—374.

³⁶ Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда. Перевод А. К. Арндса. Изд. 2-е. М., 1969, с. 644.

его смерти³⁷. Ход рассуждений М. Н. Федорова примерно таков. В 417 и 418 гг. х. в Ахсикете выпускались монеты от имени Тоган-хана, на одном из ахсикетских дирхемов 418 г. х. вместо Тоган-хана упомянут Табгач-каан Илек, т. е. Али-тегин. Поскольку Ахсикет остался в руках Хасанидов, переход его к Али б. Хасану мог произойти только вследствие смерти его брата Тоган-хана.

Логика рассуждений здесь не безупречна. Главное же в том, что на использованном М. Н. Федоровым по публикации дирхеме Ахсикета 418 г. х. упоминается не Табгач-каан (как считал А. К. Марков), а все тот же Тига (-Тоган)-хан³⁸. Сам же факт исчезновения имени Тоган-хана из монетных надписей отнюдь не является доказательством его смерти.

Как мы видели, первые монеты Тоган-хана выбиты в 415 г. х., но монетный чекан Мухаммада б. ал-Хасана появляется намного раньше. Речь идет о монетах Низам ад-Даула Абу-л-Музаффар Тига (-Тонга)-тегина, выпускавшихся в Шаше в 399³⁹, 400⁴⁰ и 401 гг. х.⁴¹ и в Самарканде — в 401⁴² и 403⁴³ гг. х. О. Прицак приписал эту титулатуру Мансуру б. Али⁴⁴, М. Н. Федоров — Мухаммаду б. Али⁴⁵. Последнее тем более странно, что М. Н. Федорову была известна работа Е. А. Давидович, в которой опубликован и рассмотрен дирхем Самарканда 401 г. х. и доказана принадлежность титулатуры Низам ад-Даула Абу-л-Музаффар Тига-тегин Мухаммаду б. ал-Х...⁴⁶ Хотя от имени отца Мухаммада на монете уцелела только одна буква, едва ли можно сомневаться, что Мухаммад б. ал-Х... самаркандского дирхема 401 г. х. тождествен Мухаммаду б. ал-Хасану фельса Согда 416 г. х. Следовательно, задолго до принятия ханского титула Мухаммад б. ал-Хасан был одним из многих удельных князей Мавераннахра и в 399—401 (1008—1011) гг. владел Шашем в качестве вассала Ахмада б. Али, а в 401—403 (1011—1013) гг. — Самаркандом сначала как вассал Ахмада (верховный сюзерен) и Насра б. Али (непосредственный сюзерен), а затем, после смерти последнего, как

³⁷ Федоров М. Н. Политическая история Караханидов в конце первой и во второй четверти XI в., с. 174.

³⁸ Vasmeg R. Zur Münzkunde der Qarachaniden, S. 104.

³⁹ Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа, с. 220, № 195.

⁴⁰ Федоров М. Н. Клад караханидских дирхемов начала XI в. из Ташкента. — В сб.: ИМКУ. Вып. 5. Ташкент, 1964, с. 101.

⁴¹ Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа, с. 220, № 197.

⁴² Давидович Е. А. Клад караханидских монет XI в. из Таджикистана. — В ж.: СА, 1957, № 3, с. 259.

⁴³ Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа, с. 223, № 211.

⁴⁴ Pritsak O. Karachanidische Streitfragen, S. 215—216.

⁴⁵ Федоров М. Н. Политическая история Караханидов в конце X — начале XI вв. — В кн.: НЭ. Т. X. М., 1972, с. 133—134.

⁴⁶ Давидович Е. А. Клад караханидских монет XI в. из Таджикистана, с. 258—259.

вассал только Ахмада б. Али. После 403 г. х. мы не встречаем на монетах титулатуру Низам ад-Даула Абу-л-Музаффар Тонга-тегин, но на фельсе Самарканда 412 г. х. вновь появляется лакаб Низам ад-Даула⁴⁷, который в данном случае, вероятно, принадлежит Мухаммаду б. ал-Хасану. Перед лакабом стоит слово «хан», которое скорее всего относится не к носителю лакаба а к его сюзерену, т. е., видимо, к Арслан-хану.

Итак, монетные данные показывают, что в 399—403 гг. х. Мухаммед б. ал-Хасан носил титул Тонга (Тига)-тегин и был удельным правителем сперва Шаша, а потом Самарканда. Возможно, владетелем Самарканда он оставался какое-то время и впоследствии. В 415 г. х. Мухаммад принял титул Тоган (Тонга)-хана и стал преемником Арслан-хана Мансура б. Али во всех (или почти во всех) его владениях. В борьбе с Кадыр-ханом, которая началась, вероятно, в 416 г. х. и продолжалась по крайней мере до 418 г. х., Мухаммад б. ал-Хасан постепенно потерял все северные области своего государства, Центральный же Мавераннахр остался в руках его брата Али б. ал-Хасана (Али-тегина).

Для полноты картины следует вкратце остановиться на остальных Хасанидах. Письменные источники знают из них только Тоган-хана и Али-тегина, причем более всего подробностей сообщают о последнем. Очень много сведений об Али-тегине почерпнули исследователи из монетных данных.

Уже Г. Ховорс предположил, а Р. Фасмер доказал, что в конце жизни Али б. ал-Хасан принял ханский титул и в 423—426 гг. х. в монетных надписях именовался Табгач Богра Карахаканом⁴⁸. О. Прицак, опираясь на сообщение Байхаки о том, что к 423/1031—1032 гг. Али-тегин уже 30 лет находился в Мавераннахре, попытался выявить ранний чекан Али-тегина и приписал ему монеты 411—415 гг. х., чеканенные в Бухаре от имени Баха ад-Даула Йанга-тегина.

Ибн ал-Асир сообщает, что Али-тегин находился в плену у Арслан-хана, бежал от него, овладел Бухарой и отразил попытку Илека, брата Арслан-хана, отбить этот город. О. Прицак, основываясь на бухарских монетах 411—415 гг. х., предположил, что побег Али-тегина из плена произошел не позже 411/1020—1021 гг.⁴⁹

М. Н. Федоров не согласился с этими выводами и привел свои контраргументы. Поскольку титулатура Баха ад-Даула Йанга-тегин после 415 г. х. исчезает с монет Бухары, которой Али-тегин владел по крайней мере с 416 г. х., а сам носитель этой титулатуры вплоть до 415 г. х. признает себя вассалом Арслан-хана, это не мог быть Али-тегин, бежавший от Арслан-хана и разгромивший его брата. Баха ад-Даула Йанга-тегином был,

⁴⁷ Lane-Poole St. Catalogue of Oriental Coins in the British Museum. T. IX, 1889, p. 193 (N. 441).

⁴⁸ Vasmer R. Zur Münzkunde der Qarachaniden, S. 95—99.

⁴⁹ Pritsak O. Karachanidische Streitfragen, S. 219—220.

по мнению М. Н. Федорова, Мансур б. Али. После смерти Арслан-хана этот правитель принял в 415 г. х. титул Тоган-хана. Тогда же в Бухару бежал Али-тегин, причем сначала он признавал себя вассалом Мансура, который, однако, не удовлетворился этим, в 416 г. х. пошел против Али-тегина, но был им разгромлен, и, возможно, погиб в битве. Утвердившись в Центральном Мавераннахре, Али-тегин принял более высокий титул — Табгач Богра-хан⁵⁰.

В свете приведенных выше новых монетных данных догадки М. Н. Федорова не выдерживают критики. Мансур б. Али не был Тоган-ханом, он носил титул «Арслан-хан» и являлся сюзереном Баха ад-Даула Йанга-тегина. К мнению о том, что эта титулатура принадлежала Али-тегину, О. Прицак пришел скорее логическим путем, не имея надежных нумизматических доказательств. Теперь такие доказательства, пожалуй, есть. Это монеты из Первого Кульятинского клада.

8. Шаш. 415/1024—1025 г.

Л. ст.: в поле:

عدل
لا اله الا / الله وحده / لا شريك له / ترك ادى (؟)

Вариант: над символом веры — [بها] под ним — [الدولة]

Выпускные сведения — квадратом:

بسم الله ضر / بهذا الدرهم / بالشاش سنة
خمس / عشر و اربعمائه

Все в линейном ободке.

Об. ст.: в поле:

لله
محمد رسول الله / القادر بالله ناصر الحق
ايك العادل على ابن / بن الحسن

Кругом, между двух линейных ободков, — Коран, IX, 33.

9. [Шаш], 415/1024—1025 гг.

Л. ст.: в поле:

عدل
لا اله الا / الله وحده /
لا شريك له / ترك ادى (؟)

Выпускные сведения — квадратом:

بسم الله ضر / بهذا الدرهم / ... سنة خمس
عشر و اربعمائه

Все в линейном (?) ободке.

⁵⁰ Федоров М. Н. Политическая история Караханидов в конце первой и во второй четверти XI в., с. 164—171.

Об. ст.: в поле:

الله
محمد رسول الله / القادر با لله ناصر الحق /
ايك العادل / بها الدولة

Кругом, между внутренним линейным и внешним таким же (?) ободками,— Коран, IX, 33.

10. Шаш, 415/1024—1025 гг.

Л. ст.: в поле:

عدل
لا اله الا / الله وحده / شريك له /
ترك ادی (?)

Вариант: над символом веры بها, под ним — [الدو] لة. Выпускные сведения как у № 8.

Об. ст.: в поле:

الله
محمد رسول الله / القادر با لله الملك خان /
الامير العادل ايك

Кругом как у № 8.

На монете № 9 не сохранилось наименование монетного двора, но это, несомненно, Шаш, в чем убеждает полная идентичность надписей л. ст. на монетах типов 8, 9 и 10, а также большое сходство дирхемов типа 8 и 9, а последние выпущены именно в Шаше. Единственное различие — в титулатуре, выбитой после имени халифа: 1) Насир ал-Хакк Илек ал-Адил Али б. ал-Хасан; 2) Насир ал-Хакк Илек ал-Адил Баха ад-Даула. Из этого сравнения видно, что слова «Али б. ал-Хасан» и «Баха ад-Даула» в легендах шашских дирхемов 415 г. х. были как бы взаимозаменяемы, т. е. относились к одному и тому же лицу. Иными словами, Али б. ал-Хасан, т. е. Али-тегин, и был носителем лакаба Баха ад-Даула.

Описанные монеты показывают, что он владел Шашем в 415 и 416 гг. х. (см. № 5). В 416 г. х. сюзереном Али были его брат Тоган-хан; с 415 годом вопрос сложнее. В одном случае (№ 10) в качестве сюзерена назван просто Хан, в двух других титулатура начинается лакабом Насир ал-Хакк, который, строго говоря, может относиться как к самому Али б. ал-Хасану, так и к его сюзерену. На монетах, несомненно чеканенных от имени Тоган-хана, этот лакаб пока не отмечен, он зафиксирован в чекане Қадыр-хана Йусуфа, но позднее — в 422—423 гг. х.⁵¹ Сама конструкция титулатуры показывает, что она скорее относится к одному правителю. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить чекан Ахмада б. Али, которому тоже принадлежал лакаб

⁵¹ V a s m e r R. Zur Münzkunde der Qarachaniden, s. 94.

Насир ал-Хакк. Когда после имени халифа упомянут только Ахмад, титулатура обычно имеет форму «Насир ал-Хакк Ахмад б. Али Кара-хакан», если же вслед за Ахмадом упомянут его вассал, то за лакабом всегда следует титул «Хан»: «Насир ал-Хакк Хан ал-Муаййид ал-Адл Илек Наср» или «Насир ал-Хакк Хан Мухаммад б. Али». Поскольку на шашских дирхемах 415 г. х. (№ 8—9) после лакаба Насир ал-Хакк нет слова «Хан», этот лакаб относится скорее всего к самому Илеку Али б. ал-Хасану.

На других монетах, несомненно выпущенных от его имени, это почетное прозвище пока не встречено, отмечены иные лакабы: Кутб ад-Даула и Наср ал-Милла⁵². Те же самые лакабы входили в состав титулатуры Ахмада б. Али, прозывавшегося также Насир ал-Хакком. Поэтому можно думать, что у Али б. ал-Хасана был тот же «набор» из трех лакабов, что и у Ахмада б. Али.

Титулатура Насир ал-Хакк Хан выбита на дирхемах Саганиана 416 и 417 гг. х.⁵³ М. Н. Федоров предположил, что она относится либо к саганианскому правителю, либо к покойному Насру б. Али, который упомянут здесь в качестве «фиктивного» сюзерена⁵⁴. Лакаб Насир ал-Хакк принадлежал не Насру, а Ахмаду б. Али (кстати, тоже скончавшемуся задолго до 416 г. х.), но независимо от этого поиски сюзерена среди покойников — едва ли самый верный путь: следует прежде доказать, что подобные случаи действительно были часты в государстве Караханидов. Если же они и в самом деле имели место, то составляли не правило, а исключение, обращаться же к исключениям стоит лишь тогда, когда исчерпаны все остальные возможности.

Еще меньше оснований приписывать лакаб Насир ал-Хакк саганианскому владетелю, который едва ли мог претендовать на ханский титул. Е. А. Давидович отнесла этот лакаб к Кадырхану Йусуфу, действительно использовавшему его в монетном чекане⁵⁵. Однако лакаб Насир ал-Хакк появляется на монетах Йусуфа лишь в 422—423 гг. х., к тому же владения его ограничивались северными областями Караханидского государства, влияние же едва ли простиралось столь далеко на юг, до Саганиана. Логичнее предположить, что под Насир ал-Хакк Ханом саганианских монет 416—417 гг. х. подразумевается Али б. ал-Хасан: именно он в это время является владельцем Центрального Мавераннахра и именно ему, судя по шашскому чекану 415 г. х., принадлежал скорее всего лакаб Насир ал-Хакк. Но тогда получается, что ханский титул Али-тегин принял уже в 416 г. х., т. е. в ту пору, когда его брат Тоған-хан был не толь-

⁵² Ibid., S. 86.

⁵³ Федоров М. Н. Нумизматические данные к истории Саганиана первой половины XI в.— В сб.: ИМКУ. Вып. 8. Ташкент, 1969, с. 195.

⁵⁴ Там же, с. 195—196.

⁵⁵ Давидович Е. А. Клад саганианских монет второй четверти XI в. как исторический источник, с. 85.

ко жив, но и оставался верховным правителем большей части Караханидского государства.

Что же дает нам идентификация лакаба Баха ад-Даула, принадлежность коего Али-тегину теперь можно считать доказанной? Следует согласиться с О. Прицаком, что бухарские монеты 411—415 гг. х. с упоминанием Баха ад-Даула Ианга-тегина выпускались именно Али б. ал-Хасаном и что Али-тегин бежал от Арслан-хана не позднее 411 г. х. При этом вплоть до 415 г. х. Али-тегин формально признавал сюзеренитет Арслан-хана, в чем нет чего-то из ряда вон выходящего: завоеватель и фактический владетель Мавераннахра Наср б. Али до самой смерти оставался вассалом верховного государя Ахмада б. Али, хотя они находились отнюдь не в дружественных, а временами даже во враждебных отношениях.

Кроме Бухары, монеты с лакабом Баха ад-Даула или титулом Ианга-тегин выпускались также в Самарканде в 414 г. х.⁵⁶ и в Кушани в 413⁵⁷ и 415 гг. х.⁵⁸ Таким образом, до смерти Арслан-хана владения Али-тегина ограничивались Центральным Мавераннахром, именно долиной Зарафшана и, вероятно, Кашкадарьи, а может быть и некоторыми другими областями. Монеты Шаша 415—416 гг. х. и Ходженда 415 г. х., на которых упомянут Али б. ал-Хасан или Баха ад-Даула, показывают, что после прихода к власти Тоган-хана II Али-тегин, признавая его сюзереном, сумел расширить на какое-то время свои владения. М. Н. Федоров включает в их число также Ахсикет, где в 415 и 418 гг. х. выпускались дирхемы с титулатурой, прочитанной А. К. Марковым как Табгач-каан⁵⁹. М. Н. Федоров приписал ее Али б. ал-Хасану⁶⁰, однако еще Р. Фасмер исправил чтение на Тига (-Тоган)-хан⁶¹. Если Али-тегину принадлежал лакаб Насир ал-Хакк, то в 416 г. х. он принял ханский титул, а в сферу его влияния в 416—417 гг. х. входил Саганиан.

В ходе борьбы с Кадыр-ханом Иусуфом, стремившимся утвердить свою власть над всем Караханидским государством, Али б. ал-Хасан был союзником Тоган-хана, что явствует хотя бы из слов Байхаки о пришествии Кадыр-хана и его сыновей «на войну с Али-тегином, когда его брат Туган-хан пал»⁶². Кадыр-хан смог захватить лишь северные области государства, Центральный же Мавераннахр остался в руках Али б. ал-Хасана,

⁵⁶ Федоров М. Н. Политическая история Караханидов в конце первой и во второй четверти XI в., с. 159.

⁵⁷ Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа, с. 849, № 346 а.

⁵⁸ Doignon V. Über die Münzen der Heke, s. 723 (N. 63).

⁵⁹ Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа, с. 245, № 347; с. 247, № 357.

⁶⁰ Федоров М. Н. Политическая история Караханидов в конце первой и во второй четверти XI в., с. 173—174.

⁶¹ Vasmier R. Zur Münzkunde der Qarachaniden, s. 104.

⁶² Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда, с. 644.

который владел им до своей смерти (426/1034—1035) и оставил своим сыновьям.

Третьим из Хасанидов, которого мы знаем только по монетам, был Ахмад б. ал-Хасан. От него дошли фельсы, чеканенные в 413/1022—1023 гг. в Кушани⁶³, т. е. в Кушании — городе к северо-западу от Самарканда. На этих фельсах в качестве сюзерена Ахмада б. ал-Хасана назван Арслан-хан, т. е. Мансур б. Али. Известны также монеты Ахмада б. ал-Хасана, выпущенные в 414 г. х. в пункте, название которого не установлено⁶⁴.

Четвертым сыном Хасана был Хусайн, принадлежность которого к числу братьев Али-тегина и Тоган-хана открывает уникальный фельс, выбитый в 412 г. х. в Тункете⁶⁵. Он чеканен от имени Арслан-хана и упомянутого в круговой надписи об. ст. Адуд ад-Даула Аба Али ал-Хусайна б. ал-Хасана Чагры-тегина. Монеты с лакабом Адуд ад-Даула и титулом Чагры-тегин выпущены в Тункете в 404⁶⁶, 407—412⁶⁷, 415⁶⁸, 416(?)⁶⁹ и 418 гг. х.⁷⁰ В 404 г. х. этот правитель признавал себя вассалом Насир ал-Хакк Хана (т. е. Ахмада б. Али), в 407—412 и 415 гг. х. — Арслан-хана (Мансура б. Али), в 416 (?) г. х. — Тоган-хана (Мухаммада б. ал-Хасана), в 418 г. х. — Хана Малик ал-Машрик (Кадыр-хана Йусуфа б. Харуна). Менялись верховные правители Караханидского государства, но Хусайн б. ал-Хасан по крайней мере в течение 15 лет оставался владетелем Тункета, столицы Илака, сменив за это время четырех сюзеренов. Вероятно, Хусайн обладал какой-то долей прав на Илак в целом, на что намекает илацкий фельс 408 г. х.⁷¹, на котором упомянуты Арслан-хан, Бури-тегин (после об. ст.) и ал-Хусайн б. Шихаб ад-Даула (круговая надпись об. ст.). Близость дат данного фельса и отмеченных тункетских монет едва ли позволяет сомневаться в тождестве ал-Хусайна б. Шихаб ад-Даула и ал-Хусайна б. ал-Хасана.

В 393/1002—1003 и 394/1003—1004 гг. в Илаке были выпущены фельсы с упоминанием Ахмада б. Али (сюзерен) и Аби Саи-

⁶³ См.: Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа.

⁶⁴ Fraehn С. р. M. Nova Supplementa ad Recensionem Numorum Muhammedanorum, in: Fraehnii Opusculorum posthutorum, pars prima, ed. V. Dorn, S.-Pb., 1855, p. 248 (N. 36b).

⁶⁵ Фельс найден в 1971 г. на берегу Туябугузского водохранилища и хранится в Институте археологии АН УзССР.

⁶⁶ Коллекция В. В. Кучерова (г. Ташкент).

⁶⁷ Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа, с. 231—232, № 258—265; с. 241, № 320; с. 974, № 261 а.

⁶⁸ Федоров М. Н. Политическая история Караханидов в конце первой и во второй четверти XI в., с. 159.

⁶⁹ Первый Кульятинский клад.

⁷⁰ Федоров М. Н. Новые данные к политической истории государства Караханидов. — В ж.: ОНУ, 1965, № 11, с. 52—53.

⁷¹ Из раскопок К. Абдуллаева на городище Қанка в Ташкентской области (начало 1970-х годов).

да Бакра (вассал)⁷². Надпись с именем последнего так мелка, что имя его отца можно читать и как «ал-Хасан» и как «ал-Ху-сайн». Вполне возможно, что Бакр был пятым Хасанидом.

Наконец, к числу сыновей Хасана О. Прицак относит также Кадыр-хана Йусуфа, доказывая это следующим образом. Ибн ал-Асир под 435/1043—1044 гг. упоминает Тоган-хана, который доводился братом Йусуфу. Байхаки рассказывает о Тоган-хане, брате Али-тегина, а о последнем известно (по монетам), что он был сыном Хасана.

Кадыр-хан был сыном Богра-хана Харуна, но раз он приходился братом Тоган-хану сыну Хасана, то, следовательно, Богра-хан, кроме библейского имени (Харун), носил также имя общемусульманское (Хасан)⁷³.

М. Н. Федоров не принял точку зрения О. Прицака, поскольку Ибн ал-Асир упоминает Тоган-хана брата Кадыр-хана под 435 г. х., хотя из Байхаки известно, что брат Али-тегина Тоган-хан погиб задолго до этой даты. Следовательно, считает М. Н. Федоров, здесь идет речь о двух разных Тоган-ханах, так что нет никаких оснований приписывать имя Хасан Богра-хану, тем более, что ни в письменных источниках, ни на монетах он под этим именем не фигурирует⁷⁴.

В рассказе Ибн ал-Асира сообщается о разделе государства, который осуществил в 435 г. х. сын Кадыр-хана Шараф ад-Даула (Арслан-хан). При этом многие области страны тюрков он отдал своему брату Арслан-тегину, Тараз и Испиджаб — другому брату, Богра-хану, Фергану — дяде по отцу Тоган-хану, Бухару и Самарканд — сыну Али-тегина, сам же довольствовался Баласагуном и Кашгаром⁷⁵. Уже В. В. Бартольд отметил, что «в такой форме это известие, конечно, неверно»⁷⁶.

О. Прицак обратил внимание на противоречие между сообщением Ибн ал-Асира и монетными данными, свидетельствующими об утрате Мавераннахра сыном Али-тегина не позднее 433 г. х., но объяснил его следующим образом. У Ибн ал-Асира речь идет о семейном конгрессе, на котором Хасаниды, чувствуя угрозу со стороны Алидов (Мухаммада б. Насра и Ибрахима б. Насра) и желая уладить внутренние раздоры, делят сферы влияния. Отсюда следует, что сын Али-тегина и сам Али-тегин находились в тесном родстве с линией Кадыр-хана⁷⁷. С послед-

⁷² Эти фельсы составляют основную часть Второго Культаинского клада, найденного в 1976 г. на городище Кульата в Ташкентской области.

⁷³ Pritsak O. Karachanidische Streitfragen, s. 220—224.

⁷⁴ Федоров М. Н. Политическая история Караханидов в конце первой и во второй четверти XI в., с. 168—169.

⁷⁵ Ибн-ал-Асир. Kitab al-kamil fi-t-tarikh. Извлечения в переводе К. Б. Старковой. — В сб.: Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1973, с. 60.

⁷⁶ Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Сочинения. Т. II. Ч. I. М., 1963, с. 44.

⁷⁷ Pritsak O. Karachanidische Streitfragen, s. 221—222.

ним заключением следует согласиться. Во всяком случае, Мухаммад б. Али Шабанкари, историк XIV в., называет Али-тегина сыном брата отца Кадыр-хана⁷⁸, иными словами, Али-тегин приходился Богра-хану Харуну племянником, а Кадыр-хану — двоюродным братом. Хотя это известие мы находим в сочинении XIV в., тот его раздел, в котором освещены события XI в., заимствован, по заключению М. Назима, у Байхаки или его современника⁷⁹.

Казалось бы, все ясно: Хасаном был не Богра-хан, а его брат. В то же время имеются факты, свидетельствующие в пользу гипотезы О. Прицака. На фельсе Илака 408 г. х. тункетский владетель Хусайн назван сыном Шихаб ад-Даула, на тункетском же фельсе 412 г. х. — сыном ал-Хасана. Но лакаб Шихаб ад-Даула принадлежал именно Богра-хану Харуну; так его называют и письменные источники⁸⁰, и монеты⁸¹. Получается, следовательно, что Богра-хана звали также Хасаном.

Монетные данные заслуживают большего доверия, нежели сообщения письменных источников, тем более написанных не современниками событий. Все же в данном конкретном случае абсолютно полагаться на монеты нельзя. Во-первых, лакаб Шихаб ад-Даула мог принадлежать не только Богра-хану, во-вторых тождество ал-Хусайна б. Шихаб ад-Даула и ал-Хусайна б. ал-Хасана очень и очень вероятно, но не обязательно.

Таким образом, Хасаном был либо сам Богра-хан, либо его брат. Из числа сыновей Хасана нам сейчас наверняка известны четверо: Али, Мухаммад, Ахмад и Хусайн. Двое из них достигли ханского титула (Мухаммад — Тоган-хан, Али — Табгач Богра-хан), двое были удельными правителями (Ахмад и Хусайн). Возможно, в число Хасанидов следует также включить правителя Илака 393—394 гг. х. Бакра и Кадыр-хана Йусуфа. Если даже это не так, новые монетные данные показывают, что представители данной семьи в истории Караханидского государства первой половины XI в. играли более важную роль, чем казалось прежде.

---

⁷⁸ Nazim M. The Life and Times of Sultan Mahmud of Gazna. New-Delhi, 1971, p. 53.

⁷⁹ Ibid., p. 11.

⁸⁰ Бируни Абурейхан. Памятники минувших поколений. Избранные произведения. Т. 1. Ташкент, 1957, с. 150.

⁸¹ Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа, с. 198, № 1.

А. ВАЛИЕВ

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КОЛОДЕЦ НА ГОРОДИЩЕ СТАРОГО ТЕРМЕЗА

Невдалеке от современного города Термеза лежит огромное безжизненное городище, известное под названием «Старый Термез». Его площадь превышает 750 га. Это остатки большого цветущего города эпохи древности и средневековья. Он возник близ удобной речной переправы через Амударью в III—I вв. до н. э. во время греко-бактрийского господства и был разрушен в 1220 г. войсками Чингиз-хана.

Уже первые исследователи Старого Термеза утверждают, что основу водоснабжения этого крупного города¹ составлял большой канал, выведенный из Сурхандарьи намного выше Термеза. Вода реки поступала в средневековый Термез по большому каналу и распространялась по городу как по арыкам, так и по подземным водопроводам, о чем свидетельствуют многократные находки на городище Старого Термеза и в его окрестностях керамических труб-кубуров.

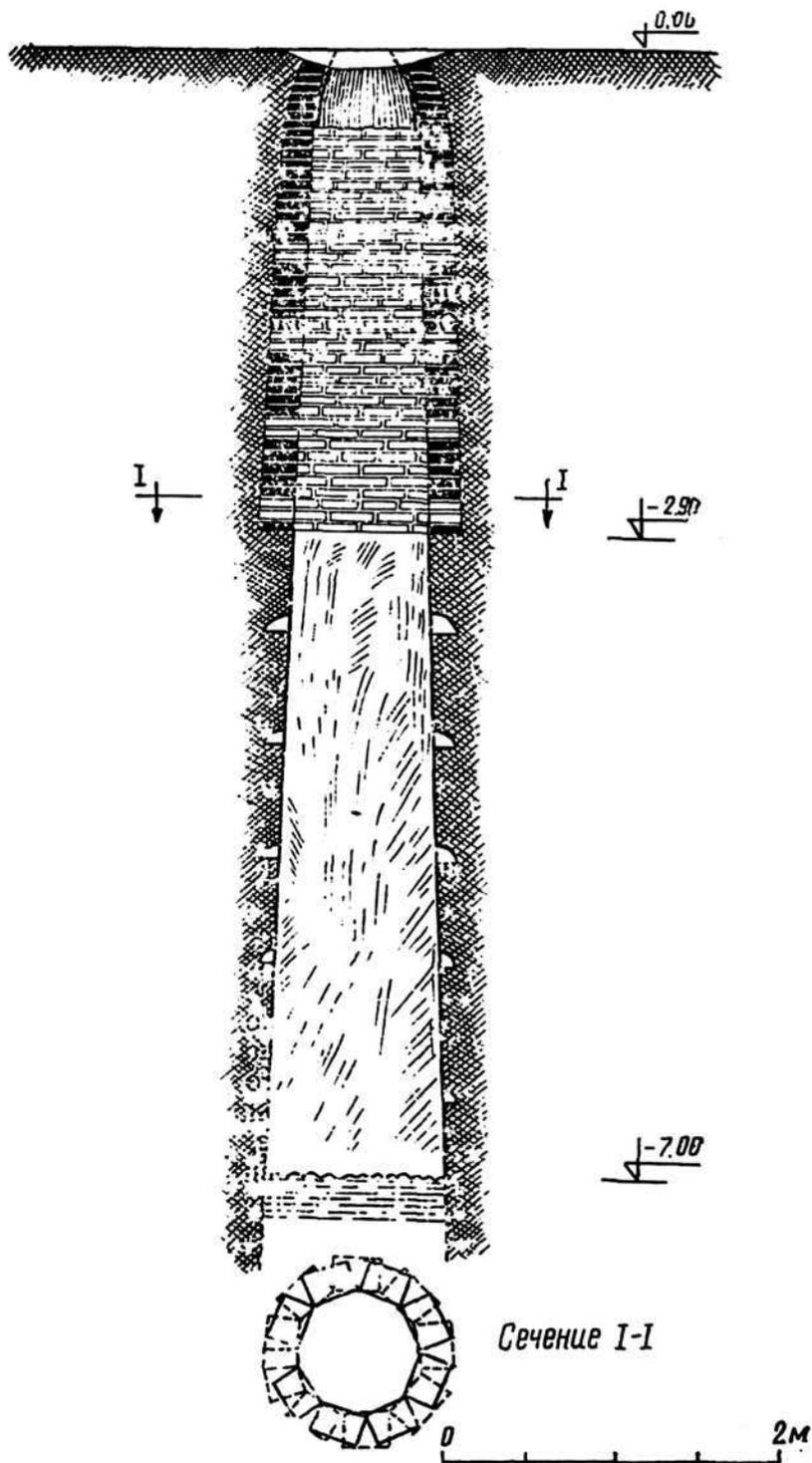
Помимо сурхандарьинской воды жители средневекового Термеза использовали и подпочвенные воды. Красноречивым свидетельством этого может служить колодец, обнаруженный в восточной части городища (рисунок). Во время земляных работ скрепером была разрушена верхняя часть колодца и при этом срезано устье большого керамического сосуда — хума без нижней части, оформлявшего верхний край колодца.

В начале октября 1977 г. автор совместно с И. П. Луньковой провел обследование колодца, определив его размеры и устройство. Ныне глубина колодца 7,4 м. Вода обнаружена на глубине 7 м. Возможно, ранее глубина была больше, чем сейчас, а вода могла подниматься выше современного уровня. В плане колодец круглый, с диаметром, постепенно увеличивающимся от 0,6 (вверху) до 0,85 м на глубине 3 м при современном уровне воды.

Верхняя часть колодца (до глубины 2,9 м от его верха) сооружена из обожженного кирпича, уложенного плашмя горизонтальными рядами по кругу. Кирпич квадратный, размером 30 см. Чаще всего попадались обломки кирпича шириной около

---

¹ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 266.

Средневековый колодец на городище Старого Термеза

19 см. Нижняя часть колодца не была закреплена кирпичами. Как в кладках верхней части, так и внизу в стенках сделаны выемки-ступеньки для спуска, необходимого, очевидно, и для очистки, и для ремонтных работ. Всего выявлено 9 пар таких выемок-ступенек примерно через каждые 70—80 см. Сверху колодец завершался верхней половиной хума, устье которого, вероятно, закрывалось специальной крышкой.

Устройство колодца довольно простое, но в то же время отвечало функциональному назначению — служить регулярным источником подпочвенных вод для питья городского населения средневекового Термеза.

По словам местных жителей, а также археолога Термезского областного краеведческого музея В. А. Козловского, в разных местах городища Старого Термеза ранее уже были зафиксированы такие колодцы, по устройству сходные с описанным нами. К сожалению, ни один из обнаруженных ранее на городище Старого Термеза колодцев не был измерен и описан и, таким образом, колодец, обследованный нами, пока первый памятник такого рода, ставший достоянием науки. Размер квадратного кирпича, использованного при строительстве колодца, позволяет датировать его X—XI вв. н. э.

С. ИШАНХАНОВ, Б. КОЧНЕВ

ДРЕВНЕЙШИЕ КАРАХАНИДСКИЕ МОНЕТЫ

До сих пор была издана лишь одна монета Богра-хана Харуна — фельс Илака 382/992—993 г.¹ Нам удалось выявить еще три монеты Богра-хана, не известных науке, но представляющих чрезвычайный интерес как древнейшие, — караханидские дирхемы и динар. Для разъяснения некоторых вопросов, возникающих в результате публикации последних и раскрытия характера раннекараханидского чекана, приводятся также описания изданных монет².

1. Фергана, 381/991—992 г. Дирхем³.

Об. ст.: поле: Малик ал-Машрик Шихаб ад-Даула ва Захир ад-Да'ва Абу Муса Турк-хакан Маула Амир ал-Муминин и Арслан-тегин б. Улуг-тегин.

Л. ст.: в поле:

لا اله الا
الله وحده
لا شريك له

Внутренняя круговая легенда:

بسم الله ضرب هذا الدرهم افرغانه (Так!)

سنة احدى و ثمانين و ثلث (Так!)

Внешняя круговая легенда, заключенная между двух линейных ободков (полустерта), — Коран, XXX, 3,4:

... من قبل و من بعد و يومد...

Об. ст.: в поле:

¹ Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1896, с. 198, № 1.

² Описания монет № 1—2 принадлежат С. Х. Ишанханову, а остальных — Б. Д. Кочневу.

³ В-3, 75; д-3-3, 1. Дирхем происходит из клада, найденного в 1976 г. на городище средневекового Абрлыга в Ташкентской области. Клад хранится в Музее истории народов Узбекистана. В его составе преобладают саманидские монеты, публикуемый дирхем — единственная караханидская монета.

لله

محمد رسول الله

الطابع لله الخليفة الله ملك (так)

المشرق شهاب الدولة و ظهير

الدعوة ابو موسى ترك

خاقان مولى امير المومنين

الخليفة ارسلان تكين

بن الغتكين

Кругом, между двух линейных ободков, фрагмент коранической легенды — Коран, IX, 33:

... على الدين كله... المشرق كون

2. Бухара, 382/992—993 гг. Дирхем⁴.

Л. ст.: поле: Шихаб ад-Даула Абу Муса.

Л. ст.: в поле, в линейном ободке:

عدل

لا اله الا

الله وحده

لا شريك له

شهاب الدولة

ابو موسى

Внутренняя круговая легенда:

بسم الله ضرب هذا الدرهم بخارا سنة اثنين و ثمانين و ثلثمائة

Внешняя круговая легенда:

لله الامر من قبل و من بعد و يومئذ يفرح المومنون بنصر الله
(Коран, XXX, 3,4).

Все в линейном ободке.

Об. ст.: в поле:

لله

محمد

رسول الله

الطابع لله

⁴ В-3, 05; д-2, 8; монета дважды пробита. Из клада, найденного в 1968 г. близ городища Улькантойтепа в Ташкентской области (развалины средневекового Науката).

امير المومنين

ح

Кругом, между двух линейных ободков:

محمد رسول الله ارسله بالهدى و دين الحق ليظهره على الدين
كله و لو كره المشركون

(Коран, IX, 33).

3. Бухара, 382/992—993 г. Динар⁵.

Об. ст., поле: Шихаб ад-Даула Абу Муса.

Л. ст.: в поле:

يثق بالله
الله احد الله
الصدق لم يلد
ولم يولد ولم
يكن له كفوا احد

ح

Кругом двойная легенда, как у № 2 (но вместо

الدينار—الدرهم)

Об. ст.: в поле:

لله
محمد
رسول الله
الطايح لله
شهاب الدولة
ابو موسى

Кругом как у № 2.

4. Илак, 382/992—993 г. Фельс⁶.

Л. ст.: поле: Мансур б. Ахмад, круг. лег.: Богра-хан; об. ст.:
поле: Шихаб ад-Даула Абу Муса, круг. лег.: ал-Амир ал-Аджалл
Шихаб ад-Даула ва Захир ад-Да'ва.

⁵ В-5, 88; д-23—24; ГЭ инв. 5152. Монета происходит из клада, найденного в пос. Ташкипри Марыйской области Туркменской ССР, и вместе с саманидским динаром из того же клада (Наср. б. Ахмад, Нисабур, 328/939—940 г.) приобретена в 1953 г. у А. И. Морозова для Эрмитажа. В литературе сведения об этом кладе, кажется, нет.

⁶ В-5; д-2,8. Монета пробита в центре, один край слегка обломан. Найдена в 1974 г. близ городища Канка в Ташкентской области (средневековый Харашкет) и передана в Институт археологии АН УзССР. Упомянутый выше илакский фельс 382 г. х., изданный А. К. Марковым, относится к тому же типу.

Л. ст.: в поле, в точечном ободке:

منصور
بن احمد

Внутренняя круговая легенда:

لا اله الا الله وحده لا شريك له بوغراخان

Внешняя круговая легенда:

بسم الله ضرب هذا الفلّس با يلاق سنة اثنا و ثمانين و ثلثمائة

Все в линейном ободке.

Об. ст.: в поле:

الله
محمد
رسول الله
شهاب الدولة
ابو موسى

Кругом, между внутренним точечным и внешним линейным ободками:

مما امر به الامير الاجل شهاب الدولة و ظهير الدعوة ايده الله

5. Фергана, 380/990—991 г. Фельс⁷.

Л. ст.: поле: Хан; об. ст.: поле: Илек ал-Джалил, круг. лег.: ал-Амир ал-Джалил ал-Муаййид ал-Адл.

Л. ст.: в поле: в точечном кружке: خان

Треугольником по сторонам кружка: لا اله الا الله وحده لا شريك له

بسم الله ضرب هذا الفلّس بفرغانه سنة ثمانين و ثلثمائة

Об. ст.: в поле:

الله
محمد
رسول الله
ايليك
الجليل

Кругом: مما امر به الامير الجليل المويد العدل ايده الله

6. Фергана, 388/998 г. Фельс⁸.

⁷ Массон М. Е. Ахангаран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953, с. 113 (упоминаются два однотипных фельса).

⁸ Найден Т. В. Беляевой в 1976 г. при раскопках в г. Ленинабаде.

Л. ст.: поле: Хан; об. ст.: поле: Илек ал-Джалил, круг. лег.: ал-Амир ал-Джалил ал-Муаййид ад-Адл. Л. ст.: в поле, в точечном кружке: خان

Треугольником по сторонам кружка: لا اله الا الله وحده لا شريك له

Кругом, между внутренним точечным и внешним линейным ободками:

بسم الله ضرب هذا الفلاس بفرغانه سنة ثمان و ثمانين

Об. ст.: в поле:

الله

محمد

رسول الله

ايك

الجليل

Кругом, между внутренним точечным и внешним линейным ободками: مما امر به الامير الجليل المويد العدل...

Публикуемый дирхем Ферганы 381 г. х.— пока самая ранняя караханидская серебряная монета, а может быть, даже самая древнейшая. Она выбита от имени государя с пышной титулатурой Малик ал-Машрик Шихаб ал-Даула ва Захир ад-Да'ва Абу Муса Турк-хакан Маула Амир ал-Муминин. Из сообщения Беруни известно, что лакаб Шихаб ад-Даула был у завоевателя Мавераннахра Богра-хана, причем он принял его в 382 г. х.⁹

Теперь мы видим, что это произошло раньше, не позднее 381 г. х. Другой лакаб Богра-хана (Захир ад-Да'ва) и его кунья Абу Муса давно выявлены благодаря илакскому фельсу 382 г. х. (№ 4). Публикуемый ферганский дирхем 381 г. х. сообщает неизвестные доселе титулы Богра-хана: Малик ал-Машрик (царь Востока) и Турк-хакан. Царем Востока на монетах очень часто именовался сын Богра-хана Кадыр-хан Йусуф, теперь ясно, что он унаследовал этот титул от отца.

Несколько странно выглядит второй титул, Турк-хакан, ибо завоеватель Мавераннахра известен как Богра-хан или (по О. Прицаку) Клыч Богра-хан¹⁰. При этом не следует забывать, что в большинстве случаев мы знаем лишь самую важную часть тюркской титулатуры того или иного Караханида, а отнюдь не полный ее набор. Так, на монетах Мас'уд б. Хасан именуется просто Клыч Тамгач-ханом, хотя более полный вариант его титулатуры выглядел так: Алп Кутлуг Тонга Билга Клыч Тамгач-

⁹ Б и р у н и А б у р е й х а н. Памятники минувших поколений. Перевод с арабского М. А. Салье. Избранные произведения. Т. 1. Ташкент, 1957, с. 150.

¹⁰ P r i t s a k O. Die Karachaniden. Der Islam. Bd. XXXI/1, Berlin, 1953, s. 26.

хан¹¹. Компонент «Турк» входил в состав титулатуры его брата Хусайна (Алп Кутлуг Тонга Билга Турк Тогрул Кара-хакан)¹², но основным тюркским титулом последнего был Тогрул-хан. Приведенные примеры относятся ко второй половине XII в., отмечен, однако, и более ранний случай употребления слова «турк» в караханидской титулатуре: в середине XI в. известен (по монетам) удельный правитель Йаган Турк-тегин¹³.

Итак, хотя правитель, от имени которого выбит ферганский дирхем 381 г. х., назван не Богра-ханом, а Турк-хаканом, едва ли можно сомневаться, что это тот же Харун б. Сулайман Богра-хан. Именно он начал наступление на северные области Саманидского государства и в 380/990—991 гг. завоевал Испиджаб¹⁴. Ферганский дирхем показывает, что и Фергана оказалась в его власти не позднее 381 г. х. Хотя первые чеканенные от имени Богра-хана фельсы Илака датируются лишь 382 г. х., это отнюдь не значит, что именно в этом году был захвачен Илак, как ферганский дирхем 381 г. х. не дает еще даты завоевания Ферганы. Вполне возможно, что обе эти области были заняты Богра-ханом вскоре после покорения Испиджаба.

М. Н. Федоров, основываясь на двух ферганских фельсах Насра б. Али, датированных (в публикации) 380 г. х., предположил, что наступление на северные саманидские владения шло по двум направлениям: на одном (Испиджаб) военные действия вел Богра-хан Харун, на втором (Фергана) — Наср б. Али, представитель другой ветви династии¹⁵. Это предположение не подтверждается ферганским дирхемом 381 г. х., так как на нем Наср б. Али никак не упомянут. Действительно, в качестве наместника (الخليفة) Богра-хана здесь назван Арслан-тегин б. Улуг-тегин, т. е. правитель, о котором нам пока ничего не известно и о котором можно сказать лишь одно: это не Наср б. Али, ибо последний был сыном не тегина, а носителя более высокого ханского титула Арслан-хана Али. Причем ханом называет Али не только Джамал Карши, автор начала XIV в.¹⁶, но также более ранний и вполне надежный источник — Северная надпись в Варухском ущелье (1041 г.)¹⁷.

¹¹ Давидович Е. А. Вопросы хронологии и генеалогии Караханидов второй половины XII в.— В кн.: Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977, с. 178—179, прим. 4.

¹² Якубовский А. Ю. Две надписи на Северном мавзолее в Узгенде.— В сб.: ЭВ. Вып. 1. М., 1947, с. 29.

¹³ Кочнев Б. Д., Федоров М. Н. Два клада караханидских дирхемов середины XI в. из Киргизии.— В сб.: НЭ. Т. XI. М., 1974, с. 188.

¹⁴ Pritsak O. Die Karachaniden, s. 26.

¹⁵ Федоров М. Н. Политическая история Караханидов в конце X — начале XI в.— В сб.: НЭ. Т. X. М., 1972, с. 150.

¹⁶ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. В 9-ти т. Т. 1. М., 1963, с. 330.

¹⁷ Литвинский Б. А. Северная надпись в Варухском ущелье (опыт исторического исследования по данным нумизматики). В сб.: КСИИМК. Вып. 61. М., 1956, с. 114.

Но коль скоро на публикуемом дирхеме 381 г. х. в качестве верховного правителя назван Богра-хан, а «наместника» (Ферганы) — Арслан-тегин, то одновременно быть правителем Ферганы Наср б. Али не мог. Поэтому вызывает сомнение определение даты двух ферганских фельсов (№ 5), выбитых от имени «хана» и «ал-Муаййид ал-'Адла» (т. е. Насра), как 380 г. х. Достаточно сравнить эти монеты с фельсом Ферганы 388 г. х., чтобы убедиться: они относятся к одному и тому же типу. Известный же медный ферганский чекан ближайших лет (385 и 386 гг. х.) представлен иными типами¹⁸, не говоря уже о последующих годах. Можно поэтому допустить, что фельсы типа 5 на самом деле относятся не к 380, а к 388 г. х., неточное же прочтение года объясняется, вероятно, сходством начертания обеих дат (ثمان و ثمانين — ثمانين و ثلثمائة). Трудности разбора надписей усугублялись, видимо, грубостью почерка, столь характерной для некоторых раннекараханидских фельсов ферганского чекана, а также недостаточно хорошей сохранностью монет (оба экземпляра — подъемные).

Таким образом, дирхем Ферганы 381 г. х. следует, быть может, считать самой ранней из известных караханидских монет.

Итак, еще до вторжения в Мавераннахр Богра-хан захватил северные области Саманидского государства: Испиджаб, Фергану и, видимо, Илак. Уже тогда, вероятно, Богра-хан мог убедиться в совершенном ослаблении Саманидов, что вполне подтвердилось в дальнейшем: вторгнувшись в Мавераннахр, Богра-хан не встретил почти никакого сопротивления. Сначала он разбил ходжиба Аяча, а затем другого саманидского полководца — Фаика. После этого и сам государь оставил Бухару, и в столицу Саманидов вступил Богра-хан. Это случилось в месяце раби I 382/мае-июне 992 г. Однако вскоре из-за болезни (по другим данным, также из-за нападений союзных Нуху туркмен) он был вынужден оставить Бухару, а затем и очистить Мавераннахр, по дороге же на родину он скончался (в том же 382 г. х.). Уже 14 джумада II 382/17 августа 992 г. Нух б. Мансур вернулся в свою столицу¹⁹.

Приведенные данные позволяют уточнить время выпуска динара и дирхема Бухары 382 г. х., на которых упомянут Шихаб ад-Даула Абу Муса, т. е. Богра-хан. Они были отчеканены на монетном дворе Бухары в период кратковременного пребывания там Богра-хана: между 7 мая (начало месяца раби I) и 17 августа 992 г. При этом следует учесть, что Богра-хан вступил в Бухару, возможно, не в первый день месяца, что на изготовление

¹⁸ Федоров М. Н. Политическая история Караханидов в конце X — начале XI в., с. 133, табл. I; Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа, с. 198, № 2.

¹⁹ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, с. 320—321.

штемпелей требовалось определенное время и они использовались, конечно, не в день возвращения в Бухару Нуха б. Мансура. Следовательно, можно еще больше сузить хронологические рамки выпуска публикуемых бухарских дирхема и динара до двух, максимум, трех летних месяцев.

Динар Бухары 382 г. х.— древнейшая из известных золотых монет Караханидов. Государи из этого дома регулярно и в значительных количествах стали чеканить золото лишь во второй половине XII в. Для раннекараханидского времени мы знаем еще лишь один динар, выбитый в Нисабуре в 396/1005—1006 гг.²⁰, т. е. в период кратковременного захвата этого города войсками илека Насра б. Али.

В обоих случаях выпуск динаров отнюдь не был вызван экономическими причинами (и потому не получил продолжения), а преследовал прежде всего политические цели. Расходясь повсюду, бухарские динары 382 г. х. должны были поведать всему мусульманскому миру, что отныне Мавераннахром владеют не Саманиды, а Богра-хан, представитель новой династии. Конечно, той же цели могли служить (и служили) полноценные серебряные дирхемы, но чекан золота является прерогативой лишь суверенного государя, каковыми, возможно, не могли считать себя или не считались на международной арене Караханиды до захвата ими Мавераннахра (едва ли случайно Беруни подчеркивает, что Богра-хан сам себя прозвал Шихаб ад-Даула, а не получил этот лакаб от халифа, причем случилось это, как мы видели, до завоевания Бухары).

Быть может, не случайно и обилие коранических изречений на бухарском динаре 382 г. х., коих выбито сразу три: в поле л. ст. (вместо обычного символа веры, точнее, первой его части), во внешней круговой легенде л. ст. и в круговой надписи об. ст. Столь большое количество выдержек из Корана не характерно ни для саманидских, ни для караханидских монет (будь то золото, серебро или медь); обычное их число — одна или две. Вполне вероятно, что данная особенность связана с благочестием Богра-хана, о котором сообщает, например, Ибн ал-Асир²¹ и которое вообще было свойственно первым Караханидам, как кочевникам, лишь сравнительно недавно принявшим ислам. Самое же подчеркивание рвения к вере в монетных надписях было рассчитано, быть может, не только и не столько на бухарское духовенство или жителей Мавераннахра, сколько на весь мусульманский мир, который должен был узнать о новом могущественном государе как истинном мусульманине.

Все это, конечно, лишь догадки, но они подтверждаются, пожалуй, еще и тем фактом, что уже в 381 г. х. Богра-хан не просто

²⁰ Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа, с. 202, № 49.

²¹ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, с. 318.

упоминает халифа ат-Таи, но именует его «наместником Аллаха» (чего мы не видим на последующих караханидских монетах), себя же — «клиентом повелителя правоверных»²². Тот же халиф упомянут на обеих бухарских монетах 382 г. х., хотя еще в предшествующем году его сменил Кадыр. Следовательно, попытка ограничить время выпуска ферганского дирхема 381 г. х. той частью года, когда Кадыр еще не вступил на престол, была бы неосновательной.

Итак, Богра-хан Харун был, видимо, первым из Караханидов, кто начал выпускать монету, причем чеканил ее из всех трех монетных металлов (медь, серебро, золото), по крайней мере, на трех монетных дворах. Четыре экземпляра — не так уж много, но и они позволяют охарактеризовать самые начальные этапы караханидского чекана, его возникновение.

Вполне естественно, когда династия, только что пришедшая к власти, в монетном деле на первых порах подражает своим предшественникам. И на средневековом мусульманском Востоке так оно в большинстве случаев и было. В этом отношении монеты Богра-хана являют собой одно из немногих исключений.

Действительно, уже на ферганском дирхеме 381 г. х. мы видим пространную, растянутую на много строк пышную титулатуру Богра-хана и отсутствие личного его имени, которого нет и на остальных трех монетах. В то же время у Саманидов в монетных надписях всегда упоминается имя государя, иногда даже дважды, а титулы никогда не достигают караханидской пышности. Имена Саманидов помещаются на об. ст., лакаб и кунья Богра-хана оказываются то на об. ст., то на л. ст. (дирхем Бухары 382 г. х.), причем и позднее верховный государь из Караханидов иной раз упоминается на л. ст., где подобало бы фигурировать вассалу. На илакском фельсе производятся «эксперименты» с титулатурой, одна часть которой начертана в поле об. ст., другая включена в круговую легенду об. ст., третья — во внутреннюю круговую надпись л. ст. В нарушение «саманидских» традиций остальная часть этой надписи являет собой первую половину символа веры, которая прежде всегда помещалась в поле, но теперь сюда попало имя вассала Богра-хана, илакского владельца Мансура б. Ахмада.

Словом, весь фельс выглядит сплошным отклонением от правил, установившихся в саманидском монетном чекане. Несколько более традиционны обе бухарские монеты, но и здесь есть кое-что непривычное. Как видно из сказанного, уже монеты Богра-хана в отношении содержания и размещения надписей демонстрируют ту любопытную особенность караханидского чекана, которую можно сформулировать примерно так: исключений здесь едва ли не больше, чем правил.

---

²² Ср.: Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, с. 333, где принятие этого титула Караханидами отмечено с 393 г. х.

Итак, в размещении и содержании легенд уже первые караханидские монеты достаточно оригинальны и безусловно (и, видимо, сознательно) не подражают саманидским. В то же время кое-какие особенности упоминания Богра-хана выглядят заимствованными, хотя и не у Саманидов. На обеих бухарских монетах он упомянут только под своим основным лакабом и кунией, так же в поле об. ст. илакского фельса. Но такой способ титулования государя характерен для многих династий IV в. х., например, Хамданидов, Зиййаридов, Бувайхидов (Буидов), особенно для последних, у которых он, возможно, и заимствован.

Бросается в глаза еще одна особенность всех четырех монет Богра-хана. Хотя верховным правителем Караханидского государства являлся в это время Арслан-хан Али, Богра-хан же был, по выражению О. Прицака, лишь его «со-каганом»²³, ни на одной монете Арслан-хан не упомянут. По данным Джамала Карши, последний скончался в конце мухаррама 388/в январе 998 г.⁴, т. е. много позже выпуска рассматриваемых монет. Проще всего было бы предположить, что на самом деле Арслан-хан умер гораздо раньше и приведенная у Джамала Карши дата его смерти неверна. Это самый простой, но едва ли самый верный путь, тем более, что, хотя у Джамала Карши и есть ошибки в датах, часто его сведения о Караханидах оказываются более точными, чем у других авторов, и подтверждаются монетными данными.

Здесь уместно вспомнить одну особенность монет Караханидов вообще и восточных Караханидов в частности, которую мы проиллюстрируем более поздним примером. Сын Богра-хана Харуна Кадыр-хан Йусуф скончался, согласно Джамалу Карши, 1 мухаррама 424 г. х., по сведениям же Ибн ал-Асира и «Маджма ат-таварих» — в 423 г. х.²⁵, что подтверждается и монетами²⁶. После смерти Кадыр-хана один его сын, Сулайман, стал верховным правителем государства с титулом Арслан-хан, второй же сын, Мухаммад, получил в управление Тараз, Испиджаб и Шаш, и, приняв титул Богра-хана, стал вторым лицом в государстве, «со-каганом» брата²⁷. Следовательно, Мухаммад и Сулайман в феодальной иерархии занимали те же места, что задолго до того Харун и Али. В этой связи чрезвычайно показательно, что уже на тункетском дирхеме 424 г. х.²⁸ (как и на многих более поздних монетах) назван только Мухаммад б. Кадыр-хан, Арслан-хан же никак не упомянут. Следовательно, упоминание верховного правителя в монетных надписях отнюдь не было обязательным

²³ Pritsak O. Die Karachaniden, s. 26.

²⁴ Ibid., s. 26.

²⁵ Vasmer R. Zur Münzkunde der Qarachaniden. Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin, XXXIII, Berlin, 1930, s. 94.

²⁶ Ibid., s. 95.

²⁷ Ibid., Pritsak O. Die Karachaniden, s. 39.

²⁸ Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа, с. 252, № 383.

правилом, хотя бы его власть (пусть формально) и признавалась. Эту особенность удельной системы в государстве Караханидов мы видим уже на примере чекана Богра-хана Харуна.

Рассказывая о разделе владений Арслан-хана Сулаймана между родственниками, Ибн ал-Асир датирует это событие 435/1043—1044 гг. и отмечает, что сам государь оставил себе только Кашгар, Баласагун и верховную власть над остальными землями. В. В. Бартольд так прокомментировал данное место: «В такой форме это известие, конечно, неверно; удельная система существовала в то время уже около полвека...»²⁹. Теперь можно, пожалуй, уточнить: существовала более полувека.

Публикуемые монеты важны прежде всего как исторический источник, но интересны они и с внешней стороны. Илакский фельс и обе бухарские монеты не уступают в этом смысле лучшим саманидским образцам. Надписи вполне грамотны, размещены умело, почерк хорош. Особенно выделяется бухарский дирхар, во всех отношениях безупречный: отсутствие ошибок, очень умелое и уверенное размещение пространственных надписей на малой площади, безукоризненный и красивый почерк — все это выдает руку опытного (и даже незаурядного) мастера старой выучки, оставившего столь выдающийся нумизматический памятник. Почти ничем не хуже илакский фельс и бухарский дирхар, штемпели которых резались тоже квалифицированными мастерами (или мастером), работавшими скорее всего еще на саманидских монетных дворах.

Совсем иначе выглядит ферганский дирхар. Слова в надписи поля об. ст. то размещены довольно свободно (вторая и последняя строки), то лепятся друг к другу, причем иной раз соединены несоединяемые буквы, почерк же особенно неряшлив и груб; все это создает очень большие трудности при чтении именно этой надписи. Неумение размещать легенды привело к тому, что во внутренней круговой надписи л. ст. не хватило места для окончания слова **ثلثمائة** в дате (получилось **ثلث**). Есть и

просто ошибки: вместо **بفرغانه** начертано **أفرغانه**

вместо **ملك — ملك**. Словом, все выдает руку мастера малоопытного и неумелого. Вполне понятно, что в Бухаре, столице Саманидов, можно было найти мастеров очень высокой квалификации, но вот почему в Фергане не удалось отыскать хорошего резчика для изготовления штемпелей одной из первых (если не первой) караханидских монет — это, конечно, трудно объяснить.

Все это лишь частные соображения по поводу издаваемых монет, широкое и всестороннее изучение которых еще впереди.

²⁹ Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Соч. Т. II. Ч. I. М., 1963, с. 44.

Ю. ЗАДНЕПРОВСКИЙ, Л. БАРАНОВ

ЦИТАДЕЛЬ БИЛОВУРТЕПА

Отряд ИА АН УзССР и ЛОИА АН СССР продолжил раскопки на городище Билувуртепа в восточной части Андижанской области. В предшествующий сезон здесь была полностью расчищена внешняя сторона цитадели, круглая в плане (диаметр около 27 м), и начато изучение внутренней застройки. В результате проведенных работ установлено, что внутри оборонительных стен находилось одно монументальное здание, состоящее из пяти комнат. Постройка имела крестовидный план. В центре ее находилась большая почти квадратная комната площадью 50 м². Со всех четырех сторон к ней пристроены прямоугольные комнаты меньшего размера — 15—17 м². Полностью были расчищены комнаты 2, 6 и 8. Стены комнат толщиной 1,4—1,5 м сохранились на высоту 2—2,5 м. Сложены они из крупноформатного кирпича. В южной стене комнаты 6 и западной стене комнаты 4 обнаружены ниши — проходы. Во всех комнатах оказалось поразительно мало находок, которые позволили бы определить назначение отдельных комнат и постройки в целом.

Раскопанное здание занимает большую часть внутреннего пространства цитадели. Оно окружено массивной оборонительной стеной с четырьмя башнями. От стены здание отделено узкими проходами шириной 1,5—2,5 м. Угловые участки, сегментовидные в плане, располагаются около башен и представляют собой своего рода дворики. Один из них — комната 3, полностью расчищенная в предшествующий сезон. Три остальные вскрыты только траншеями, которыми оконтурены снаружи стены постройки. Основные находки керамики, пряслица и каменные поделки происходят из комнат-дворов. Весь комплекс находок и прежде всего керамика с красным ангобом ориентировочно могут быть датированы первыми вв. н. э.

Таким образом, на цитадели обнаружено монументальное здание крестовидного плана. Планировочное решение застройки цитадели Билувура не имеет прямых аналогий в Фергане и в других областях Средней Азии, хотя нам известны памятники с крестовидной планировкой. В таком полном виде внутренняя застройка выявлена впервые на памятниках мархаматского периода Ферганы.

Открытое нами здание ¹— место обитания — резиденция представителя землевладельческой знати поры Даваньского царства. Оно заставляет вспомнить те кушанские замки Ферганы, о которых в свое время писал А. Н. Бернштам. Обращают на себя внимание небольшие размеры самой цитадели (около 100 м²) и отдельно стоящего здания (270 м²), которое по всей вероятности можно рассматривать как прототип донжонов, характерных для раннесредневековых замков.

Завершение раскопок цитадели и городища Билувуртепа позволит выявить некоторые особенности культуры мархаматского периода Ферганы (первые века н. э.), а также на конкретных материалах исследовать проблему генезиса одного из ведущих типов раннесредневекового периода.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
М. Касымов. Новые открытия палеолитических памятников в бассейне р. Ахангарана	7
М. Касымов, Х. Дуке, Т. Гречкина. О новых данных по каменному веку Туябугуза	11
Б. Абдуллаев. Могильник Джаркутан	22
У. Рахманов. Раскопки керамических горнов культуры Сапалли на Бустане 4	35
Х. Дуке. Новая стоянка эпохи бронзы в Ташкентской области	44
Р. Сулейманов, Н. Нефедов. Раскопки святилища храма городища Ер-Курган	49
И. Ахраров. Сельское поселение античного времени в Чустском районе	57
К. Сабиров. Новые данные о крепостных стенах кушанского городища Зартепа	64
М. Туребеков. Археологическое изучение оборонительных сооружений городища Калаи-Зохаки-Марон	68
К. Абдуллаев. Два фрагмента люстровой керамики из Бухары	76
Р. Абдиримов. К изучению памятника Аксачтепа	79
Э. Ртвеладзе, М. Исхаков. Два средневековых чаганианских поселения	84
Х. Халилов. Материалы к остеологической характеристике населения Джаркутана эпохи бронзы	95
В. Рузанов. О некоторых древних оловорудных источниках на территории Узбекистана	98
Т. Ерназарова. Новые монеты Афраснаба и его окрестностей	105
Б. Кочнев. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть 2 (Караханиды)	120
А. Валиев. Средневековый колодец на городище Старого Термеза	139
С. Ишанханов, Б. Кочнев. Древнейшие караханидские монеты	142
Ю. Заднепровский, Л. Баранов. Цитадель Билувуртепа	153

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Вып. 15

*Утверждено к печати Ученым советом Института археологии,
Отделением истории, языкознания и литературоведения АН УзССР*

Редактор *А. С. Михерева*
Художник *Е. И. Владимиров*
Технический редактор *В. М. Тарахович*
Корректор *О. В. Вахнина*

ИБ № 624

Сдано в набор 9/VII-79 г. Подписано к печати 14/IX-79 г. P04730. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,75.
Уч. изд. л. 9,3. Тираж 1000. Заказ 169. Цена 1 р. 60 к.

Типография издательства «Фан» УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.

Адрес издательства: 700047. Ташкент, ул. Гоголя, 70.

Цена 1 р/60 к.